

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 3 • 2014 • ИЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Конурбаев М.Э., Лингарт А.А.* Опыт лингвопоэтического сопоставления и филологического толкования английских переводов Библии: семантика и ритм молитвы 3
- Мишуров Э.Н.* «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода (Часть V) 24
- Чович Б.* О трёх типах переводов: интерлингвистическом, интралингвистическом и трансмутации 47

Методология перевода

- Исолахти Н.* Опустить за ненадобностью — точность перевода судебного допроса 59
- Какзанова Е.М.* Сокращения в медицинских текстах и особенности их перевода. 80
- Нестерова Н.М., Папулова Ю.К.* “The lambs of London” и/или «Лондонские сочинители»: о проблеме перевода заглавия 89

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Артёмьева Ю.В., Миронов Н.С.* Адекватность перевода, или Перевод с русского на русский язык 102
- Есакова М.Н., Харатсидис Э.К.* Культурно-антропологическая парадигма науки о переводе (на примере романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на французский и греческий языки) 114
- Коровкина М.Е.* О влиянии национальной картины мира на перевод (на примере особенностей перевода русскоязычных бессубъектных конструкций на английский язык) 127

Вопросы терминологии

- Ким Ире.* Лексическая и терминологическая вариативность в корейском языке 139

Рецензии

- Татаринов В.А.* Термин “Nichtwissen” как объект межкультурного и междисциплинарного исследования. 149

Contents

General Translation Theory

- Konurbaev, M.E., Lipgart, A.A.* Glimpses of a Comparative Linguistic Poetic Analysis and a Literary Interpretation of the English Translations of the Bible: Semantics and the Rhythm of Prayer 3
- Mishkurov, E.N.* On the Functioning of the Hermeneutical Paradigm of Translation (Part V) 24
- Chovich, B.* On the Relationship between Inter- and Intra-linguistic Translation Methods toward Transmutation 47

Translation Methodology

- Isolahti, N.* To Omit when Unnecessary: Accuracy of Interpreting in Criminal Trials 59
- Kakzanova, Ye.M.* Translating Abbreviations in Medical Texts 80
- Nesterova, N.M., Papulova, Yu.K.* “The Lambs of London” and/or «Лондонские сочинители»: Book Titles in Translation 89

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Artemyeva, Yu.V., Mironov, N.S.* The Adequacy of Translation, or Translating from Russian into *Russian* 102
- Yesakova, M.N., Charatsidis, E.K.* Cultural-anthropological Paradigm in Translation Studies: A Case Study of French and Greek Translations of “The Master and Margarita” by Mikhail Bulgakov 114
- Korovkina, M.Ye.* Impact of National World Outlook on Translation: A Case Study of the Specifics of Translating Russian Syntactic Constructions without Subject into English 127

Terminology Issues

- Kim Yirye.* Lexical and Terminological Variability in Korean 139

Reviews

- Tatarinov, V.A.* The Term “Nichtwissen” as a Subject Matter of Intercultural and Interdisciplinary Research. 149

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

М.Э. Конурбаев,

доцент, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: marklen@konurbaev.ru

А.А. Липгарт,

профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: a_lipgart@mail.ru

ОПЫТ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ И ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ: СЕМАНТИКА И РИТМ МОЛИТВЫ

Сравнение как универсальный метод филологического исследования имеет свои специфические черты, когда речь заходит о лингвопоэтике. Лингвопоэтическое исследование переводного текста направлено на то, чтобы проследить взаимодействие содержательной и формальной сторон текста, выявить сравнительную значимость стилистически маркированных языковых единиц для создания эстетического эффекта и понять, чем определяется уникальность того или иного произведения словесно-художественного творчества. История английских переводов Священного Писания насчитывает немногим более семи веков и включает в себя труды великих теологов и мыслителей, начиная с эпохи Реформации и до сегодняшнего дня, — Джона Уиклифа, Уильяма Тиндейла, Майлза Ковердейла, Джона Роджерса и многих других. Руководствуясь мыслью о значительности Библии как литературного памятника среди других произведений английской литературы, данная статья посвящена оценке и сравнению различных переводов Библии на английский язык с целью установления формально-содержательных характеристик и эстетических особенностей различных вариантов перевода Священного Писания на английский язык в различные исторические эпохи с целью объяснить, чем определяется неповторимость и привлекательность этого текста в английском литературном наследии.

Ключевые слова: библия, семантика, ритм, Библия Короля Иакова, авторизованная версия, Экклезиаст, Библия Уильяма Тиндейла, история литературы, Отче наш, лингвопоэтика, лингвостилистика, история религии.

Marklen E. Konurbaev,

Professor at the English Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: marklen@konurbaev.ru

Andrey A. Lipgart,

Professor at the English Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: a_lipgart@mail.ru

Glimpses of a Comparative Linguistic Poetic Analysis and a Literary Interpretation of the English Translations of the Bible: Semantics and the Rhythm of Prayer

Comparison is a well-established method of philological research and has certain features when applied to a linguistic poetic study of a literary monument. It aims to reveal the relationship between the content and the form of the text and identify a comparative

value of the stylistically marked units of the language in rendering their unique aesthetic weight in text. The history of the English translations of the Bible covers a span of nearly seven and a half hundred years since the Reformation until modern times. By comparing formal peculiarities of well-known versions of the Bible as well as the Book of Common Prayer this article seeks to place the Bible among other works of literary art in the English culture. This paper is based on the results of the research jointly conducted by Professors Andrey Lippart and Marklen Konurbaev at the English Department of Lomonosov Moscow State University.

Key words: Bible studies, Authorized Version, King James Bible, Book of Common Prayer, Tyndale Bible, Ecclesiastes, semantics, rhythm, literary studies, poetics, linguistics, theory of translation, comparative linguistics, history of literature.

Мы предлагаем вниманию читателей развернутый лингвопоэтический анализ в трёх частях некоторых фрагментов Библии Короля Иакова. Каждая часть анализа представляет из себя отдельный раздел, изучаемый лингвопоэтикой. В данном номере публикуется третья из описанных частей.

VIII. Сопоставительный анализ ритмической организации английских переводов молитвы «Отче наш» в Библии и Молитвослове

В связи с проведённым лингвопоэтическим анализом молитвы «Отче наш» представляется уместным рассмотреть ритмическую организацию этого текста в двух Евангелиях и английском молитвослове в сопоставительном плане:

9 Our Father which art in heaven, Hallowed be thy name.
10 Thy kingdom come. Thy will be done in earth, as it is in heaven.
11 Give us this day our daily bread.
12 And forgive us our debts, as we forgive our debtors.
13 And lead us not into temptation, but deliver us from evil:
For thine is the kingdom, and the power, and the glory, for ever. Amen.
(Matthew 6: 9–13)

2 Our Father which art in heaven, Hallowed be thy name. Thy kingdom come. Thy will be done, as in heaven, so in earth.
3 Give us day by day our daily bread.
4 And forgive us our sins; for we also forgive everyone that is indebted to us. And lead us not into temptation; but deliver us from evil.
(Luke 11: 2–4)

Our Father, which art in heaven, Hallowed be thy Name. Thy kingdom come. Thy will be done, in earth as it is in heaven. Give us this day our daily bread. And forgive us our trespasses, As we forgive them that

trespass against us. And lead us not into temptation; But deliver us from evil: For thine is the kingdom, The power, and the glory, For ever and ever. Amen.

(The Book of Common Prayer)

Несмотря на внешнюю схожесть, в лингвопоэтическом смысле перед нами три отличающихся друг от друга произведения речи. Первые два текста представляют собой часть проповеди и, таким образом, требуют рассмотрения в более широком контексте проповедей Иисуса Христа. Третий же представленный здесь текст — часть литургии, и контекстом для него является церковная служба. Значимым является также и различие в расстановке знаков препинания и употреблении некоторых слов.

Общеизвестно, что ритмически даже два совершенно идентичных текста, поставленных в разное языковое окружение, могут звучать совершенно по-разному в зависимости от выполняемой ими функции. Это связано, прежде всего, с особой расстановкой акцентов в ином контекстуальном окружении.

В проповеди, где основой содержания обычно служит тот или иной отрывок из Библии, автор всегда может дополнительно выделять слова и обороты, на которых строится дальнейшее толкование. В Библии в устах Иисуса молитва звучит несколько иначе, чем в литургии.

Проповедь и литургия — это два особых, выходящих за рамки нейтральности выразительных речевых жанра [Конурбаев, 1993]. Однако эта выразительность имеет в них разную эмфатическую направленность.

В Библии мы имеем не молитву, в собственном смысле этого слова, а пример молитвы, который даёт своим ученикам Иисус. Причём приоритеты выразительности обозначены здесь достаточно чётко: предварив текст молитвы словами “But when ye pray, use not vain repetitions, as the heathen do: for they think that they shall be heard for their much speaking. Be not ye therefore like unto them: for your Father knoweth what things ye have need of, before ye ask him”, Иисус делает упор на том, что выбор слов для молитвы ограничен и сама молитва призвана быть выражением глубокой веры и смирения. Расстановка акцентов в библейском тексте молитвы предопределяется пунктуационно прописанным членением предложений на синтагмы. Несмотря на то что слоگو-ударный ритм не даёт «раствориться» ни одному значимому слову, более весомыми всё же оказываются слова, стоящие на стыках синтагм, поскольку именно здесь происходит предопределённый пунктуационными знаками интонационный «всплеск».

Перед создателями английского текста стояла достаточно сложная задача подобрать такие слова и обороты, чтобы текст был стилистически и ритмически выдержан в одном тоне и не создавал неясностей.

Приведём сравнительный ритмический анализ трёх вариантов текста молитвы Господней с тем, чтобы установить, возникает ли между ними различие на семантическом и метасемиотическом уровнях в силу различий сегментно- и акцентно-ритмических.

The Gospel according to St. Matthew	The Book of Common Prayer	The Gospel according to St. Luke
1/ Our Father which art in heaven,	1/ Our Father, which art in heaven,	1/ Our Father which art in heaven,
2/ Hallowed be thy name.	2/ Hallowed be thy Name.	2/ Hallowed be thy name.
3/ Thy kingdom come.	3/ Thy kingdom come.	3/ Thy kingdom come.
4/ Thy will be done in earth , as it is in heaven .	4/ Thy will be done , in earth as it is in heaven .	4/ Thy will be done , as in heaven , so in earth .
5/ Give us this day our daily bread.	5/ Give us this day our daily bread.	5/ Give us day by day our daily bread.
6/ And forgive us our debts,	6/ And forgive us our trespasses,	6/ And forgive us our sins;
7/ as we forgive our debtors.	7/ As we forgive them that trespass against us.	7/ for we also forgive everyone that is indebted to us.
8/ And lead us not into temptation,	8/ And lead us not into temptation;	8/ And lead us not into temptation;
9/ but deliver us from evil:	9/ But deliver us from evil:	9/ but deliver us from evil.
10/ For thine is the kingdom,	10/ For thine is the kingdom,	—
11/ and the power,	11/ The power,	—
12/ and the glory,	12/ and the glory,	—
13/ for ever.	13/ For ever and ever.	—
14/ Amen.	14/ Amen.	—

Очевидно, ритмически наиболее сбалансированной и благозвучной является молитва в английском молитвослове. Это благозвучие достигается благодаря рамочной структуре, подмеченной составителями этого текста при работе над библейскими вариантами молитвы. В зависимости от расстановки логических ударений (или типичной картины акцентов), слова с дифтонгами или трифтонгами могут восприниматься как более или менее протяжённые, а дифтонг приравняться либо к долготу, либо к краткому звуку, нередко соотносимому с двуслоговыми единствами, а трифтонг восприниматься как ди- или моносиллаб. Это может использоваться для задания определённой ритмико-мелодической картины.

В первом предложении молитвы в Евангелии от Матфея используется трифтонг -ouг-. Первая синтагма в Библии длиннее, чем в английском молитвослове (ВСП):

Евангелие от Матфея	ВСП
Our Father which art in heaven, /ʊ — ʊ/ʊ — ʊ — ʊ/ 8 слогов	Our Father, / — ʊ/ — ʊ/ 4 слога which art in heaven /ʊ — /ʊ/ — ʊ/ 5 слогов

Разделение этой синтагмы на две части было, по-видимому, обосновано следующим: в Евангелии от Матфея наблюдается некоторый дисбаланс стоп — первая короткая стопа амфибрахического типа, состоящая из 3 слогов, в некотором смысле перевешивается более протяжённой стопой, состоящей из 5 слогов, которая сама по себе отличается правильностью и симметричностью. Перцептивно ударный слог -art- уравнивается по протяжённости с первым слогом слова heaven благодаря позиционному укорачиванию звука [a:] перед глухим согласным. Данная стопа начинается с безударного и заканчивается безударным. Поставив под ударение первое слово синтагмы, описанный выше ритмический дисбаланс оказывается достаточно удачно решён (хотя и не лишён некоторых недостатков): безударный краткий моносиллаб -ouг- как бы превращается в двуслоговое слово с характерной для данного текста хореической структурой. Данное изменение в рисунке ударений позволяет практически безболезненно и удачно разделить всё первое предложение на две ритмические группы — первую с почти стихотворно правильным двухстопным хореем: Our Father, и вторую с уже описанной здесь симметричной ритмической картиной.

Аналогичную картину наблюдаем во второй синтагме молитвы в Евангелии от Матфея — Hallowed be thy name — с характерным выделением значимых слов и довлеющей слоگو-ударной симметрией, где умозрительно можно предположить некоторую ритмическую соотнесённость с предыдущей синтагмой, в которой начальные и конечные безударные второй стопы — which art in heaven — регулярно противопоставляются начальным и конечным ударным в третьей синтагме; кроме того, количество слогов в них равно — по 5 слогов в каждой:

which art in heaven,
Hallowed be thy name.

2. ʊ — ʊ — ʊ

3. — ʊʊʊ —

Думается, однако, вряд ли такая структура ударений подойдёт для литургии, где даже при видимой симметрии ударных слогов в начале и в конце строки нагромождение трёх последовательных безударных слогов не способствует созданию благозвучия. Такая структура вполне соответствует задачам проповеди, в которой передача заданного смысла никогда не будет жертвовать в угоду дополнительной орнаментальности. В данном случае раз усвоенная и принятая верующими проповедь становится частью молитвенного богослужения, в котором задачи создания величественности, торжественности и благозвучия выступают на первый план.

Однако в том случае, когда два конечных звука слова *-name-* произносятся как бы в один слог, эвфонические возможности конечного сонанта оказываются недостаточно реализованными — утрачивается возможность создания дополнительной благозвучности через перцептивное соотнесение конечных сонантов в словах *-heaven-* первой синтагмы и *-name-* второй синтагмы. Для того чтобы реализовать указанную возможность, моносиллаб *-name-* должен произноситься с некоторым удлинением дифтонга и более протяжным произнесением финального сонанта, что хорошо сочетается с идеей перцептивной изохронии в этой строке. На слух первый слог слова *hallowed* с несколько протяжённым произнесением сонанта воспринимается одинаково по длине с первым слогом слова *-name-* при условии, если данное слово произносится указанным выше способом. Такое произнесение как бы превращает моносиллаб в двуслоговую единицу хореического типа, и вся строка будет иметь рамочную структуру с хореическим началом и концом и центральной двусложной стопой, состоящей из двух последовательных ударных слогов:

Hallowed be thy name

/ — ∪/ — —/ — ∪/

Именно такое изглашение, на наш взгляд, будет характерным для литургии, где в полной мере реализуются все возможности для создания дополнительного благозвучия. Слово *-be-* с конечным напряжённым узким гласным переключается с сужающимся дифтонгом слова *-thy-*. На слух каждое из этих слов равно по протяжённости двуслоговому *-hallowed-* и конечному *-name-*.

Второе предложение молитвы, состоящее из 4-х слогов и сонанта в сильной позиции, в исходе предложения звучит одинаково, как в Евангелии от Матфея, так и в английском молитвослове: *Thy kingdom come*.

Ударная структура третьего предложения в Евангелии от Матфея кажется вполне правильной и благозвучной:

Thy will be done in Earth

/ʊ — /ʊ — /ʊ — /

Это правильный трёхстопный ямб. Однако переход от второй к третьей стопе несколько затруднён вследствие артикуляторно неблагоприятного соположения двух сонантов, один из которых стоит в сильной позиции, а второй — в слабой. Для того чтобы «высвободить» сильный сонант и позволить ему в полной мере реализовать свои эфонические возможности (в паре со словом *heaven*, стоящим в конце предложения и перекликающимся с конечными сонантами всех предыдущих строк), последняя ямбическая стопа была перенесена в литургическом варианте в следующую синтагму:

Thy will be done,

/ʊ — /ʊ — /

in Earth as it is in heaven

/ʊ — /ʊʊ — /ʊ — ʊ/.

Несмотря на видимый разноряд в структуре ударений трёх стоп во второй синтагме этого предложения (ямб, анапест, амфибрахий), на слух она воспринимается как некое правильное ритмически сбалансированное единство, что, по-видимому, объясняется столь типичным для английского ритма «подлаживанием» протяжённости стоп, входящих в одну синтагму, друг под друга для создания эффекта изохронии. Происходит это следующим образом. В первой стопе *in earth* — два монослоговых элемента и явная нехватка одной моры для того, чтобы уравниваться по длительности с двумя последующими стопами, содержащими по три слога (три моносиллаба во второй стопе и один моносиллаб и дисиллаб в последней стопе). Нехватка данного элемента компенсируется виртуальной паузой в конце первой стопы. Конечный глухой согласный первой стопы хорошо помогает более полной её (паузы) реализации. Концовка второй стопы несколько уподобляется по звучанию первой благодаря слабому оглушению конечного звонкого свистящего, что дополнительно создаёт эффект, напоминающий внутреннюю рифму стихотворных произведений. Сонант в конечном безударном слоге третьей стопы хорошо сочетается с финальными ударными слогами двух предыдущих стоп.

Аналогичное уподобление стоп по долготе и звучанию внутри синтагмы наблюдается и в следующем предложении молитвы, состоящем из 8 слогов:

Give us this day our daily bread

Евангелие от Матфея

/ — ʊ/ʊ — /ʊ — ʊ/ —

Английский молитвослов

/ — ʊ/ — / — /ʊ — ʊ/ —

Некоторое изменение ритмической структуры 5-го предложения в английском молитвослове, по сравнению с тем, что мы находим в Евангелии от Матфея, оправдывается, на наш взгляд, не столько стремлением усовершенствовать сам ритм этих строк (ср. в Евангелии от Матфея,

And forgive us our debts,
As we forgive our debtors.
/ — ∪/∪ — /∪ — / — /
/∪ — /∪ — / — ∪/ — ∪/),

сколько сделать более выразительными окончания синтагм. Монослоговой латинизм *debt-* заменяется трёхсловным латинизмом *trespasses*, который в Евангелии от Матфея употребляется сразу после самой молитвы в 14—15 стихе.

Благодаря трёхсловной дактилической структуре слова *-trespasses-*, его изгласание несколько замедляется, что хорошо соотносится с предыдущими сонорными концовками синтагм, которые в сильной позиции создают сходный эффект замедленного произнесения. Троекратный свистящий в слове *-trespasses-* не даёт полностью раствориться слабоударному окончанию. А неблагозвучное, практически теряющееся противопоставление *debts—debtors* заменяется более выразительным и по силе и по позиции ударений противопоставлением — *them-us*. Ритмически, как и в предыдущих случаях, данное предложение выдержано в балансе зеркальных противопоставлений ямба—хорей, которое содействует лучшему осмыслению и восприятию противопоставления семантического:

And forgive our trespasses
as we forgive them,
that trespass against us
/ — ∪/ — ∪/ — ∪/ — ∪∪/
/∪ — /∪ — / — /
/—/ — ∪/∪ — / — /
(английский молитвослов);
ср. *-in earth-* / — ∪/ vs *-in heaven-* /∪ — ∪/

В следующих двух синтагмах, которые звучат почти идентично в Евангелии от Матфея и в английском молитвослове, слуховая ритмическая гармония целиком основана на заданной схеме логических ударений. Вот как выглядят эти две строки в плане соотношения сильных и слабых слогов:

Евангелие от Матфея:
 And lead us not into temptation,
 but deliver us from evil
 /- / - u /- / - u / u - u /
 /- / u - u / - / - / - u /

На первый взгляд может показаться, что эти две строки симметрично противопоставлены друг другу хорейческим началом в первой строке хорейческому концу во второй и амфибрахическим концом первой строки — амфибрахическому началу второй:

lead us vs evil
 temptation vs deliver

Однако в силу того что в молитве основной ритмический упор делается в конце строки, на слух эти две строки сбалансированы именно финальным сходным узором расстановки акцентов. Конечные сонорные усиливают впечатление симметрии:

/ u - u / - u u / u - u /
 u / u - u u / u - u /

Завершающее славословие воспринимается в том же ритмическом ключе, что и предыдущее предложение, где симметрично соотносятся финальные амфибрахические стопы. Данная слуховая симметрия была подмечена составителями английского молитвослова, которые несколько усовершенствовали ритм этой части молитвы в том виде, как она была представлена в Евангелии от Матфея, опустив союз -and- и добавив одну амфибрахическую стопу -for ever- в последнюю строку, тем самым создав симметричную рамочную структуру:

Евангелие от Матфея

/ u - u / u - u /
 u / u - u /
 u / u - u /
 / u - u /
 / - u /

Английский молитвослов

/ u - u / u - u /
 / u - u /
 u / u - u /
 / u - u / u - u /
 / - u /

* * *

Благодаря особой расстановке знаков препинания в английском молитвослове значительно усовершенствованной оказывается акцентно-слоговая структура синтагм. Вот как соотносятся между собой по количеству слогов строки в Евангелии от Матфея и в английском молитвослове:

Евангелие от Матфея				Английский молитвослов			
4+5	9	7		4+5	9+9	6	
5	7	4		6	5	3	
4	7	4	2	4	6	4	2
6+6	9	3		4+8	9+8	6	
	8	2					

В английском молитвослове хорошо просматривается рамочная структура синтагм с более протяжённым началом и концом и короткими синтагмами в середине. Эффект симметрии и изохронности поддерживается в английском молитвослове чётко прописанной рамочной схемой логических ударений:

Евангелие от Матфея				Английский молитвослов			
3+2	4+2	2		2+2	3+2	2	
2	2	1		4	2	1	
3+2	3+2	1	1	2	2	1	1
		1		2	2	2	
				3	3+2		

Подобная ритмическая акцентно-слоговая структура молитвы «Отче наш» в английском молитвослове свидетельствует о том, что по замыслу редакторов этой части литургии её темп значительно замедляется, а конечные сонорные, столь аккуратно выведенные на конец строк, при данном темпе придают тексту певучесть и несколько меняют характер смыслового восприятия благодаря выстроенной системе смысловых акцентов, ритмически сбалансированных определённым образом.

Несколько модифицированным благодаря перерасстановке слов и пунктуации в английском молитвослове оказывается интонационный контур. Первая синтагма Евангелия от Матфея, разбитая в английском молитвослове запятой на две, получает два финальных нисходящих контура, как бы задающих тон последующему интонационному рисунку. В этом интонационном контексте перенос ямбической стопы *-in earth-* в следующую синтагму оказывается вполне закономерным, так как при этом восходяще-нисходящая шкала, используемая для противопоставления двух сфер *-in earth-* vs *-in heaven-* опять сменяется двумя финальными нисходящими контурами, как бы отчерчивая эту часть молитвы от той, ко-

торая следует за ней, поскольку следующий стих — Give us this day our daily bread, — несмотря на то что он тоже завершается нисходящим контуром, — начинается с более высокой ноты, чем предыдущий. Введение трёхсловного -trespasses- несколько переориентировало и функционально переобозначило нисходяще-восходящий тон четвёртого стиха Евангелия от Матфея, заменив противопоставление *7debts vs 4our debtors* более зримым и запоминающимся *7them vs4us*.

Несколько изменённым в английском молитвослове оказывается тринадцатый стих Евангелия от Матфея. Смена знака препинания с запятой на точку с запятой после восьмой строки и замена строчной буквы начального -but- девятой строки на прописную означает удлинение финального сонорного и паузы в конце восьмой строки, а также смену восходяще-нисходящего контура, который мы находим в Евангелии от Матфея на два нисходящих контура. Стоящее в конце девятой строки двоеточие подводит интонационно-эмфатическую черту под этой частью молитвы, поскольку, как показали проведённые нами ранее исследования библейской пунктуации [Конурбаев, 1993], этот знак препинания, как правило, сигнализирует смену тембра. Таким образом, вторая часть молитвы оказывается объединена рамочной интонационной схемой:

↘ ↘ | ↗ ↘ | ↗ ↗

Это деление молитвы на три части всецело подтверждается нашими наблюдениями её акцентно-слоговой структуры: 1) для каждой части характерна рамочная слоговая структура с более протяжённым началом и концом и короткими синтагмами в середине; 2) блестяще соотносятся между собой слоговая и акцентная структура каждой из частей (см. приведённую выше схему); 3) первая и третья части молитвы оказываются соотносимы по протяжённости. Синтагмы второй части молитвы длиннее. Характерный перепад хореических, ямбических и амфибрахических стоп первой и третьей частей сменяется во второй части перепадом стоп дактилического и амфибрахического типа. На лексическом уровне это объясняется введением латинизмов, имеющих трёхсловную структуру: *trespass(es)*, *temptation*, *deliver*.

Проведённый сопоставительный анализ акцентно-слоговой и риторической структур молитвы в английском молитвослове выявляет три связанных между собой ритмических модели. Несмотря на изменения, внесённые в библейский текст составителями литургического текста (направленные, прежде всего, на придание ему большего благозвучия), заложенные в евангельском тексте основы деления, хотя и были заменены в молитвослове, тем не ме-

нее границ деления не нарушили. Библейский текст также диктует необходимость деления на три части, хотя и на несколько иных принципах.

В евангельском тексте выявленный ритмический рисунок подтверждается и на **лексико-синтаксическом** уровне: первая часть начинается и заканчивается амфибрахической стопой *-in heaven-*. Причём соотнесённость завершающего 10-й стих придаточного *-as it is in heaven-* и начального придаточного *-which art in heaven-* кажется вполне закономерной как на синтаксическом, так и на акцентно-слоговом уровне.

Данная рамочная конструкция, «обнимающая» две короткие синтагмы, кажется здесь вполне очевидной. В латинском тексте, в отличие от текста английского молитвослова и Евангелия от Матфея Библии Короля Иакова, первая часть объединяется особым морфо-синтаксическим построением трех центральных синтагм с глаголом в начальной позиции и местоимением в конце:

Pater noster qui es in caelis,
Sanctificetur nomen tuum;
adveniat regnum tuum;
fiat voluntas tua
sicut in caelo et in terra.

Попытка повторить данный ритмический морфо-синтаксический рисунок в Евангелии от Луки, на наш взгляд, перцептивно разбила первую часть молитвы на две в силу особого произнесения в сильной позиции финальных сонорных:

cp. Our Father which art in heaven,
Hallowed be thy name.
Thy kingdom come.
Thy will be done,
as in heaven,
so in earth.

Некоторым образом соотносятся между собой на лексико-синтаксическом уровне 11 и 12 стихи Евангелия от Матфея:

Give us this day our daily bread.
And forgive us our debts,
as we forgive our debtors.

Три входящие в них синтагмы объединяются ступенчатым расположением в них элемента *-give-*:

1 слог первой синтагмы

3 слог второй синтагмы

4 слог третьей синтагмы

и неизменным появлением на пятом слоге местоимения *-our-*.

Данное деление подтверждается и на **морфологическом уровне**, где от одной части к другой с достаточной очевидностью наблюдается смена одной грамматической формы другой.

Для более полного осознания функциональной значимости заданной здесь грамматико-морфологической организации молитвы, в основе которой лежит категория наклонения, особое внимание надо прежде всего обратить на своеобразие семантики каждого из наклонений. Три выделяемых нами части молитвы объединяются одной модальной направленностью, а именно побуждением к действию: от более мягкой формы в первой части, через категорический императив второй и к утверждающему индикативу третьей части.

Формально-грамматически ядро первой части основано на так называемом Subjunctive II. Однако модально-семантический аспект этой формы наклонения в некотором смысле противоречит общей смысловой и контекстуальной направленности молитвы. «Основная мысль, выражаемая Subjunctive I, это неуверенность в реальности данного явления. Последнее рассматривается говорящим как возможное, предположительное, допустимое...» [Смирницкий, 1959]. Однако большинство исследователей едины в том, что нередко формы Subjunctive I сближаются с императивом. «Хотя в целом и принципиально эти формы и разграничиваются, всё же они стоят очень близко друг к другу, и в некоторых случаях их отличительные признаки стираются» [Смирницкий, 1959]. Именно близость этих двух наклонений в плане выражаемой модальности дала основание некоторым исследователям объединить их в одно так называемое оценочно-желательное наклонение. При таком подходе именно модальность и семантика выступают на первый план. В центре этого наклонения оказываются желание, различные степени побуждения к действию, а в некотором роде смущающее исследователя молитвы противопоставление «реальность—нереальность», составляющее основу традиционной системы наклонений в английском языке, исчезает.

В молитве Господней три выявленные части несколько отличаются друг от друга по силе утверждения и выразительности пожелания. В этом смысле здесь наблюдается постепенная смена общей тональности от более мягкой оценочно-желательной модальности первой части (которая, на наш взгляд, всё же граничит с утверждением), к полному утверждению в конце. Эхом перекликаются первая и третья части молитвы:

Thy kingdom come — thine is the kingdom
Thy will be done — and the power,
Hallowed be thy name — And the glory
In earth as it is in heaven — for ever and ever.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что при расстановке акцентов традиционное разграничение на Subjunctive I и повелительное наклонение играет немаловажную роль, поскольку повелительное наклонение, в отличие от форм сослагательного I, характеризуется отсутствием подлежащего, а это уж является некоторым внешним моментом, подчёркивающим смысловое расхождение рассматриваемых форм [там же]. В первой части два акцента на подлежащем и сказуемом довлеют над её общей более мягкой английской модальностью, которая контрастирует с имеющим яркое акцентное ядро императивом второй части. Удачным представляется выбор морфологически более экспрессивного варианта императива отрицания — *Lead us not*, требующего по законам английской просодии смещения акцента с глагола на отдельно стоящую отрицательную частицу, что также призвано поддержать ритмическое единство и симметрию этой части.

Не менее удачным является выбор синтаксической инверсии в третьей, доксологической части, которая усилила утверждающую тональность молитвы и обеспечила постановку акцентов на конечных словах, модально-семантически перекликающихся с первой частью. В этом смысле некоторое изменение в акцентно-слоговой структуре этой части в английском молитвослове, по сравнению с Евангелием от Матфея, хотя и несколько ослабило столь типичную для эпическо-повествовательной библейской риторики напевность, создаваемую многосоюзием, все же оказалось вполне справедливым с семантико-просодической точки зрения, поскольку удлинение пауз перед ключевыми словами, возникающее в силу общей тенденции поддержания изохронности на значимых элементах текста, способствовало их более яркому акцентному выделению, а следовательно, и утверждающий тон молитвы.

Проведённый анализ показывает, что изменения, внесённые создателями литургического текста в библейский вариант молитвы, не только не нарушили, а наоборот, подчеркнули и усилили её утверждающий пафос и её торжественно-величественную простоту и симметричность. Основным структурным элементом, поддерживающим ритм молитвы, является рамка: амфибрахическая стопа на акцентно-слоговом уровне; нисходяще-восходяще-нисходящий контур на уровне интонации и др.

Ритмический рисунок в каждом из трёх рассматриваемых нами вариантов молитвы хотя и очень схож, всё же имеет некоторые различия и соотносим с контекстом, в котором произносится молитва.

Так, в Евангелии от Матфея молитва Господня является частью большего ритмического единства 6-й главы Евангелия, основная задача которой — подчеркнуть для верующих необходимость тай-

ного выполнения некоторых обрядов. Призыв к соблюдению таинства подкрепляется лексико-семантическим параллелизмом в конце каждого смыслового единства в пределах главы:

But when thou doest alms, let not thy left hand know what thy right hand doeth: that thine alms may be in secret: and thy Father which seeth in secret himself shall reward thee openly.

*

But thou, when thou prayest, enter into thy closet, and when thou hast shut thy door, pray to thy Father which is in secret; and thy Father which seeth in secret himself shall reward thee openly.

*

But thou when thou fastest, anoint thine head, and wash thy face; that thou appear not unto men fast, but unto thy Father which is in secret: and thy Father which seeth in secret himself shall reward thee openly.

В некотором смысле это призыв к молящемуся соблюдать простоту и избегать напыщенности при соблюдении обряда. В молитве это выбор только самых необходимых слов, чтобы избежать напыщенных повторов. Именно на этих словах и будет ставиться основной логический акцент в молитве. При этом, как уже отмечалось, молитва снабжена небольшой комментирующей строкой в 14—15 стихе, которая высвечивает элемент покаяния. Не случайно именно этот, 12-й стих в молитве подвергается наибольшему лексическому варьированию (в XIV в. здесь мы встречаем германское слово *-gyltas-*, в Евангелии от Матфея латинизм *-debt-*, в Евангелии от Луки *-sin-*, в английском молитвослове *-trespasses-*). В Евангелии от Матфея, как мы уже видели, этот акцент был сделан с помощью акцентной привязки к элементу *-give-* и к местоимению *-ou-* в 12-м стихе.

Несколько иначе расставлены акценты в Евангелии от Луки, которые также продиктованы контекстом. Молитва Господня здесь открывает 11 главу, а последующий комментарий фактически ставит один сильный акцент на то, что составляет основу любой молитвы — прошение, просьбу:

5 And he said unto them, Which of you shall have a friend, and shall go unto him at midnight, and say unto him, Friend, lend me three loaves;

6 for a friend of mine in his journey is come to me, and I have nothing to set before him?

7 And he from within shall answer and say, Trouble me not: the door is now shut, and the children are with me in bed; I cannot rise and give thee.

8 I say unto you, Though he will not rise and give him, because he is his friend, yet because of his importunity he will rise and give him as many as he needeth.

9 And I say unto you, Ask, and it shall be given you; seek, and you shall find; knock, and it shall be opened unto you.

10 For every one that asketh receiveth; and he that seeketh findeth; and to him that knocketh it shall be opened.

11 If a son shall ask bread of any of you that is a father, will he give him a stone? or if he ask a fish, will he give him a serpent?

12 Or if he shall ask an egg, will he offer him a scorpion?

13 If ye then, being evil, know how to give good gifts unto your children; how much more shall your heavenly Father give the Holy Spirit to them that ask him?

Данный контекст отчасти объясняет, почему здесь нет финального словословия, которое мы находим в Евангелии от Матфея. Однако, как и в Евангелии от Матфея, первая часть отделена от второй своеобразным ритмическим рисунком, в котором за счёт постепенного укорачивания синтагм акценты становятся более яркими и запоминающимися. В последнем предложении этой части вместо двух акцентов в Евангелии от Матфея и в английском молитвослове находим три:

Our Father which art in heaven,
Hallowed be thy name.
Thy kingdom come.
Thy will be **done**,
as in **heaven**,
so in **earth**.

Вторая часть также построена на ритмическом балансе слогов и ударений, подчёркивающих, в соответствии с описанным выше контекстом, императив прошения. Серединная синтагма, выделенная как пунктуационно, так и длиной, как бы отделяет два соотносимых слоговых единства:

Give us day by day our daily bread.
And forgive us our sins;

for we also forgive everyone that is indebted to us.

And lead us not into temptation;
but deliver us from evil.

Вот как выглядит эта часть молитвы в Евангелии от Луки в плане соотношения количества слогов в отмеченных нами частях:

9		9
6	16	8

Контекст в данном случае предопределяет большее количество акцентов, чем в Евангелии от Матфея, что и было выполнено переводчиками Библии Короля Иакова.

Сравнивая текст молитвы Господней в Евангелии от Матфея и в Евангелии от Луки, обнаруживаем различие в расстановке акцентов лишь в двух строках. В 4-й строке Евангелия от Матфея под эмфатическим ударением оказываются слова **earth** и **heaven**. В Евангелии от Луки переводчики посчитали необходимым пунктуационно выделить предикативную часть предложения. Различие наблюдается также и в оформлении 6-й и 7-й строк. В Евангелии от Матфея наблюдается большая спаянность двух частей сложного предложения, благодаря запятой в конце первой части и видимого противопоставления дополнения главной части дополнению придаточной части. Составители английского молитвослова учли ритмико-мелодические и семантические особенности обоих текстов и создали на их основе новый текст, отличающийся слуховой, смысловой и эстетической гармонией. Надо признать, что нередко упор на звуковую сторону текста приводит к созданию исключительно своеобразных семантических единств, в которых ритм сегментных единиц ярко очерчивает смысл текста. Английский молитвослов сумел избежать голый орнаменталистики. В молитве Господней сбалансированы план выражения и план содержания. Она является образцом тончайшего филологического подхода к редактированию и воспроизведению текста оригинала, новое воспроизведение которого наилучшим образом соответствует задачам нового узуса. Все эти факторы, взятые в совокупности, и определяют уникальность этого отрывка из Библии Короля Иакова и большую его эстетическую ценность по сравнению с другими переводами.

Подчеркнём, что сопоставление на уровне ритма нельзя проводить механически. Например, переводы 11 стиха в Библии Короля Иакова и в GNB идентичны по своей акцентной структуре (ср. 'Give us this day our daily bread', AV, и 'Give us today the food we need', GNB). Если мы говорим о лингвопоэтической нагруженности использования ритма в Библии Короля Иакова, из этого не явствует, что акцентная структура данного конкретного стиха является оптимальной и что поэтому повторяющий её текст также обладает лингвопоэтической ценностью. Орнаментальный характер ритма проявляется здесь с особой яркостью, и этот пример служит подтверждением того, что говорить об актуализации свойств ритмического уровня всегда следует с особой осторожностью.

Выше было сказано, что благодаря регуляризации длины синтагм в отрывке из Библии Короля Иакова у читателя возникает впечатление стройности и смыслового единства всего текста, которое разрушено в тексте GNB. В рассматриваемом отрывке создатели Библии Короля Иакова последовательно отказываются от попытки проделать то же самое с ударными слогами, то есть внести некую регулярность в их чередование с безударными. Именно это,

как и в проанализированном нами тексте из Екклезиаста, совершают здесь авторы NIV и REB, результатом чего становится затемнение содержания всего небольшого отрывка.

Например, текст 10 стиха в REB графически разделён на три самостоятельные строки, имеющие по два ударных слога, причём в первых двух мы сталкиваемся с регулярным двустопным ямбом: “your kingdom come, your will be done on earth as in heaven”. Введение регулярного размера не только не способствует улучшению эстетических качеств текста, но и создаёт некую акустическую инерцию, которую нужно преодолеть для того, чтобы уловить смысл фразы и не потерять его на фоне возникающей звуковой гармонии. Отсутствие в этом стихе лексических факторов, нарушающих синтаксическую просодию, а также деление на стихи (в принципе недопустимое при передаче библейской поэзии, суть формальной организации которой заключается не в регулярном чередовании ударных и безударных слогов, но в применении параллелизма на разных уровнях) приводят к тому, что текст начинает звучать монотонно и что орнаментальные элементы, отнюдь не самоценные в этом значительном по содержанию отрывке, выходят на передний план, затрудняя восприятие содержания.

* * *

Разработка методологии лингвопоэтического анализа помогает решить ряд научно-теоретических проблем, однако в ходе неё рассматриваются и более конкретные, практические вопросы прагмалингвистического (прагмастилистического) порядка. Соотношение между теоретической сложностью и практической значимостью разных методов лингвопоэтического анализа может быть различным, и обусловлено это вполне объективными причинами — в первую очередь, характером изучаемого материала и особенностями стоящих перед исследователем задач. Занимаясь разными аспектами лингвопоэтического анализа, филолог должен помнить о наличии подобных несовпадений, и ему не следует стремиться к созданию сложных теоретических построений там, где они нежелательны и неуместны.

Великие литературные произведения всегда скрывают в себе некую тайну, и эту тайну нельзя раскрыть до конца с помощью даже самого подробного филологического исследования. Филология вообще и лингвопоэтика как её раздел не претендуют на то, чтобы исчерпывающим образом объяснить художественный текст; стоящие перед ними задачи намного скромнее. Лингвопоэтические исследования призваны хотя бы отчасти объяснить, чем определяется неповторимость и привлекательность того или иного текста. С этой задачей филология вполне может справиться, и

ради того, чтобы до некоторой степени приблизиться к выявлению уникальности одного из самых значительных литературных памятников в истории человечества, и была написана и настоящая статья.

Список литературы

- Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984. 211 с. [*Aleksandrova O.V.* Problemy ekspressivnogo sintaksisa. M., 1984. 211 p.]
- Ахманова О.С.* О стилистической дифференциации слов // Сб. статей по языкознанию. Проф. МГУ akad. В.В. Виноградову в день его 60-летия. М., 1958. С. 24—39 [*Akhmanova O.S.* O stilisticheskoj differenciacii slov // Sb.statej po jazykoznaniju. Prof. MGU akad. V.V. Vinogradovu v den' ego 60-letija. M., 1958. S. 24—39].
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969. 608 с. [*Akhmanova O.S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov. M., 1969. 608 s.]
- Борхес Хорхе Луис.* Пьер Менар, автор «Дон Кихота» // Мистические рассказы. М.: АСТ, 2002. [*Borges, Jorge Luis.* Pier Menar, avtor "Don Kikhota" // Misticheskie rasskazy. M.: AST, 2002].
- Вербицкая М.В., Тыналиева В.К.* Вторичный текст и вторичные элементы в составе развернутого произведения речи. Фрунзе, 1984. 102 с. [*Verbickaja M.V., Tynaljeva V.K.* Vtorichnyj tekst i vtorichnye elementy v sostave razvernutogo proizvedenija rechi. Frunze, 1984. 102 s.]
- Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. 360 с. [*Vinogradov V.V.* Izbrannye trudy. O jazyke khudozhestvennoj prozy. M., 1980. 360 s.]
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. 388 с. [*Vinogradov V.V.* Izbrannye trudy. Jazyk i stil' russkikh pisatelej. Ot Karamzina do Gogolja. M., 1990. 388 s.]
- Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971. 238 с. [*Vinogradov V.V.* O teorii khudozhestvennoj rechi. M., 1971. 238 s.]
- Виноградов В.С.* Восприятие текста и его воссоздание в процессе художественной литературы // Филол. науки. 1974. № 1. С. 65—71. [*Vinogradov V.S.* Vosprijatie teksta i ego vossozdanie v processe khudozhestvennoj literatury // Filol. Nauki. 1974. № 1. S. 65—71].
- Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. М., 1991. 448 с. [*Vinokur G.O.* O jazyke khudozhestvennoj literatury. M., 1991. 448 s.]
- Григорьев В.П.* К вопросу о слове как экспресеме // Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970. С. 59—60 [*Grigoriev V.P.* K voprosu o slove kak ekspresseme // Aktual'nye problemy leksikologii. Minsk, 1970. S. 59—60].
- Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Л., 1979. 493 с. [*Zhirmunskij V.M.* Sravnitel'noe literaturovedenie. L., 1979. 493 s.]
- Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. 404 с. [*Zhirmunskij V.M.* Teorija literatury. Poetika. Stilistika. L., 1977. 404 s.]
- Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л., 1975. 664 с. [*Zhirmunskij V.M.* Teorija stikha. L., 1975. 664 s.]
- Задорнова В.Я.* Восприятие и интерпретация художественного текста. М., 1984. 152 с. [*Zadornova V.Ja.* Vosprijatie i interpretacija khudozhestvennogo teksta. M., 1984. 152 s.]

- Задорнова В.Я.* Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1992. 479 с. [*Zadornova V.Ja.* Slovesno-khudozhestvennoe proizvedenie na raznykh jazykakh kak predmet lingvopojeticheskogo issledovaniya: Diss. ... dokt. filol. nauk. М., 1992. 479 s.]
- Задорнова В.Я.* Филологические основы перевода поэтического произведения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1976. 19 с. [*Zadornova V.Ja.* Filologicheskie osnovy perevoda pojeticheskogo proizvedeniya: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. М., 1976. 19 s.]
- Комова Т.А.* Модальный глагол в языке и речи. М., 1990. 140 с. [*Komova T.A.* Modal'nyj glagol v jazyke i rechi. М., 1990. 140 s.]
- Конурбаев М.Э.* Библия Короля Иакова в лингвопоэтическом освещении: Спецкурс (учебно-метод. пособие). М.: Диалог-МГУ, 1998 [*Konurbaev M.E.* Biblija Korolja Iakova v lingvopojeticheskom osvshhenii: Speckurs (uchebno-metod. posobie). М.: Dialog-MGU, 1998].
- Конурбаев М.Э.* Библия короля Иакова: литературный плагиат, политический манифест или библиографическое открытие? // Библия короля Иакова: 1611—2011. Культурное и языковое наследие / Отв. ред. д-р филол. наук Е.Б. Яковенко. М.: БукиВеди, 2013. С. 75—86 [*Konurbaev M.E.* Biblija korolja Iakova: literaturnyj plagiat, politicheskij manifest ili bibliograficheskoe otkrytie? // Biblija korolja Iakova: 1611—2011. Kul'turnoe i jazykovoe nasledie / Отв. red. d-r filol. nauk E.B. Jakovenko. М.: BukiVedi, 2013. S. 75—86].
- Конурбаев М.Э.* Стиль и тембр текста. М.: МАКС-ПРЕСС, 2001 [*Konurbaev M.E.* Stil' i tembr teksta. М.: MAKS-PRESS, 2001].
- Конурбаев М.Э.* Тембральная организация английской речи (на материале Библии короля Иакова): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993. [*Konurbaev M.E.* Tembral'naja organizacija anglijskoj rechi (na materiale Biblii korolja Iakova): Diss. ... kand. filol. nauk. М., 1993].
- Липгарт А.А.* Лингвопоэтическое сопоставление: теория и метод. М., 1994. 276 с. [*Lipgart A.A.* Lingvopojeticheskoe sopostavlenie: teorija i metod. М., 1994. 276 s.]
- Липгарт А.А.* Метаязык лингвопоэтических исследований // Терминоведение. 1994. № 1. С. 137—140 [*Lipgart A.A.* Metajazyk lingvopojeticheskikh issledovaniy // Terminovedenie. 1994. № 1. S. 137—140].
- Липгарт А.А.* О принципах и методах лингвопоэтического исследования художественных текстов // Язык, литература, культура: традиции и инновации (материалы конференции молодых учёных). М., 1993. С. 33—34 [*Lipgart A.A.* O principakh i metodakh lingvopojeticheskogo issledovaniya khudozhestvennykh tekstov // Jazyk, literatura, kul'tura: tradicii i innovacii (materialy konferencii molodykh uchenykh). М., 1993. S. 33—34].
- Липгарт А.А.* Ольга Сергеевна Ахманова: Очерк жизни и научного творчества. М., 2013 [*Lipgart A.A.* Ol'ga Sergeevna Akhmanova: Oчерk zhizni i nauchnogo tvorcestva. М., 2013].
- Липгарт А.А.* Основы лингвопоэтики. М., 2013 [*Lipgart A.A.* Osnovy lingvopojetiki. М., 2013].
- Полубиченко Л.В.* Филологическая топология: теория и практика: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1991. 47 с. [*Polubichenko L.V.* Filolo-

- gicheskaja topologija: teorija i praktika: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. M., 1991. 47 s.].
- Самадов Б.А.* Словарь современного английского языка в действии: от понятия к слову и от слова к смыслу: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1992. 43 с. [*Samadov B.A.* Slovar' sovremennogo anglijskogo jazyka v dejstvii: ot ponjatija k slovu i ot slova k smyslu: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. M., 1992. 43 s.].
- Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959. С. 342 [*Smirnickij A.I.* Morfologija anglijskogo jazyka. M., 1959. S. 342].
- Томашевский Б.В.* Пушкин. Опыт изучения творческого развития. М.; Л., 1956. Кн. 1. 743 с.; М.; Л., 1961. Кн. 2. 575 с. [*Tomashevskij B.V.* Pushkin. Opyt izuchenija tvorcheskogo razvitija. M.; L., 1956. Kn. 1. 743 s.; M.; L., 1961. Kn. 2. 575 s.].
- Registers and Rhythm / Ed. by Olga Akhmamova and Tatjana Siskina. M., 1975. 169 p.
- The Bible Designed to Be Read as Living Literature, the Old and the New Testament in the King James Version / Ed. by E.S. Bates and W. Allison. Simon & Schuster, 1993. 1258 p.

Э.Н. Мишкuroв,

доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mishkurov@inbox.ru

«ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА (Часть V)*

Настоящая часть монографического исследования по теме «Общая и переводческая герменевтика» посвящена описанию теоретико-методологических постулатов функционирования герменевтической парадигмы перевода (ГПП) в сопоставлении с институционализованной лингвистической теорией перевода (ЛТП) в различных её модификациях. Критически оценивается эксплицитное положение ЛТП о «презумпции неумелого переводчика» и замена его презумпцией “*fidus interpres*”. Рационализируется максима П. Рикёра о «верности/неверности перевода своему источнику» как относящаяся к сфере действия лингвистической модели перевода и очерчиваются сферы сугубо герменевтического порождения «вторичного текста» переводчиком как «соперником автору оригинала». Верифицируется концептуально-методологическая структура ГПП как выстроенная по принципу дополнительности дискурсивная соборность философско-/филолого-герменевтических, когнитивно-информационных, семиотико-интерпретирующих и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приёмов перевода, а также перепорождения, перелагания, перевыражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующий ПТ на уровнях контентно-смысловом, функционально-стилистическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, символично-аллегорическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров.

Ключевые слова: герменевтическая парадигма перевода; герменевтический поворот; переводчик разумный, верный; апория «переводимость/непереводимость»; герменевтическая дихотомия «переводческие соответствия: переводческие несоответствия»; интерпретативные/деятельностные модели перевода.

Eduard N. Mishkurov,

Professor, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: mishkurov@inbox.ru

On the Functioning of the Hermeneutical Paradigm of Translation (Part V)

The present paper describes the theoretical-methodological postulates of the hermeneutical paradigm of translation as compared to the linguistic theory of translation in its various modifications. The paper also critically examines the explicit thesis of the linguistic theory of translation concerning “the presumption of the unskilful translator” and its replacement with the presumption of “*fidus interpres*”. We rationalize P. Ricœur’s maxim concerning “fidelity/non-fidelity of the translation to its source” as pertaining to the

* См.: часть I — № 1, 2013 г., часть II — № 2, 2013 г., часть III — № 3, 2013 г.

sphere of the linguistic model of translation and define the scope of purely hermeneutical generation of the “secondary text” by the translator who “rivals the author of the original”. It also defines the conceptual-methodological structure of the hermeneutical paradigm of translation as the sum total of complementary philosophical-philological-hermeneutical, cognitive-informational, semiotic-interpretative and other theories, concepts, maxims, models, methods of translation, as well as re-generation, rendering, re-expression, adaptation and other variants of game transformation of ST into TT on the levels of content, meaning, functional styles, ethnopsycholinguistics, linguoculture, symbols and allegories and others depending on the text types and genres.

Key words: hermeneutical paradigm of translation; hermeneutical turn; translator sapiens, fidus; aporia “translatability/untranslatability”; hermeneutical dichotomy “translation correspondences vs. translation non-correspondences”; interpretative/active translation models.

1. Современное отечественное переводоведение нуждается в новом типе синергетических парадигм, которые по своим теоретико-методологическим параметрам были бы приемлемы для обобщения более чем полувекового опыта функционирования в нашей стране институционализованной ЛТП в различных её вариантах, а также инновационных концепций типа «интерпретативной», «деятельностной», «когнитивно-эвристической», «лингвоментальной», «лингвокультурологической» и других интересных и содержательных, но объективно ограниченных параметрами исследуемых предметов и, по существу, подпадающих под исконную герменевтическую проблематику.

В качестве оптимальной метатеории и унифицирующей методологии в западноевропейском переводоведении с 50-х гг. XX в. успешно применяются модели так называемой «философско-переводческой герменевтики», во многом тем не менее базирующейся на принципах классической «филологической герменевтики» и практическом опыте перевода в духе лучших традиций эпохи Возрождения и их последующих региональных модификациях.

Опираясь на позитивный опыт «герменевтизации» современной транслатологии на Западе, мы тем не менее должны применять его в отечественной науке только с учётом богатого опыта, накопившегося в российской дореволюционной, советской и постсоветской теории, методологии и практике перевода.

Предлагаемый ниже рабочий вариант герменевтической парадигмы перевода (ГПП) мы идентифицируем как синергетическую целокупность современного переводоведческого знания и практического опыта, воспринятую профессиональным сообществом в качестве образца решения актуальных исследовательско-прагматических задач.

ГПП верифицируется как открытая синтезирующая система, в которой находят своё место практически все значимые классические и инновационные модели перевода, отвечающие запросам

рефлексирующего понимания, феноменологической редукции и оптимальной интерпретации рабочих текстов, а также задач принимаемых переводческих решений по перевыражению и перепорождению искомым «переводческих (переводных) закономерных соответствий и несоответствий».

Попытка инвентаризовать находящиеся в научном обороте наиболее репрезентативные («респектабельные») модели, предпринятая, в частности, В.А. Татариновым, дала следующие результаты. Им названы 10 концепций, так или иначе отражающих актуальную проблематику транслатологии и имеющих определённые точки соприкосновения с трудами отечественных учёных. Подчёркивая «полипарадигмальный характер и интенциональность современных теоретических исследований в области перевода», автор конкретно аннотирует концепции Т. Сейвори (1952), П. Ньюмарка (1981), Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне (1958), Д. Селескович и М. Ледерер (1987), Ю. Найды (1964), А. Нойберта (1984), К. Райс и Х. Фермеера (1984), К. Норда (1995), Ю. Хольц-Мянттяри (1984) М. Снелл-Хорнби (1988) и др. [Татаринов, 2007, с. 179—181].

Номенклатура работ, опубликованных в последнее десятилетие XX и начале XXI в., в которых указанная выше проблематика получает современное звучание, будет рассмотрена нами по ходу исследования заявленной в статье проблематики.

Обобщив опыт работы предшественников по теоретическому обоснованию построения интегрирующих моделей перевода, мы пришли к выводу, что именно ГПП может ныне представить прообраз эффективно работающего переводческого механизма, который, ещё по задумке Д.Ж. Стайнера, представлял бы «сочетание возможностей структурно-трансформационного и герменевтического подхода к изучению проблем перевода» [см.: Гарбовский, 2004, с. 25]. Другими словами, предлагается оптимально использовать плюсы ЛТП, нивелируя и компенсируя её недостатки возможностями переводческой герменевтики.

Н.Л. Галеева, разрабатывая так называемую «деятельностную теорию перевода», являющуюся по своей сути, по мнению Ю.А. Сорокина, сугубо «интерпретативной концепцией перевода» [Сорокин, 2000], тонко подметила: «Теория перевода в её нынешнем состоянии является эмпирическим набором очень интересных, более или менее удачно представленных в виде теорий, в большей мере повторяющих друг друга, позволяющих избегать ошибок частного характера, но не позволяющих прогнозировать и программировать переводческую деятельность именно потому, что деятельность и переводчик как деятель выпадают из объекта исследования» [Галева, 1997, с. 32].

Известно, что сторонники «деятельностной теории перевода» исходят из максимы герменевтической рефлексии переводческой деятельности, подразумевающей творческую интенцию переводчика в порождении ПТ. Исходным принципом при этом принимается постулат о том, что ИТ соотносится не собственно с ПТ, а непосредственно с самим переводческим процессом. Признаётся, что смысл ИТ существует не сам по себе, а порождается в процессе перевода. Соответственно множество интерпретаций оригинала порождает множество смыслов или вариаций последних [Алексеева, 2010, с. 51].

Таким образом, к вышеприведенному общефилософскому постулату о сущности ГПП мы добавляем конкретно дефинированную трактовку ГПП как системно выстроенную по принципу дополнительности дискурсивную соборность философо-/филолого-герменевтических, когнитивно-информационных, семиотико-интерпретирующих и иных теорий, концепций, максим, моделей, способов и приемов перевода, а также перепорождения, перелагания, пере-выражения, адаптации и других разновидностей игровой трансформации ИТ в результирующем ПТ на уровнях контентно-смысловом, функционально-стилистическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, символично-аллегорическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров.

2. Из семи постулатов как пролегоменов к ГПП, сформулированных в нашей работе [Мишкур, 2014, ч. IV], рассмотрим подробнее пункт № 4: «Апория переводимости/непереводимости» наглядно демонстрирует проявление диалектического закона отрицания отрицания в переводческом процессе, задача которого заключается в оптимально возможном преодолении асимметрии рабочей пары языков, максимальной нейтрализации их этнопсихолингвистического, когнитивно-семантического и лингвокультурологического диссонанса и символично-семиотической контрадикции при понимании того обстоятельства, что «потери и жертвы» при переводе неизбежны по определению, а феноменологическая бинарность указанной дихотомии онтологически обусловлена и задана «вавилонским лингвостолпотворением».

Известно, что из многочисленных афоризмов, цитат, шуточных реплик и остроумных по поводу сущности перевода можно составить не один компендиум. Ещё М. Сервантес одарил переводчиков и читающее переводную литературу сообщество хрестоматийным высказыванием о том, что «перевод <...> это всё равно, что фламандский ковёр с изнанки: фигуры, правда, видны, но <...> нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне...» [полный текст см.: Гарбовский, 2004, с. 111 (сн. 3)]. Дж. Джейкобс уверял, что «читать поэзию в переводе — всё равно, что целовать женщину

через вуаль» [<http://www.modnaya.ru/library/004/067.htm>, с. 2]. Для Шопенгауэра перевод — что «цикорий вместо кофе», а Гадамер полагал, что это «карта в сравнении с ландшафтом». Переводу, пишет О.И. Костикова, повсеместно дают «довольно обидные определения — “литературный метис”, “внебрачный ребенок”, “беспородный”» и т.п. [Костикова, 2010, с. 156]. Что до Хайдеггера, то он вполне серьёзно и довольно язвительно заметил: «Скажи мне, что ты думаешь о переводе, и я скажу, кто ты такой» [см.: Мишкурлов, 2013, № 2, с. 8—9 и др.].

Неудивительно, что негативное отношение к переводам не могло не отразиться и на профессиональной репутации самих переводчиков. Французский поэт и теоретик перевода Жоашен Дю Белле (1522—1560) — автор, по выражению Ж. Мунена, «антологии всех аргументов против перевода», саркастически отзывался о переводчиках-профанах следующим образом: «Что сказать мне о тех, кто, по правде, более достойны быть названными предателями, нежели перелогателями? Ведь они предают тех, кого берутся излагать, лишая их славы; обманывают они и несведущего читателя, выдавая ему белое за чёрное...» [см.: Гарбовский, 2004, с. 3]. Те же французские интеллектуалы хулили своих переводчиков XVII — первой половины XIX в. весьма своеобразно, щадяще именуя их «прекрасными неверными». Любопытно, что, упоминая итальянский насмешливый афоризм-пароним “traddutore traditore” (*букв.* «переводчик-предатель»), различные маститые теоретики толкуют его с большим философским изяществом. Джон Р. Фёрс в 1956 г. писал: «Изречение “переводчик-предатель” чаще всего можно отнести к тем лингвистам, которые постоянно прибегают к использованию перевода в лингвистическом анализе, но, как правило, не давая последовательного определения природы и функции переводческих методов, к которым они прибегают <...> Проблема места перевода в лингвистике пока остаётся неизученной. Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории и философии. Знаем ли мы, как мы переводим? Знаем ли мы хотя бы, что мы переводим? Если бы мы могли ответить на эти вопросы в строго научных терминах, мы значительно продвинулись бы вперёд по пути создания новой всеобъемлющей общей теории языка и базы для философских обобщений» [Фёрс, 1956, с. 35]¹.

В данном контексте вполне уместным представляется упоминание о «деконструктивистском» и «постмодернистском» высказывании Ж. Деррида: «Изъясняться на своём языке значит требовать

¹ По ходу изложения отметим, насколько провидчески учёный сформулировал насущные проблемы переводоведения в свете «лингво-герменевтического поворота» в современной философии и ряде гуманитарных наук и привлечения последними перевода в качестве своего актуального предмета исследования.

перевода, взывать о переводе» [<http://www.modnaya.ru/library/004/067.htm>, с. 1].

Обратимся также к суждению Р. Якобсона в связи с вышеупомянутой итальянской остротой по поводу переводчиков. Он пишет: «Если бы перевести традиционное итальянское изречение *traddutore traditore* как “переводчик-предатель”, мы лишили бы итальянскую рифмованную эпиграмму всей её паронимастической ценности. Поэтому когнитивный подход к этой фразе заставил бы нас превратить этот афоризм в более развёрнутое высказывание и ответить на вопросы: “переводчик каких сообщений?”, “предатель каких ценностей?”» [Якобсон, 1966, с. 24]. Очевидно, что ответы на поставленные вопросы лежат в герменевтико-переводческой области, контент и контекст которой собственно и являются предметным полем ГПП.

Вступить за репутацию «переводческого цеха» решила также О.И. Костикова, которая вполне резонно парирует нередко неоправданные нападки на коллег следующим образом: «“*Traddutore traditore*” — квинтэссенция переводческого творчества — пожалуй, самый цитируемый в работах исследователей афоризм. Можно долго удивляться и выяснять, как после стольких переводческих успехов, после стольких созданных шедевров перевода, после разрешения стольких, казалось бы, непреодолимых трудностей, “предатель перелагатель” по-прежнему имеет статус абсолютного суждения о переводе. Между тем, итальянская пословица-ярлык представляет интерес совсем не как характеристика деятельности переводчика (в том числе и из-за своей пессимистичности), а скорее как отражение прочно укоренившегося критического отношения к переводу, как напоминание о неизбежности комментариев, замечаний, разборов и рассуждений, которые он влечет за собой» [Костикова, 2010, с. 148].

3. Один из самых больших изъянов ЛТП заключается в «закрытости» для объективной критики её исходных сугубо лингвистических теоретико-методологических основ и переноса «абсолютной вины» за неадекватные переводы исключительно на «неумелого переводчика». Странно, но именно так рассуждал знаменитый лингвист-философ В. Гумбольдт: «Пока ощущается не чуждое, а только налёт чужого, перевод достигает своих величайших целей, но когда чуждое заявляется во всей своей красе и может затушёвывать даже чужое, тогда ясно, что переводчик не дорос до своего оригинала» [цит. по: Костикова, 2010б, с. 173].

Поэтому переводчик как «рисковый игрок» всегда находится в стрессовом состоянии из-за боязни «не понять» или «неадекватно перевести» дискурсы коммуникантов. Е.Ю. Куницына в этой связи справедливо подчёркивает, что риск и когнитивный диссонанс

переводчика — условия (в ряду других), определяющее перевод как игровую деятельность, а сам «переводчик как ЕГО волящее, переживающее и ответственное есть ЕГО *играющее* eo ipso ЕГО *рискующее*. Риск переводчика связан, в частности, со стратегической неопределённостью, обусловленной несовершенством/неполнотой информации. Стратегическая неопределённость служит одной из причин возникновения у переводчика когнитивного диссонанса» [Куницына, 2010, с. 3].

«Презумпция исходной/первородной виновности» переводчика явно просматривается в базовых концептах ЛТП, в частности, в виде апорий «закономерные переводческие (переводные) соответствия: несоответствия». Л.Л. Нелюбин пишет: «Непереводимость — 1. Отсутствие в родном языке идеального эквивалента или соответствия тому или иному слову или понятию оригинала. Передается путём умения переводчика пользоваться различными приёмами перевода» [Нелюбин, 2003, с. 119].

Однако уже в следующей статье своего «Толкового словаря» он подчёркивает, что «непереданная информация» — это так называемая «в теории несоответствий информация, вычленяемая при сравнительном изучении текстов в переводе, представляющая собой сведения, которые имеются в исходном тексте и отсутствуют в тексте перевода». Показательно, что во всех вариантах толкования проблемы переводимости/непереводимости Л.Л. Нелюбин подменяет вопрос о естественной непереводимости элементов языков различной типологии и различного строя (как проявления различий в концептуально-языковых картинах мира разных этносов) вопросом о профессиональной незрелости переводчика. Текстуально читаем: «2. Если перевод — это выражение того, что уже было выражено на каком-либо языке, то значит непереводимых оригиналов нет, так как то, что можно выразить на одном языке, можно выразить на любом другом. Есть только трудно переводимые тексты. Причём трудности при переводе — это или трудности, связанные с пониманием, которые проистекают от недостаточного знания языка оригинала или недостаточного знания существа предмета, т.е. от недостатка специальных знаний. Или трудности, связанные с выражением, объясняемые слабым знанием языка, на который делается перевод, либо отсутствием в этом языке готовых эквивалентов для выражения того, что уже было выражено средствами языка оригинала». Ответ по последнему пункту поищем в других толкованиях. Смотрим п. 1: «Если перевод рассматривается как преобразование информации, при котором не происходит никакой потери, а передаётся всё содержание и форма оригинала, то такое точное преобразование принципиально невозможно». Надо понимать, что «непереводимое» все-таки существует в разных па-

рах рабочих языков! Но другое дело, считает Нелюбин, «если перевод рассматривать как рече-языковую деятельность, направленную на передачу и приём сообщений, т.е. необходимую для межъязыковой коммуникации, то проблема переводимости решается положительно». Главное при этом, считает составитель словаря, — понимание переводчиком «что должно быть передано адресату». Далее следует весьма неоднозначное мнение о путях решения вопроса: «В художественном переводе необходимо довести до читателя в первую очередь стиль автора произведения. При синхронном и последовательном — ограничиться передачей смысла». Заключение же составителя: «Однако это не исключает адекватности и полноты подлинника (?)» — просто, что называется, «повисает в воздухе» из-за смыслового разнобоя соответствующих фрагментов контекста» [там же, с. 166—167].

В одной из последних работ «Введение в технику перевода» Л.Л. Нелюбин без обиняков констатирует: «Все ошибки в переводе возникают из-за незнания родного языка». Верхом совершенства он считает перевод С. Маршака детского стихотворения «Шалтай-Болтай», ср.:

Humpty-Dumpty sat on the wall,
Humpty-Dumpty had a great fall,
All the King's horses, all the
King's men
Cannot put Humpty-Dumpty
together again.

Шалтай-Болтай сидел на стене,
Шалтай-Болтай свалился во сне.
И вся королевская конница,
вся королевская рать
Не могут Шалтая, не могут
Болтая, Шалтая-Болтая собрать.

Соответственно общий теоретический вывод гласит: «Такой перевод подтверждает, что непереводаемости всё же не существует, но только есть талант и умение (sic!)» [Нелюбин, 2013, с. 23—24].

4. Ранее мы высказывались против философско-методологического и прагматического исключения П. Рикёром из общей теории перевода апории «переводимость: непереводаемость» и сведения проблем перевода исключительно к дихотомии «верность/неверность своему источнику» [см.: Мишуров, 2013, № 1, с. 82—83]. А этот критерий опять-таки обращает нас к презумпции «умелый — неумелый переводчик».

Тем не менее мы сочли полезным данный критерий применять на «уровне переводимости» в ГПП, базирующейся на основополагающем принципе ЛТП — антиномии «закономерные переводческие (переводные) соответствия vs переводческие (переводные) несоответствия».

Однако дихотомию «верность/неверность своему источнику» мы соотносим исключительно с проблемой переводческих соответствий (ПС), а проблема переводческих несоответствий (ПНС) рас-

смачивается сугубо с герменевтико-онтологической точки зрения. Диалектика этих переходов образно отражена в известных изречениях Гёте: «Перевод — настойчивые поиски подходящего слова, доходящие до границ непереводаемости» и «При переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык».

Предлагаемую ГПП мы строим на ином исходном постулате — «презумпции идеального, верного переводчика» (*fidus interpres*), который представлен в двух ипостасях — во-первых, как «прямой, прозрачный переводчик» и, во-вторых, как интерпретатор-соавтор и соперник» автора подлинника. В первом случае он работает с ИТ и ПТ на уровне функциональных ареальных ПС — *региональных* диахронно-онтологических по происхождению или *межрегиональных* синхронно-благоприобретённых вследствие межкультурных, когнитивно-информационных контактов. Во втором случае переводчик сталкивается с ПНС, «фоновая история» которых в различных её преломлениях приобретает первостепенное значение для интерпретации ИТ и его перевыражения и перепорождения на ПЯ².

И здесь мы постулируем второй «инновационный поворот» от традиционной теории ПС и ПНС. Проиллюстрируем его суть на примере работы В.В. Сдобникова «Переводческие несоответствия: коммуникативно-функциональный подход». Он на стадии предпонимания феномена традиционно соглашается, что «понятие переводческого несоответствия синонимично понятию переводческой ошибки (недочёта, погрешности, шероховатости)» и солидаризи-

² В данном контексте считаем целесообразным напомнить читателю мнение классика переводоведения Ю. Найды о сущности и значимости «лингвистических и культурных различий» для качества перевода: «Обсуждая проблему эквивалентности, как структурной, так и динамической, необходимо помнить о трёх типах соотносительности, обусловленных лингвистическими и культурными различиями между кодами, передающими сообщения. В некоторых случаях при переводе соотносятся два относительно тесно связанных языка и относительно близкие культуры, как, например, при переводах с фризского языка на английский или с древнееврейского на арабский. В других случаях языки могут не иметь между собой родственных связей, даже если соответствующие культуры развивались параллельно, как, например, при переводах с немецкого языка на венгерский или со шведского на финский <...> В третьем случае при переводе не только отсутствуют родственные связи между языками, но и соответствующие культуры имеют глубокие различия, как, например, при переводе с английского на зулусский, с греческого на малайский <...> Когда две культуры взаимосвязаны, но языки совершенно различны, переводчику приходится осуществлять при переводе множество формальных преобразований. Однако в подобных случаях множество совпадений в сопоставляемых культурах во многом обеспечивает параллелизм содержания, и это делает перевод менее трудным, чем когда несопоставимыми являются и языки и культуры. Более того, различия в сопоставляемых культурах вызывают гораздо больше затруднений при переводе, чем различия в языковых структурах» [Найда, 1964, с. 120—121].

руется с мнением коллег, что «можно выделить две группы переводческих несоответствий (ошибок): несоответствия, связанные с дефектами понимания исходного текста, и ошибки, связанные с дефектами выражения воспринятого смысла средствами переводящего языка» [Сдобников, 2007, с. 6—7].

Мы же не связываем ПНС с ошибочными действиями переводчика, а рассматриваем их как совокупность всех выявленных в ИТ «непереводимостей» на всех уровнях его предпереводческого анализа — предпонимания. Это значит, что переводческое решение по тому или иному фрагменту ИТ или даже по всему тексту в целом (как крайнему по степени сложности перевыражению дискурсу) не может опираться даже на авторитетные национальные переводческо-языковые корпуса, разнообразные по специализации тезаурусы, двуязычные словари и т.д., а должны строиться на иных собственно герменевтических основаниях порождения «вторичного» (по отношению к оригиналу) текста. При этом исходим из максимы Н.М. Нестеровой, гласящей, что «вторичность» есть «онтологическое свойство перевода» [Нестерова, 2005].

А причина проявления в оригинале ПНС, как известно, заключается в большей или меньшей асимметрии ИЯ и ПЯ на известных уровнях межъязыковых несоответствий.

Очевидно, что «переводчик разумный, умелый» — это профессионал, который теоретико-методологически и прагматически сведущ в подборе ПС и выделении ПНС. Преодоление последних и составляет суть функционирования ГПП во всех её составляющих. Компетентный переводчик должен своевременно ознакомиться с типологией ошибок и опытом некорректных переводческих решений в своей области, многократно описанных в настоящее время в огромном массиве специальной дидактико-методологической литературы. И здесь мы вполне солидарны с В.В. Сдобниковым, который, радуя за совершенствование схем анализа переводческих ошибок и опираясь при этом на «сам текст оригинала <...> в качестве единицы перевода», справедливо считает, что эти ошибки проистекают не только из-за несоответствия содержания ПТ содержанию оригинала «на уровне отдельного предложения», но и несоответствия норме и узусу ПЯ. Естественно также, что переводчик не должен нарушать «коммуникативную интенцию автора оригинала», мысли и смыслы, вкладываемые им в текст «как инструмент воздействия на читателя» [Сдобников, 2007, с. 18].

Вопрос же о том, учится ли переводчик исключительно на своих ошибках или никто, даже из числа самых опытных переводчиков, не гарантирован от ошибок в своей профессиональной деятельности, — это проблема другого уровня, имеющая отношение к ПНС

только в том отношении, что именно они создают трудности при переводе и являются, как правило, причиной их «рабочих огрехов».

В данном контексте становится очевидным, что в рамках «институционализованной транслатологии» альтруистически умиротворяющая дефиниция перевода Г.Д. Воскобойника, снимающая различия между «профессиональным» и «наивным» переводом нерепрезентативна — малоинформативна и контрпродуктивна³.

Что касается методологических аспектов «переводческой эрратологии», упомянем в этой связи, что в целом содержательной коллективной работе «Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок», изданной под брендом ВЦП, авторы, несмотря на вынужденное признание «онтологически междисциплинарного характера перевода», свою типологию ошибок строят «только в русле переводоведения, ориентированного на лингвистическую дисциплинарную составляющую». Они непоколебимо верят, что для оценки перевода не как процесса, а как результата совершенно необходимо опираться на лингвистическую модель переводческих соответствий.

Уверяя читателей, что «теория закономерных соответствий» (ТЗС) на данный момент оптимально приспособлена к синтаксическим преобразованиям, она «должна быть исследовательски и практически распространена на уровне лексических и стилистических средств, а также, в определённых пределах, на уровень структурной организации текста».

Между тем, «узурпируя» ряд собственно «герменевтических» методов, способов и приёмов работы с ИТ (типа комментариев, добавлений, опущений, замен, перестановок, транскрипции, транслитерации и др.), адепты ЛТП вынуждены, по собственному признанию, прибегать к «новым концепциям», которые «не только позволят дать наиболее полную картину процесса перевода, но и будут способствовать расширению методологической базы оценки качества переводного текста как продукта деятельности переводчика» [Бузаджи и др., 2009, с. 10, 11, 23, 28, 29].

В качестве таковых авторам пособия можно порекомендовать одну из наиболее полных концепций типологии ошибок, разработанную Н.К. Гарбовским. Она выгодно отличается от прочих тем,

³ «Целесообразно снять ограничение, налагаемое на определение перевода строгой убеждённости в том, что последний обязан быть профессиональным и правильным с точки зрения передачи формы и содержания <...> Под переводом понимается **любая попытка** межъязыкового посредничества — независимо от её результатов, или того, что именуется в теории речевых актов перлокутивным эффектом. Только такое расширительное толкование понятия позволяет свести в единую эпистему знание мэтра и “наивного” переводчика, пытающегося посредствовать в межъязыковом общении *без всякого предварительного опыта и знаний*» (курсив наш. — Э.М.) [Воскобойник, 2004, с. 23—24].

что в ней концентрированно представлена именно типология «герменевтических переводческих ошибок» [см. разные редакции искомого текста: Гарбовский, 2004, с. 108, 514—517 и др.; 2010, с. 112—122].

5. На несложных для толкования примерах покажем в первом приближении рабочую схему взаимодействия ЛТП и ГПП. В состав последней ассоциативно включаются методы, способы и приёмы сопряжения ПС и ПНС в контекстах ИЯ и ПЯ разной лингвокультурологической, лингвостилистической и когнитивно-прагматической направленности, поскольку перлокутивный эффект конкретного переводческого акта ярче всего проявляется в рамках герменевтической метатеории и методологии «переводческой картины речевой деятельности» как особого типа межъязыкового посредничества.

Идея установления ПС в различных языках довольно работоспособна, пока переводчики остаются в зоне «переводимости и верности оригиналу».

Языки различного строя иногда проявляют удивительную универсальность в выборе единиц перевода. Например, для выражения значения «что-то процитировать **наизусть**» в арабском, английском и французском языках соответствующий концепт вербализуется лексемой «сердце», ср.: *араб.* *ʕalā zahri qalb* — *букв.* «на спинке сердца», *анг.* *by heart* — *букв.* «сердцем», *фр.* *par cœur* — *букв.* «сердцем». Это так называемые «прямые, эквивалентные» ПС.

Однако использование других наименований речепорождающих «ментальных» органов человека типа *рус.* «уста» — «наизусть», «мозг, память» — «на память», то же самое в итальянском или французском: *фр.* *de mémoire*, *итал.* *a memoria/a mente*, или *нем.* *Kopf* «голова» — *aus dem Kopf* и т.п. не несёт никакого смыслоискажения высказывания в любых рабочих парах данных языков. Все упомянутые средства дискурсивно равноположены и коммуникативно эквивалентны. Они зафиксированы в переводных словарях как функционально равноценные. Они уже не требуют специальной герменевтической интерпретации. Некоторые различия в использованном лексиконе функционально несущественны. Все они суть полные ПС.

Богатый компонентный состав «внутренней формы» концепта английского *master*, содержащий базовые семы типа «хозяин, властелин, господин, руководитель, начальник → владеющий, властный, господствующий, главный, ведущий, руководящий и т.д.», «мастер, профи → мастерский, высококвалифицированный, высокотехнологичный и т.д.», «знаток/дока → высоколбый, высокопрофессиональный, эрудированный и т.д.» и др., позволяют широко использовать его для образования большого количества

значимых полифункциональных сочетаний для английского языка, реализация которых в соответствующих типах текстов значительно расширяет словарь ПС, к примеру, в русском языке, ср.: master race — господствующая раса, Moscow master plan — генеральный план Москвы, master key/switch — рубильник, главный выключатель, the master of the house — глава семьи, хозяин дома, master of English — знаток английского языка, master of this subject — дока, master beverages — знатные напитки, master love — всепоглощающая любовь и т.д.

В данном контексте вполне уместно привести точки зрения и практические рекомендации видных лингвистов, теоретиков и практиков перевода и составителей так называемых «переводных словарей» в одном лице, касающиеся проблем ПС.

Так, один из составителей «Русско-французского словаря» Л.В. Щерба считал, что «перевод не должен быть объяснением», но при этом следует помнить, что «всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно в контексте выражать всё новые и новые смысловые оттенки, что нужно большое искусство, чтобы правильно и точно выражать свою мысль, не вызывая никаких кривотолков». Так, объясняя способы передачи диминутивов русского языка на французский, учёный в соответствии со своим взглядом на перевод писал: «Существительные даются только тогда, когда они переводятся с помощью уменьшительного суффикса или особым словом, например *домик* maisonette, *домишко* bicoque, *masare*. В остальных случаях, когда они переводятся с помощью *petit*, они не даются, например *приборчик* petit appareil. То же и в отношении слов с увеличительным суффиксом, которые переводятся существительным с прилагательным *grand*, *gros*, *enorme* и т.п., например *кулачище* gros poing» [Щерба, 1962, с. 4, 6, 9–10].

Несколько иного взгляда на трактовку ПС придерживается И.Р. Гальперин. В своём «Предисловии» к «Большому англо-русскому словарю» в разделе «Переводческие решения» он пишет: «В целях облегчения работы переводчиков в Дополнении даются различные переводческие решения, выявляющиеся при употреблении данной единицы. Такие решения иногда называют переводческими значениями (т.е. ПС. — *Э.М.*) <...> Одним из путей порождения переводческих решений является *употребление слова в словосочетаниях* (курсив наш. — *Э.М.*) <...> Значение разных переводческих решений для двуязычных словарей трудно переоценить <...> удачное переводческое решение может иногда раскрыть потенциальные оттенки значений языковой единицы» (см. словосочетания с *master*. — *Э.М.*). И далее следует весьма радикальный вывод и очень интересное предположение: «Переводческие решения имеют непосредственное отношение к проблеме сочетаемости слов.

Когда видишь, как по-разному можно передать на русском языке значение английского слова *absolute* в связи с его сочетаемостью, то невольно задумываешься, а не являются ли русские эквиваленты теми подзначениями, которые *absolute* приобретает в процессе его сочетаемости с другими словами? Приведу несколько сочетаний, данных нами в Большом англо-русском словаре и в Дополнении: *absolute indifference* полное безразличие, *absolute beauty* совершенная красота, *absolute promise* твердое обещание, *absolute majority* абсолютное большинство, *absolute trust* полное (абсолютное) доверие, *absolute control* неограниченный контроль, *absolute alcohol* чистый спирт, *absolute fact* действительный факт, *absolute proof* несомненное доказательство. Слово *false* в Дополнении дано в следующих сочетаниях: *false arrest* незаконный, неправомерный арест, *false front* декоративный, фальшивый фасад; обманчивая внешность, *false representation* введение в заблуждение, *false testimony* лжесвидетельство, *false witness* лжесвидетель».

В отличие от Л.В. Щербы, И.Р. Гальперин считает возможным в словарях ПС «использовать описательный перевод, если читателю транслитерированная единица ничего не проясняет: «В некоторых случаях неспециалист вообще не может понять значение слова. Так, слово *pergola* дано в Большом англо-русском словаре транслитерацией пергола... Такой способ передачи неизвестного слова ничего не даёт. Требуется пояснение. В Дополнении поэтому приводится также описательный перевод: 1) решетчатая беседка, увитая ползучими растениями, и при новом втором значении дается и транслитерация и описание: 2) пергола, открытая беседка или крытая колоннада».

Говоря о допустимости использования транслитерированных слов в переводческой практике, Гальперин подчёркивает, что они оседают в русском языке «как полноправные единицы словарного состава. <...> В словарях должны фиксироваться транслитерированные слова, широко употребляющиеся в русском языке», например *cruiсе* следует переводить не только как «1) морское путешествие, плавание; 2) крейсерство», но и как прижившееся в туристском дискурсе «круиз» [см.: Гальперин, 1980, с. 12, 79].

Между тем известно, что способность языковых единиц определённой пары рабочих языков выступать в качестве ПС устанавливается дискурсивным анализом соответствующих речевых высказываний в оптимально доступном корпусе текстов. Очевидно, что это есть *ретроспективный процесс*, базирующийся на сопоставительном анализе ИТ и ПТ, а потому *когнитивно-прагматическим упреждением и прогнозирующей силой не обладающий*.

В реальной переводческой практике границы между регулярными и окказиональными ПС, с одной стороны, и ПС, перераста-

ющими в ПНС в силу асимметрии концептосфер ИЯ и ПЯ, — с другой, оказываются размытыми, и переводчику приходится нередко прибегать как к «прямым», так и к сугубо «интерпретационным» вариантам перевыражения единиц ИТ в «прямые» герменевтически «переосмысленные» знаковые единицы ПТ.

Примером сложных переходов и не всегда удачных переводческих решений в этой связи может послужить «реальное» и «ирреальное» функционирование концепта «лень» и соответствующих атрибутивных словосочетаний в английских переводческих дискурсах. В слогане одной русскоязычной рекламы читаем: «В нашей компании *ленивые* только *вареники*» (курсив наш. — Э.М.).

В Толковом словаре русского языка читаем: «*Ленивый* — 1. Склонный к лени, к праздности, избегающий труда; 2. Медлительный, неторопливый (о движении, походке и т.п.); 3. Приготовленный более быстрым способом (о кушаньях). Ленивые голубцы, вареники <...> ленивые щи» [Словарь русского языка, 1982, с. 174]. Очевидно, что в слогане обыгрываются 1-е и 3-е значения. Но если для первого и второго значений в английском языке находятся прямые ПС без труда (ср.: *lazy person/lazy boots/lazy bones; unhurried movements* и т.д.), то с «ассоциативным подвохом» 3-го значения составители «Нового большого русско-английского словаря» явно попадают впросак. К примеру, они убеждают пользователя словарём, что «ленивые голубцы» — это “*lazy cook’s goloubtsi*”, букв. «голубцы ленивого повара», сопроводив в скобках свой «перевод» дефиницией реалии [Ермолович..., 2006, с. 377].

6. Ещё в конце 80-х гг. XX в. А.Н. Крюков, разрабатывая свою «Интерпретативную концепцию перевода (ИКП)», на анализе перевода ряда примеров с русского языка на индонезийский (которые по своему уровню лингвокультурологических различий можно отнести к 3-му типу рабочих пар языков, согласно вышеприведённой классификации Ю. Найды) показал существенные недостатки ЛТП в виду ограниченных возможностей применения теории ПС к столь отличающемуся от ИЯ индонезийскому языку. Трактую свою ИКП как «деятельностный тип онтологии перевода», он констатирует, что с этих позиций «перевод в условиях отсутствия переводных соответствий возможен потому, что переводчик, как и одноязычный коммуникант, просто говорит (или пишет), т.е. порождает речевой продукт, или осуществляет речевую деятельность». Вместе с тем учёный отдаёт себе отчёт в том, что «существующие деятельностные схемы перевода при том несомненном преимуществе, что они дают полную картину перевода как фрагмента общей картины мира, не позволяют тем не менее увидеть специфику собственного перевода». Для восполнения этого пробела А.Н. Крюков пытается построить «герменевтическую модель перевода», сердцевинной ко-

торой в условиях отсутствия переводных соответствий являлось бы *понимание*. Соответственно «интерпретация» определяется им как «понимание, ориентированное на перевыражение понятого» [Крюков, 1989, с. 32—36].

Учёный, несомненно, был прав, утверждая в своё время, что «вопрос о релевантности знания закономерных приёмов перевода применительно к работе переводчика по восточным языкам гораздо более сложный», так как «для выявления достаточно богатой сетки таких соответствий требуются колоссальные массивы кодифицированных исходных и переводных текстов (ИТ и ПТ), которые вряд ли могут быть созданы на протяжении жизни целого поколения».

Постепенно эта задача решается в настоящее время путём создания электронных национальных языковых корпусов. Вместе с тем существует другая проблема, которую осознают даже самые фанатичные адепты ЛТП: «...за такими хорошо описанными в лингвистической теории перевода приёмами, как дифференциация, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, компенсация и т.д., стоит нечто более глубинное, управляющее выбором или “изобретением” *ad hoc* (в случае отсутствия у испытуемого необходимого предварительного знания) адекватного приёма перевода» — это «суть манифестации, внешние проявления на поверхностном объективно-языковом уровне глубинного смыслообразующего и смыслопреобразующего речемыслительного процесса <...> этот процесс назван Я.И. Рецкером целостным преобразованием», а сам А.Н. Крюков именует его как «интерпретация» в герменевтическом понимании [Крюков, 2009, с. 137—139].

Механизму «освоения» *интенционального смысла* ИТ и его перевыражения в виде *рецептивного смысла* в ПТ собственно и посвящается дескрипция ГМП А.Н. Крюковым. В итоге учёный приходит к заключению, что «есть все основания говорить о выдвигании и обосновании в современном переводоведении в дополнение к существующей сопоставительной парадигме новой научной парадигмы, характеризующейся своими философскими основаниями, онтологическими представлениями, теоретической исследовательской моделью и своим типом объединения» [Крюков, 1989, с. 41].

Появившиеся в последние десятилетия различные варианты интерпретативных, деятельностных, когнитивных, лингвоментальных и тому подобных концепций и моделей перевода без обращения к современной философско-герменевтической феноменологии лишней раз подчёркивают необходимость создания современной интегрирующей концепции перевода полипарадигмального уровня, которая позволит концентрированно использовать положительные аспекты накопленного опыта развития теории и методологии перевода на базе неогерменевтической парадигмы перевода [см.

соответствующие статьи: Основные понятия переводоведения... Терминологический словарь-справочник, 2010, с. 15, 27, 33, 39, 46—47, 52, 58, 110, 112, 118 и др.]. Своё место в ней естественным образом занимает и ИКП и ГМП А.Н. Крюкова.

Лингво-герменевтический поворот в западноевропейской философии экзистенциализма, приобщение перевода к предметной области современной философии совершенно по-новому развернул всю область герменевтических исследований в теории и методологии перевода.

Эту трансформацию Жан Рене Ладмираль охарактеризовал следующим образом: «Идея перевода, начисто лишённого понятия интерпретации, абсолютно фантастична», и переводчикам это прекрасно известно, поскольку в своей работе <...> им всё время приходится решать, принадлежит ли самый минимальный элемент информации... языку автора или языку-источнику, которым этот автор пользуется». Более того, было бы пустой затеей воображать себе, что идентификация, определение, фиксация того, что можно назвать смыслом текста, может осуществиться как-то иначе, нежели посредством герменевтики [Ladmiral, p. 63].

В данном контексте упомянем об одном курьёзном противоречии в концепции Т.Г. Щедриной, которая бесповоротно настроена против построения каких-либо метатеорий или общей теории перевода как неотъемлемой части переводоведения. Она утверждает, что «перевод — это всегда культурная ассимиляция, и она может выполнять самые различные задачи: художественные, научные, практические, даже сакральные. И в зависимости от этих культурных задач переводы важны и нужны самые разные — всё это всякий раз решается конкретно. Нет смысла в теоретических спорах, если не обсуждается конкретный перевод и не обсуждается вопрос о том, какие функции в культуре он выполняет. И это единственный методологически значимый содержательный вывод, который можно сделать из тезиса о несоизмеримости культур и невозможности абсолютного перевода» [Щедрина, 2011, с. 8].

Речь идет — в её терминологии — о роли рефлексии и так называемом «герменевтическом комментарии» в переводческой стратегии. Цитируем: «Многослойность реальности требует многослойного движения по уровням рефлексии, требует и активной и пассивной интерпретации одновременно. Здесь особую роль играет герменевтический комментарий. <...> Слово сочетание “герменевтический комментарий” не означает, что комментарий сделан герменевтом или осуществлен по каким-то определённым, раз и навсегда заданным, критериям герменевтического анализа. Называя комментарий герменевтическим, я хочу подчеркнуть не принадлежность его к герменевтическим канонам, но его внутреннюю

характеристику: направленность, нацеленность на прояснение смысла, т.е. того, что составляет объективное поле текста, его логический состав. А это значит, что комментаторская работа должна осуществляться в нескольких направлениях. На уровне внутритекстового анализа: истолкование терминологической основы, прояснение метафорического фона, а также реконструкция системы связей и отношений между элементами текста. На уровне анализа контекстуальной обусловленности: сравнительный анализ терминологического строя текста в соотношении с существующими концепциями и идеями. Герменевтический комментарий предполагает переосмысление не только исторически сложившегося понятийного ряда, представленного в тексте. Полагаю, что и для переводческой деятельности этот способ комментирования будет эффективен» [там же, с. 7].

Несмотря ни на какие оговорки, автор, предлагая герменевтическую методологию анализа, фактически выходит на уровень «переводческой герменевтики» как общепереводческой парадигмы.

Мы с удовлетворением констатируем, что характерной чертой нынешнего этапа развития отечественной науки о переводе становится «герменевтический поворот» в лингвокогнитивной, этнопсихолингвистической, образно-символической, метасемиотической и ситуативно-контекстуальной интерпретации переводческого процесса на стадиях интроспективной рефлексии предпонимания (предпереводческого анализа), понимания, истолкования и результирующего перекодирования ИТ в ПТ с целью достижения их дискурсивного тождества.

В порядке конкретизации протекания данной феноменологической процедуры упомянем известный алгоритм А.Н. Крюкова: «Рече-деятельностный тип онтологии перевода исходит из того, что при понимании переводчиком исходного текста происходит упреждающее смысловое прогнозирование высказывания, а по мере поступления реального знакового продукта осуществляется проверка прогноза на достоверность, результатом которой может оказаться 1) подтверждение смысловой гипотезы, 2) внесение в смысловую гипотезу корректив и 3) отклонение первоначальной смысловой гипотезы как ложной и 4) выдвижение новой смысловой гипотезы и её последующая проверка» [Крюков, с. 178—179].

При этом вполне очевидно, что задача переводчика — проникнуть в мир образов и контекстов автора ИТ и соотнести с миром образов и контекстов получателя ПТ. Очевидно, что речь идёт в конечном итоге о формировании некоего общего коммуникационного поля двух сознаний, сопряжения в диалогической форме двух культур, репрезентируемых в разных языковых кодах.

Отдельного рассмотрения требует проблема ролевых игр членов триады «автор — переводчик — читатель» [Мишкурин, 2013, ч. III]. Здесь только отметим, что после провозглашения Р. Бартом «смерти автора» — метафоры постмодернизма, осмысливающей процесс существования текста как независимую от внешних воздействий постоянную и автономную структуру генерации имманентно присущих ему множественных смыслов» [Новейший философский словарь. Постмодернизм, с. 615], понадобилось определённое время для того, чтобы заново осмыслить функциональную значимость как фигуры Автора, играющего важную роль в реконструкции исходного авторского замысла, так и идентификации Текста как картины Мира и воплощения миропорядка, как особого смыслового единства и смысловой целостности. В.В. Миронов подчёркивает, что «целостность текста, т.е. появление в нем смысла, который отсутствует в той совокупности знаков, из которой он состоит, возникновения нового как бы из ничего, является важнейшей особенностью, с которой неизбежно имеет дело представитель гуманитарного познания» [Миронов, 2008, с. 16—17].

В сущности текста кроется та тайна его неисчерпаемости для перевода, о которой, как известно, писал ещё М.М. Бахтин: «Всякая система знаков (то есть всякий язык)... принципиально всегда может быть расшифрована, то есть переведена на другие знаковые системы (другие языки) <...> но текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведен до конца, ибо нет потенциально единого текста текстов. Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин, 1986, с. 300—301].

Очевидно, что профессиональный переводчик, глубоко познав секреты своего ремесла, столь же фундаментально старается постичь философско-герменевтические тайны переводческого творчества.

7. Мы можем только догадываться, зачем классику отечественного переводоведения А.В. Фёдорову понадобилось сузить сферу непереводаемого в языках до «отдельных элементов языка-подлинника, которые представляют отклонения от общей нормы языка, ощутимые по отношению именно к этому языку, т.е. в основном диалектизмы и те слова социальных жаргонов, которые имеют ярко выраженную местную окраску или окраску социальную, связанную с данными местными условиями. Функция их, как слов местных, в переводе пропадает». И, несмотря на более или менее удачные ухищрения переводчика по заполнению соответствующих лакун в ПЯ, Фёдоров всё-таки вынужден признать, что приходится «установить известное ограничение принципа переводимости в тех случаях, когда оригинал даёт более или менее сильное отклонение от нормы общенародного языка, как языка определённого народа,

в сторону местных (территориальных) его черт или элементов речи узкой деклассированной группы (арготизмы). Правда, и в этих случаях речь идёт не об ограничении его: перевод и здесь остаётся возможным, но только не в полном объёме (sic!), а лишь в пределах одной из функций элемента оригинала <...> Другими словами — принцип переводимости в полной мере применим при передаче материала, соответствующего общенародной норме языка подлинника (в самом широком смысле) <...> но невозможность передать отдельный элемент, отдельную особенность оригинала ни в какой степени не противоречит принципу переводимости, который относится ко всему произведению как к целому». И всё же Фёдоров вынужден сделать существенные оговорки, ограничивающие всеобщность принципа переводимости: «Полноценность перевода может принимать разное качественное выражение в зависимости от характера подлинника и возникающих на его основе переводческих задач, а они могут быть чрезвычайно сложными, и решение их может потребовать огромного мастерства. Есть много конкретных случаев, когда полноценность перевода того или перевода не достигается. Но это не означает, что она недостижима, что она не будет достигнута при новых попытках» [там же, с. 133—134].

Через 30 лет А.Д. Швейцер солидаризуется с идеями А.В. Фёдорова о подчинении конкретного переводческого решения общей, целостной стратегии перевода, т.е. «смазывание», как бы мы сказали, «непереводимого» в рамках целостного переводного текста и рассмотрение этого феномена в качестве малозначащего частного эпизода в системе трудностей перевода вообще. Эту идею Швейцер формулирует следующим образом: «...говоря об эквивалентности следует не забывать важнейшего для теории перевода положения о примате эквивалентности текста над эквивалентностью его сегментов. Это закономерность выступает наиболее рельефно в тех случаях, когда коммуникативная установка отправителя выдвигает на первый план не референтную функцию текста, а другую, скажем, металингвистическую или поэтическую... Именно поэтому на уровне эквивалентности словесных знаков *невозможен перевод каламбуров*» (курсив наш. — Э.М.). Швейцер хитрит: он знает, что перевод каламбуров невозможен и на уровне фразы, и на уровне целостного высказывания. Каламбур надо переосмыслить и только затем перевыразить метасемиотически на ПЯ.

«Герменевтического поворота» не удаётся избежать в конечном итоге и А.В. Фёдорову, констатировавшему, что утрата отдельного «непереводимого» элемента, не выполняющего в тексте организующей функции, «может не ощущаться на фоне обширного целого, он как бы растворяется в целом или *заменяется другими элементами*,

иногда не заданными оригиналом» (курсив наш. — Э.М.) [Фёдоров, 1983, с. 124].

8. Обходные маневры, при помощи которых переводчики борются с «непереводимым» с большим или меньшим успехом, не снимают философско-онтологического вопроса о естественной непереводимости разных пластов естественных языков. И это не отдельные «элементы», а целые сферы и пласты языков — область герменевтического подхода к переводческой деятельности.

Если задать списком хотя бы часть этих сфер и пластов, то в языках обнаруживаются различные типы макротекстов — сакральные, философские, художественные и др.; микротексты — фразеология, паремии, анекдоты, каламбуры; фольклор — народный, авторский; разнотипные языковые игры смехокомического, аллюзивного и тому подобных видов; реалии, лакуны и т.д.; тропеические и риторические фигуры речи со специфической образно-символической системой и пр. И это всё является предметом переводческой герменевтики.

Поэтому ниже анонсируем рабочую концептуально-методологическую структуру ГПП как выстроенную по принципу дополнительной дистрибуции *соборность* философско-филологических, герменевтических, когнитивно-информационных, семиотико-интерпретирующих, деятельностных и иных теорий, моделей, стратегий и тактик перевода, способов и приемов перевыражения, перелагания, адаптации, перепорождения и других разновидностей игровой трансформации ИТ в ПТ на уровнях контентно-смысловом, образно-символическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, функционально-стилистическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров.

Список литературы

- Алексеева Л.М.* Перевод как рефлексия деятельности // Вестн. Перм. ун-та. Вып. 1. 2010. С. 45—51.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурицев Д.В.* Новый взгляд на классификацию ошибок / Под ред. И.И. Убина. М.: ВЦП, 2009.
- Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике // Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ, Астрель, 2011.
- Воскобойник Г.Д.* Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: Дисс. ... докт. филол. наук. Иркутск: ИГЛУ, 2004.
- Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
- Галеева Н.Л.* Основы деятельностной теории перевода. Тверь, 1997.
- Гарбовский Н.К.* Герменевтический аспект перевода // Труды ВШП Моск. ун-та. Кн. 1. 2005—2010 гг. М.: Изд. ВШП МГУ, 2010. С. 112—122.

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Ермолович Д.И., Красавина Т.М.* Новый большой русско-английский словарь. 2-е изд. испр. М.: Рус. яз., Медиа, 2006.
- Костикова О.И.* Переводческая критика, «критические переводы» и опыт освоения «чужого» // Труды ВШП Моск. ун-та. Кн. 1. 2005—2010. М.: Изд-во ВШП МГУ, 2010. С. 165—173.
- Костикова О.И.* К основам теории переводческой критики // Там же. С. 148—160.
- Крюков А.Н.* Перевод как интерпретация (на материале переводов с восточных языков) // Маргарян Б., Абрамян К. Проблемы переводческой интерпретации текста конца 20-го начала 21-го веков. Хрестоматия. Ереван: Лингва, 2009. С. 136—150.
- Крюков А.Н.* Методологические основы интерпретативной концепции перевода: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М.: Воен. Краснознамён. ин-т, 1989.
- Крюков А.Н.* Эвристика перевода // Аксиомы и парадоксы языка: структура, коммуникация, дискурс. Мат-лы VII Междунар. науч. конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 28 июня 2013 г. М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2013. С. 177—182.
- Кузнецов В.Г.* Герменевтика фактичности // Словарь философских терминов. М.: ИНФРА, 2007. С. 104—106.
- Куницына Е.Ю.* Лингвистические основы людической теории художественного перевода: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Иркутск: ИГЛУ, 2010.
- Миронов В.В.* Интерпретация как выражение гуманитарной сущности философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 1. С. 13—27.
- Мишкуроев Э.Н.* «Герменевтический поворот» в современной теории и методологии перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1—3; 2014. № 1.
- Найда Юджин А.* (1964) К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 114—137.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта, Наука, 2003.
- Нелюбин Л.Л.* Введение в технику перевода (Когнитивный теоретико-прагматический аспект): Учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2013.
- Нестерова Н.М.* Вторичность как онтологическое свойство перевода: Дисс. ... докт. филол. наук. Пермь, 2005.
- Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современ. литератор, 2007. 816 с.
- Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. М.: ИНИОН РАН, 2010.
- Сдобников В.В.* «Переводческие соответствия»: коммуникативно-функциональный подход / http://www.lse2010.narod.ru/yazyk_kommunikatsiya_i_so... (04.03.13). 19 с.
- Словарь русского языка: В 4 т. // АН СССР. Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. Т. II. М.: Рус. язык, 1989.

- Сорокин Ю.А.* Интерпретативная или деятельностьная теория перевода? http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/3-1.html (21.06.13). 7 с.
- Татаринов В.А.* Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. М.: Московский лицей, 2007.
- Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода (Лингвистические проблемы). 2-е изд., перераб. М.: Изд-во лит-ры на иностран. языках, 1958.
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода. М., 1983.
- Фёрс Джон Р.* (1956) Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 25—35.
- Философия: Учебник. М.: Проспект, 2006. 240 с.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
- Щедрина Т.Г.* Перевод как культурно-историческая проблема (отечественная дискуссия 1930—1950-х годов и современность) // http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view
- Щерба Л.В.* Предисловие ко второму изданию // Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь. М.: ГИИНС, 1962. С. 4—7.
- ЯЗЫК. Афоризмы, цитаты, мысли, фразы. http://www.aphorism.ru/640_5_7.shtml (03.01.13).
- Якобсон Р.* (1966) О лингвистических аспектах перевода / Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике // Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 16—24.
- Ladmiral, J.-R.* Traduire: théorèmes pour la traduction. Paris: Gallimard, 1994.

Б. Чович,

академик, доктор филологических наук, профессор факультета филологических наук Панъевропейского университета, Баня-Лука, Босния и Герцеговина; e-mail covicb@mail.ru

О ТРЕХ ТИПАХ ПЕРЕВОДОВ: ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ТРАНСМУТАЦИИ

Данные исследования представляют собой развитие тех мыслей и идей, которые впервые были высказаны мною в докладе *Об актуальных вопросах транслатологии и о перспективах её дальнейшего развития*, прочитанном на пленарном заседании *Белградских международных встреч переводчиков* в 2000 г., посвящённом пятидесятилетию юбилею Ассоциации литературных переводчиков Сербии, дальнейшее развитие эти мысли получили в 2006 г. в Санкт-Петербурге под заглавием «Новое в переводоведении или старые темы в новом освещении», и свой окончательный вид получили в 2013 г. Мысль написать этот трактат о переводе возникла ещё в 1990 г., т.е. ровно через 450 лет после знаменитого *Трактата о переводе* (1540) Этьена Доле, полатившегося головой за свой вольный перевод Библии, и совпала с началом моей работы над монографией *Поэтика художественного перевода* [Поэтика книжевног превођења, 1994]. Этот трактат был первой нашей попыткой по-новому и всесторонне осветить сложнейший феномен, по-философски его осмыслить, исходя из толкований Р. Якобсона перевода как вездесущего явления в самых разнообразных его проявлениях, взаимосвязанных и часто пересекающихся, соотносительных, но иногда и противопоставленных друг другу, а также, опираясь на его (Р. Якобсона) разделение перевода на три основных типа: с одной стороны, *межъязыкового* и *внутриязыкового* (или *интер-* и *интралингвистического* — термины Якобсона), как более простых, и *интерсемиотического* (или *трансмутации* — по Якобсону) — с другой, как очень и очень сложных. Все мы переводчики, перевод везде вокруг нас — в самых различных знаковых системах, равно как и в нас самих.

Ключевые слова: интерлингвистический, интралингвистический перевод, трансмутация.

Branimir Chovich,

Academician, PhD, Professor at the Faculty of Philology, Pan-European University Banja Luka, Bosnia and Herzegovina e-mail: e-mail: covicb@mail.ru

On the Relationship between Inter- and Intra-linguistic Translation Methods toward Transmutation

These studies represent a further development of the thoughts and ideas that were first mentioned in my report called “*On current issues of translatology and perspectives of its further development*”, which were read at the plenary session of the *Belgrade international parleys of translators* in 2000, dedicated to the fiftieth anniversary of the *Association of Literary Translators of Serbia*. Further development of these ideas we have received in 2006 in St. Petersburg, under the title “*New in translation studies or old themes in a new light*”, and complete form were obtained in 2013. The idea to work on these complex issues of translation came to me back in 1990, ie, after exactly 450 years after the famous *Treatise*

on translation (1540) by Etienne Dolet, which paid with his head for his free translation of the Bible, and coincided with the beginning of my work on a monography under the title “Poetics of Literary Translation” [Поэтика книжного перевода, 1994].

This work was our first attempt in a new way and fully illuminate this complex phenomenon, philosophically to make it sound with sense, based on the interpretation of Roman Jakobson translation as a ubiquitous phenomenon in a wide variety of its manifestations, interrelated and often overlapping, correlative, but sometimes opposing each other and also relying on his leaning (Jakobson) about separating the translation into three basic types: on the one hand, interlingual and intralingual (intra- and interlinguistic translations — Jacobson's terms) as a simpler, and intersemiotic (or transmutation — by Jakobson), on the other — as more complexed. All thinkers translators consider that translation is all around us, in a variety of sign systems, including ourselves.

Key words: interlinguistic, intralinguistic translation, transmutation.

С середины XX в., т.е. после появления трудов по переводоведению Романа Якобсона, слово *перевод* и соответствующее ему понятие стало основным семиотическим термином, и его начали применять для обозначения любой трансформации, в которой одна знаковая система заменяется другой при относительном сохранении содержания информации. Таким образом, стало возможным широкое применение термина *перевод* и за пределами языка, что способствовало широкому применению семиотических принципов и приёмов при исследовании и описании теоретических проблем перевода.

По замыслу программы действий Европейского сообщества в наднациональном образовании нет единого официального языка, потому что «Европа говорит со всеми — и специалистами и простыми гражданами — на их родном языке. Этот европейский путь утверждает культурную самостоятельность всех и уважение к каждому» [Топер, 2001, с. 5]. В результате претворения в жизнь этого принципа многоязычия в рамках Сообщества переводится ежегодно около полутора миллиона страниц текста, и с каждым годом их количество постоянно увеличивается, а переводческая служба насчитывает около 1500 переводчиков, что, несомненно, способствует идее создания «единого культурного пространства Европы». А переводчики «играют выдающуюся роль в деле сохранения культуры Европы во всем её многообразии». Справочное издание Юнеско “Index translationum” из года в год фиксирует увеличение количества переводов во многих странах мира. Ни одну область научной, культурной и социальной жизни мы не можем представить себе без перевода. Так что недаром XX в. был назван «веком перевода»: перевод в XXI в., если воспользоваться метафорой, будет вездесущим явлением — в любом коммуникативном акте и даже в нас самих.

Данные исследования являются дальнейшим развитием тех мыслей и идей, впервые высказанных мною в трактате *Об актуаль-*

ных вопросах транслатологии и о перспективах её дальнейшего развития, прочитанного на пленарном заседании *Белградских международных встреч переводчиков* в 2000 г., посвящённых пятидесятилетнему юбилею *Ассоциации литературных переводчиков Сербии*, дальнейшее развитие которых было обнародовано в 2006 г. в Санкт-Петербурге под заглавием *Новое в переводоведении или старые темы в новом освещении*, чтобы свой окончательный вид обрести в прошлом году. Мысль написать этот трактат о переводе возникла ещё в 1990 г., т.е. ровно через 450 лет после знаменитого *Трактата о переводе* (1540) Этьена Доле, поплатившегося головой за свой вольный перевод Библии, а совпала с началом моей работы над монографией *Поэтика художественного перевода* [Поэтика книжного перевода, 1994]. Реализованный десять лет спустя, в апреле 2000 г., трактат был первой нашей попыткой по-новому и всесторонне осветить этот самый сложный феномен, по-философски его осмыслить, исходя из толкований Р. Якобсона перевода как вездесущего явления в самых разнообразных его проявлениях, взаимосвязанных и часто пересекающихся, соотносительных, но иногда и противопоставленных друг другу, равно как и из его деления перевода на три основных типа: с одной стороны, *межъязыкового* и *внутриязыкового* (или *интер-* и *интралингвистического* — термины Якобсона), как более простых, и *интерсемиотического* (или *трансмутации* — по Якобсону) — с другой, как очень и очень сложных. Все мы переводчики, перевод везде вокруг нас — в самых различных знаковых системах, равно как и в нас самих.

Начинаем наш разбор с более сложных проблем. Многообразны проявления скрещивания художественных приёмов в рамках отдельных видов искусств, которые условно можно охватить термином *внутримедиальных реляций*, хотя значительно более разнообразны типы *мультимедиальных реляций*. В этом нашем исследовании мы ограничиваемся тремя типами *межмедиальных реляций*: словесной — пиктуральной — кинематографической, с многообразными проявлениями *внутримультимедиальных реляций* в каждом из трёх рассматриваемых искусств. Однако вначале мы попытаемся проникнуть в специфику двух *языковых переводов*: *межъязыкового* и *внутриязыкового*, каждого в отдельности, а потом в их взаимосвязи, чтобы перейти к более сложным явлениям, в частности к вопросу о взаимосвязи *меж-* и *внутрисемиотического переводов* (словесно-эстетического, пиктурального и кинематографического искусств).

Поэтому особое место в данном докладе отведено этому последнему типу *интерсемиотического перевода*, почти не затронутому до сих пор транслатологией, исключительное значение которого блестяще предвосхитил Якобсон в известной статье о трёх типах пере-

вода [Jakobson, 1959, с. 232—239]. Мы, отталкиваясь от идей Якобсона, делаем попытку из помет на полях якобсоновского труда перенести *трансмутацию* в круг актуальнейших проблем и сделать её основополагающей в транслатологии, как глобальной науки о переводе, ибо мы глубоко убеждены, что будущее теории художественного перевода как самостоятельной *par excellence* дисциплины в цикле других переводческих дисциплин во многом зависит от готовности науки проникнуть в пока ещё не определившуюся и не чётко отграниченную от других смежных дисциплин область *интерсемиотического перевода* (или *трансмутации*). Однако под *трансмутацией* мы подразумеваем не только интерпретацию языковых знаков при помощи других не-языковых знаков, как это делал в своё время Якобсон, но и, наоборот, интерпретацию не-языковых знаков языковыми, а также и, шире, включая и область *интра-семиотического перевода*, т.е. — интерпретацию неязыковых знаков такими же неязыковыми, какими являются, к примеру, живопись и скульптура. И это были бы два основных корректива, сделанные нами в переводческой триаде Якобсона. К тому же эти два новых аспекта в толковании трансмутации, думается, должны предшествовать анализу явлений *интерсемиотического перевода*, точно так же, как и внутриязыковые трансформации должны предшествовать процессу *межъязыкового перевода*.

1. Из многих проявлений *интралингвистического перевода* приводятся в качестве иллюстрации лишь некоторые диалоги в прозе, равно как и многообразные приёмы *стилизации*.

2. Однако в статье чаще приводятся примеры смешения *интра- и интраязыкового переводов*, встречающиеся в некоторых диалогических отрезках художественной прозы, а также примеры более сложного переплетения и пересечения *интра- и интеръязыкового переводов*, но в которых замечены явные следы влияния многих так называемых *переводов-посредников* (каким является, например, сербский перевод *Нового Завета*, над которым трудился Вук Караджич в течение 25-и лет и опубликовал его в 1847 г.).

1. Среди примеров диалогической речи, взятых из художественной прозы, выделяются два образцовых диалога: первый взят из новеллы И.А. Бунина *Баллада* (1938) как пример смешения *интра- и интралингвистического переводов*; второй — из *Войны и мира* Л.Н. Толстого, который может послужить иллюстрацией чисто *интралингвистического перевода*. Оба драматически напряжённых диалога основываются на недоразумении между собеседниками вследствие различного их отношения к норме литературно-языковой. Впрочем, отличительной чертой романной структуры является диалогическая речь, а «разноречие в романе» — основной

стилеобразующий элемент его (романа) как самого молодого из литературных жанров [Бахтин, 1975, с. 109].

В диалогах налицо чаще всего две противоположные интенции: говорящего (пишущего) и слушателя (читателя), которые почти никогда не совпадают, так что, как это ни парадоксально, слушатель или читатель лучше говорящего или пишущего понимает смысл высказанных автором мыслей и идей.

1.1. Иллюстрацией такого положения может служить новелла Ивана Бунина *Баллада* (1938) из его последнего прижизненного сборника рассказов *Тёмные аллеи*, в которой на фоне основной сюжетной линии — горестной судьбы странницы Машеньки — в предельно сжатом, но многозначительном диалоге между главной героиней и рассказчиком подспудно идёт рассказ о катарсисе, т.е. о чутком восприятии этой же Машенькой старинной баллады, а передаётся это в форме синонимического ряда, в котором в качестве функции конструктивной доминанты выступает слово «жутко». Весь диалог основывается на недоразумении между рассказчиком, авторским заместителем (Medium), и Машей, а предметом недоразумения является как раз доминанта в диалоге — «жутко»: у повествователя своё «номинативное» значение этого слова, так как он носитель литературно-языковой нормы; у Машеньки своё индивидуально-творческое понимание этого же слова. Маша с восхищением говорит о старинной балладе:

«— Я, бывало, слушаю — мороз по голове идёт:

*Вет сыр-бор за горою,
Метёт в белом поле,
Стала вьюга-непогода,
Запала дорога...*

— *До чего хорошо, господи!*

— Чем хорошо, Машенька?

— Тем и хорошо-с, что сам не знаешь чем. *Жутко*.

— В старину, Машенька, всё *жутко* было.

— Как сказать, сударь? Может, и правда, что *жутко*, да теперь всё мило кажется» [Бунин, 1988, т. 5, с. 263].

У таких писателей, как Бунин, до крайних пределов развито умение извлекать глубинные тайные смыслы слов в самые светлые моменты их творчества. В данном отрезке словесно-эстетической структуры он настолько искусно размещает компонент «жутко» в функции доминанты в ряде синонимов с основным словом «хорошо», так что на остриях этого ряда скрыт основной тайный смысл диалога. Уловить этот смысл удаётся лишь внимательному читателю после повторных чтений. Это тот самый «остаток смысла», который очень трудно передать словами. Вот почему Машенька затрудняется объяснить собеседнику, чем хороша старинная баллада: «Тем

и хороша-с, что сам не знаешь чем. *Жутко*». Она всеми фибрами души чувствует всю прелесть баллады, но рационально на словах передать тайну прелести она не в состоянии, ибо она относится к сфере той более важной информации литературно-художественного текста, к «концептуально-эстетической», которая включает в себя такие виды, как гедоническую, аксиологическую, суггестивно-гипнотическую, катартическую информации [Гончаренко, 1988, с. 104].

Как раз на таких отрезках текста переводчик выступает как метавтор в толковании «остатка смысла» поверх его основной фактуальной семантической информации. Внимательный читатель-переводчик после повторных чтений должен заметить, что доминанта «жутко» является лишь одним из членов окказионального синонимического ряда, включая фразеологизмы: «мороз по главе идёт» — в начале, равно и «мило кажется» в конце диалога. У Машеньки, в отличие от поверхностного, надменного рассказчика, все члены данного ряда синонимов являются атрибутами катартического восприятия произведения искусства старинной баллады. Поэтому компонент «жутко» в переводе на сербский язык нужно было перевести фразеологизмом «лепо те нека је за обузме» (русс. «оторопь берет»), а в репликах рассказчика — собеседника Маши — в номинативном значении, как «језиво, страшно».

1.2. Из многих проявлений *интралингвистического перевода* приводятся в первую очередь примеры недопонимания между участниками диалога в литературно-художественных произведениях, вследствие различных интенций собеседников, несущие нередко глубокую концептуально-эстетическую нагрузку, как уже указано выше, а также и многообразные приёмы *стилизации*, в первую очередь *исторической стилизации* в современном романе, представляющей собой не что иное, как креолизацию моделей культур [Лотман, № 4, 1969, с. 460—477] двух более или менее отдалённых эпох в истории одного и того же народа [Алпатов, 1958; Троицкий, 1964; Чович, 1991, с. 32—127].

Однако в статье чаще всего встречаются примеры переплетения и пересечения *интра-* и *интерязыкового переводов* со следами влияний многих *переводов-посредников*. Наглядным примером такого комбинированного применения приёмов *интра-* и *интерязыкового переводов* могут послужить два перевода библии: во-первых, уже упомянутый перевод Нового Завета, сделанный Вуком Караджичем на сербский язык в 1847 г., равно как и *перевод-интерпретация* Одисея Эллитиса, за что ему была присуждена нобелевская премия. Его поэма под заглавием «Это достойно внимания» со всеми своими интертекстуальными и эзотекстуальными достоинствами

представляет незаурядный перевод библейского текста [Слапшак, 1989, с. 169—171].

Вопрос о переводе сакральных текстов принадлежит тем комплексным и недостаточно изученным вопросам художественного перевода, без решения которых невозможно и исследование рецепции, восприятия Священного Писания в любой литературе, в частности и сербской. Специфичность восприятия Священного Писания в любой национальной литературе зависит в первую очередь от различного отношения переводчика к сакральному тексту при условии существования повторных переводов. Хотя этим проблемам посвящён ряд трудов как теоретического, так и прагматического характера, всё-таки остаётся изучить ещё очень многое. Одна из очередных задач — место Библии в литературно-художественном процессе любой национальной литературы. В этом смысле придётся заново актуализовать некоторые положения, которые дошли до нас в форме аксиом, а нуждаются в пересмотре, потому что таковыми давно не являются, чтобы впоследствии взяться за всесторонние исследования переводов Нового Завета, сделанные Вуком Караджичем в середине XIX в. и Одисеем Эллитисом — в наши дни. Необходимо, во-первых, опровергнуть ничем не подтверждённую точку зрения некоторых исследователей, что перевод Вука Караджича является примером *внутриязыкового перевода*. С этим нельзя не согласиться, даже после поверхностного, беглого взгляда на этот долголетний труд знаменитого сербского реформатора литературного языка. Назвать *внутриязыковым*, пожалуй, можно лишь перевод-подделку Афанасия Стойковича, так как он в этой своеобразной адаптации одного из первых вариантов перевода Вука Караджича, реализованного ещё в 1819 г., «неумело славянизировал и русифицировал перевод Караджича», так что в момент своего появления он тотчас же стал негодным для сербского читателя. Пока попутно укажем, что Вук Караджич в своём переводе Нового Завета, хотя и придерживался церковнославянского текста, однако всё время заглядывал в перевод Мартина Лутера, стараясь также, чтобы его перевод был заодно верен греческому оригиналу. Кроме того, во многих отрезках текста есть прямые соответствия с русским переводом 1819—1821 гг., что в своём сравнительно-стилистическом анализе доказал профессор Петр Джорджич, один из первых исследователей этого перевода Нового Завета ещё в середине 30-х годов прошлого столетия [Ђорђић, 1933—1934, т. 2, с. 97—115]. Достоверность результатов этих исследований подтвердили и другие сербские учёные, такие как Ирена Грицкат и Миливой Павлович в середине 60-х гг. [Грицкат, XXIV, 1—2, с. 219—246]. Оба они пришли к общему выводу, что перевод Вука Караджича является примером сложнейшей комбинации

внутриязыкового и межъязыкового переводов с явными следами нескольких переводов-посредников (церковно-славянского, русского, нескольких немецких переводов, равно как и латинской Вульгаты); поэтому в нём довольно много прямых заимствований из церковнославянского, русского; а также много следов colloquialных субстандартных элементов сербского языка, включая и турецкую лексику. Заметны и элементы греческого оригинала. Есть, конечно, и элементы внутриязыкового перевода, но это явление не первостепенной важности.

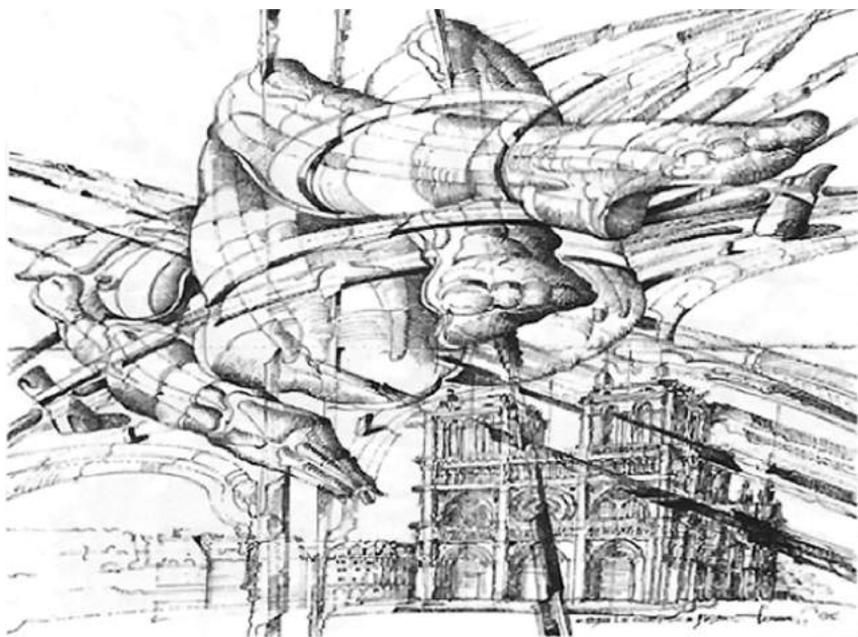
Если согласиться с идеей, что процесс перевода характеризуется и репродукцией, и модификацией оригинала, то Караджича можно и нужно считать метаавтором, выступающим на всех этапах создания сложного феномена перевода в роли интерпретатора. Его перевод — это не простая репродукция оригинала, а творческая модификация «в собственном духе», если пользоваться термином Ричардса, знаменитого представителя англо-саксонской «новой критики». В жанровом отношении его перевод представляет собой смешение нескольких жанровых традиций: нескольких переводов-посредников, греческого оригинала и церковнославянского перевода, и поэтому в нём звучит многоголосие всех тех переводов, которыми он пользовался. Но среди этого разноречия есть и его собственный голос переводчика-интерпретатора. Этот голос существует, разумеется, в функции нескольких авторских интенций переводов-посредников, которыми Караджич пользовался в своём переводе, но без прямого подчинения.

2. В качестве иллюстрации пересечения *интра-* и *интерсемиотического переводов* приведём пример перевода словесной, как одной из форм так называемых временных искусств, в живопись (и в скульптуру), как типичных пространственных искусств, — и всех ступеней трансформации на «синем» портрете Анны Ахматовой, выполненном Натаном Альтманом в 1914 г. Ряд пересекающихся плоскостей в верхней части картины представляет собой множество трансмутаций небольших словесно-эстетических сенсаций — стихотворений, скорее всего, из цикла «зазеркалье» в пиктографическое, визуализированное соцветие, что роem встают перед «черным от боли» глазом поэтессы (и это будет первая стадия *интерсемиотической трансмутации*), которое как бы изрезано светлыми тонами аквамарина (и это уже вторая стадия *интрасемиотической трансмутации*). Таким образом, живописец путём синхронизированных трансмутаций перевёл словесно-эстетическое искусство в визуализированную двухмерную живопись, а заодно и в трёхмерное скульптурное искусство, подражая кистью резкому ходу скульпторского резца.

2.1. О сложной мультимедиальной взаимосвязи словесно-эстетического, изобразительного и искусства кино наглядным примером послужила мультимедиальная презентация книги дневниковых записок под заглавием *Парижские записки* (1966) известного черногорского живописца Слободана Словинича, которые он вёл во время своей выставки в Париже, и составляет цикл из пятидесяти график под названием *Le corbs 200*, датированных октябрём—ноябрём 1995 г. Он продолжал работу над этим циклом, сопровождая новый идейный замысел тонкими наблюдениями о творческих поисках на всех фазах процесса работы над ним. Сами *Записки* сопровождаются графиками под заглавием *Цикл па-*

рижских записок. Рисунки [Словинић, 1997] с изображением узника с пятьюдесятью фазисами его освобождения из пут: вначале связанного путами по рукам и ногам и прикрепленного к земле, а потом постепенно освобождающегося от пут, выпрямляющегося и стремящегося ввысь и, наконец, улетающего вертикально в трансцендентальную высь. Этой динамической моделью, символизирующей освобождение человека от всяких пут, воспользовался как удобным материалом литературовед и искусствовед Синиша Йелушич, чтобы превратить его в одиннадцатиминутный экспериментальный фильм *Парижские медитации* [Meditationes Parisiorum, 1998], который демонстрировался на выставке графики С. Словинича в Нови-Саде (1998), где одновременно прошла и презентация его книги *Парижские записки* на этом мультимедиальном вечере, посвящённом нескольким музам — поэзии, изобразительного и кинематографического искусств. Свой отзыв об этом мультимедиальном вечере мы озаглавили *Дневниковые записки с несколькими продолжительными сносками (Текст и интертекст)*, пытаясь такой метафорой указать на разнообразие мультимедиальных реляций: словесно-эстетического искусства, живописи и киноискусства.

2.2. О взаимосвязи пиктурального и кинематографического искусств можно привести целый ряд примеров, ссылаясь на многочисленные труды Сергея Эйзенштейна. Мы приведём лишь из-

вестный документальный фильм Анри-Жорж Клузо *Тайна Пикассо* с рядом трансмутаций статичного пиктурального изображения, сменяющих друг друга абстрактных и реальных объектов — в динамическое кинематографическое, и наоборот — от кинематографического в пиктуральное — т.е. в живопись. При этом те отрезки фильма, в котором под кистью Пикассо из предметов, разложенных на плоские грани, вдруг возникают объекты из реального мира, сопровождаемые соответствующей музыкой (например, очертания рога и головы быка сопровождаются музыкой испанского танца фламенко, ассоциирующегося с испанской корридой). Этот незаурядный фильм представляет собой редкий пример синкретизма трёх видов искусства: живописи (но особой, не только статичной пространственной, но и динамической временной), кино и музыки. Музыка, как вид типично несемантического искусства, в данном случае становится семантизированной.

Подводя итоги, в заключение можно добавить, что все приведённые примеры лишней раз подтверждают сентенцию Лоренцо Лонцо, одного из первых председателей Международной ассоциации переводчиков (FIT), что современный человек не может даже в течение одного дня обойтись без хотя бы одного из многочисленных проявлений сложного феномена перевода, одной из самых старых форм умственной деятельности *homo sapiens* — *homo translatoricus*, потому что перевод испокон веков был присущ любому акту коммуникации независимо от того, какая информация является её предметом: фактуальная или концептуально-эстетическая. И все мы включены в эту «вечную игру» между передающим и воспринимающим информацией. Современному человеку в окружении самых разнообразных знаков — словесных и не-словесных приходится всё время толковать их себе и другим, чтобы согласовать и «примирить» свои и чужие интенции.

Список литературы

- Алпатов А.В.* Алексей Толстой — мастер исторического романа. М.: Советский писатель, 1958.
- Бахтин М.* Разноречье в романе: Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1988.
- Гончаренко С.Ф.* Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод. Поэтика перевода. Сб. статей. М.: Радуга, 1988. С. 100—109.
- Грицкат И.* Вуков превод Новог Завета као споменик великог филолошког настојања: Јужнословенски филолог. Књ. XXVI. Св. 1—2. 1963—1964.
- Ђорђевић П.* О Вукову Новом Завету. Посебан отисак. Београд. Прештампано из Богословља. Св. 2 IX. 1934.

- Лотман Ю.М.* О метаязыке типологических описаний культур: Труды по знаковым системам. № 4. Тарту, 1969.
- Слапшак С.* Три става према библијском тексту: Даничић, Вук, Одисеј Елитис: Књижевно превођење: теорија и историја. Зборник радова. Нови Сад: Пожаревац, 1989.
- Слободан С.* Циклус Париски записи. Цртежи. Подгорица, 1997.
- Словинић С.* Париски записи. Подгорица: Културно-просвјетна заједница Подгорица; Музеји и галерије Подгорице, 1996.
- Топер П.М.* Перевод в системе сравнительного языкознания. 2-е изд. М.: РАН, 2001.
- Троицкий Ю.И.* Стилизация: Слово и образ / Сост. В.В. Кожевникова. М.: Просвещение, 1964.
- Jakobson, R.* On Linguistic Aspekts of Translation. (In:) R.A. Bower ad., On Translation. Cambridge, Mass., 1959.
- Човић Б.* Стил историјске прозе А.Н. Толстоја. Нови Сад: Институт за стране језике и књижевности. Књ. 14. 1991.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Н.Б. Исолахти,

доктор философских наук, Университет Тампере, Финляндия; e-mail: Nina.Isolahti@uta.fi

ОПУСТИТЬ ЗА НЕНАДОБНОСТЬЮ — ТОЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА СУДЕБНОГО ДОПРОСА

Статья написана по результатам диссертационного исследования, посвящённого точности устного судебного перевода. В качестве материалов использовались аутентичные переводы судебных допросов, выполненных в языковой паре финский — русский. В исследовании проверялась гипотеза о существовании обратной зависимости между длиной переводимого отрезка и количеством пропусков в переводе. Основная гипотеза получила подтверждение. В исследовании также был сделан вывод, что на точность перевода, кроме длины переводимой реплики, влияет функционально-прагматическая особенности переводимого элемента. Статья освещает вторую из этих тем. В статье рассматривается вопрос о том, какие реплики являются функционально «нетипичными» для допроса с участием переводчика, и как такая «необычность» влияет на их перевод.

Ключевые слова: точность устного перевода, судебный перевод, последовательный перевод.

Nina Isolahti,

PhD at the University of Tampere, Finland; e-mail: Nina.Isolahti@uta.fi

To Omit when Unnecessary: Accuracy of Interpreting in Criminal Trials

This paper deals with the results of a study of accuracy of court interpreting. It focused on omissions in the messages conveyed from the source language to the target language. The aim of the research was to find the factors that affect the accuracy of interpretation. Therefore, as the main hypothesis, I tested whether the length of interpreting sequences affects accuracy in such a way that the lengthening of the interpreted speech segment causes a decline in accuracy. My empirical analysis is based on tapes of authentic interpreter-mediated defendant interrogations recorded in court proceedings across Finland. Empirical analysis of the data shows that the length of the interpreting sequence impacts accuracy in such a way that the interpreters first omit modality markers or detailed and repetitive information whilst at the same time making efforts to convey the key information accurately. The statistical analysis indicates that the same kinds of omissions occur, regardless of the length of the interpreted speech. Omissions seem to be conducted for communicative purposes and for the benefit of the addressee in the target language.

Key words: accuracy of interpreting, court interpreting, consecutive interpreting.

Введение

В современной Финляндии вопросы судебного перевода¹ являются актуальными. За последние годы в судебных разбирательствах возросло количество участников, не владеющих языком судебного производства. К примеру, в 2012 г. более 10% (около 6600 человек) всех приговорённых судами первой инстанции являлись гражданами других государств [ГосСтат Финляндии]. В декабре 2013 г. в Финляндии были внесены изменения в законодательство, касающиеся права на перевод в уголовном процессе. Предполагается, что в результате данных изменений возрастет потребность в юридическом и, в частности, в судебном переводе. Знаменательно и то, что в финское законодательство впервые включены нормы, касающиеся компетенции судебного переводчика [см., напр.: ст. 6 главы 6 Уголовно-процессуального закона Финляндии (перевод названия закона мой. — *Н.И.*)], и в настоящий момент готовится государственная система квалификационной сертификации судебных переводчиков.

Точность — основной критерий качества перевода допроса

Основным критерием качества устного перевода является точность перевода [см., напр.: Tommola, 2006, p. 174; Setton, 2007, p. 219]. Точность особенно важна именно в судебном переводе. В судебном заседании, на разных его фазах, требуется перевод с различной степенью точности. Исключительная точность необходима при переводе допроса подсудимого [Isolahti, 2014, p. 43—44, 95—112].

Суд производит оценку правдивости и достоверности показаний свидетеля, потерпевшего или подсудимого. Для оценки достоверности показаний важна не только информация, содержащаяся в показаниях, но и то, как говорящий сформулировал своё сообщение. Специалисты психологии судебного допроса подчёркивают, что при оценке показаний могут быть значимы самые разнообразные элементы речи допрашиваемого:

- сколько (много/мало) в показаниях подробностей и деталей;
- насколько логично, связно / нелогично, несвязно даны показания;
- сколько (много/мало) в показаниях описаний различных субъективных ощущений, впечатлений;
- как допрашиваемый оценивает свои наблюдения и воспоминания, насколько он в них уверен/не уверен [Naapasalo, 2000, p. 136—142].

¹ Судебный перевод подразумевает работу устного переводчика в судебном заседании. Судебный перевод является одним из подвидов юридического перевода. Подробнее о понятиях устного судебного перевода и юридического перевода [Исолахти, 2014].

При оценке достоверности показаний могут иметь значение манера говорить, стиль и регистр речи говорящего, маркеры эпистемической модальности. Значимыми могут быть и такие особенности речи, как длина пауз, быстрота реакции ответа, темп, исправления собственной речи, фальстарты, колебания громкости и тона, экспрессивность высказывания, а также экстралингвистические элементы сообщения, например различные жесты, взгляды [ibid., p. 136—139, 142—143].

Очевидно, что при допросе лица, не владеющего языком судопроизводства, все нюансы исходного сообщения должен отразить перевод. В устном судебном переводе используется понятие *юридическая эквивалентность*, которое подразумевает перевод предельной точности с передачей всех элементов оригинала, без изменений, пропусков, сокращений, добавлений, сохраняя при этом не только информацию и модальность, но и стиль, регистр речи и иные особенности исходного сообщения [González, 1991, p. 16]. При переводе допроса скопос перевода должен определяться именно как достижение юридической эквивалентности [Isolahti, 2014, p. 44—45]. Юридически эквивалентный перевод не всегда отличается эстетичностью или логичностью. Бессвязные, неясные с бесконечными повторами и нелепостями показания допрашиваемого не должны становиться при переводе чёткими и логичными [Mikkelsen, 2000, p. 69.] Для достижения юридической эквивалентности переводчик не должен опускать при переводе какие-либо, пусть даже малозначимые или повторяющиеся, фрагменты исходного сообщения, а должен переводить всё, сказанное говорящим, без пропусков, добавлений или обобщений [Isolahti, 2014, p. 44—45].

Проблеме точности судебного перевода в целом и, прежде всего, пропускам в переводе допроса, посвящено диссертационное исследование автора настоящей статьи «Точность перевода в суде по уголовным делам — недостижимый идеал?» [см.: Isolahti, 2014 (перевод названия мой. — *Н.И.*)]. Данная статья написана по материалам этой научной работы.

Исследовательский материал, ход и метод исследования

В исследовании «Точность перевода в суде по уголовным делам — недостижимый идеал?» проверялась гипотеза о существовании обратной зависимости между длиной переводимого отрезка и количеством пропусков в переводе. В ходе работы было выдвинуто также предположение о существовании закономерности между пропусками в переводе и функционально-прагматической особенностью переводимого элемента. В публикуемой статье остановимся на последней, при этом рассмотрим лишь один аспект данного вопроса —

пропуски целых реплик в зависимости от их функционально-прагматической особенности.

В качестве материалов исследования использовались аутентичные переводы судебных допросов, выполненных в языковой паре финский — русский. Анализ проводился на материале переводов шести разных переводчиков. Общая продолжительность аудиозаписей более 5 часов. Записи были транскрибированы. Объём транскрибированных текстов составил 15 576 слов. Транскрибированные тексты были проанализированы и аннотированы.

Для выявления отношений причинной зависимости между тестируемыми признаками был применён статистический каузальный анализ². Суть каузального анализа заключается в проверке, в первую очередь, наличия статистической зависимости (корреляции) между двумя тестируемыми признаками (тестируемыми переменными). Статистическая взаимосвязь, однако, ещё не означает наличие причинно-следственных отношений. Для выявления каузальной зависимости необходимо убедиться, что в изучаемом явлении причинный фактор предшествует следственному, а также — не является ли корреляция ложной, возникшей под влиянием иных явлений (контрольных переменных). Для этого устойчивость взаимосвязи между тестируемыми переменными проверяется под воздействием контрольных переменных [Jokivuori, 2007, p. 27].

При анализе и аннотации транскрибированных текстов в качестве тестируемой независимой переменной среди прочих была введена категория, названная «Нетипичные смежные пары реплик», в которую вносились сведения об отклонениях от стандартной схемы диалоговой организации допроса. Перевод/пропуск перевода целой реплики сформировали, соответственно, зависимую переменную. Было протестировано: не объясняется ли взаимозависимость этих двух переменных такими явлениями, как особенности отдельного переводчика, особенности речи говорящего, специфика каждой коммуникативной ситуации или же направление перевода на родной или неродной язык. Соответственно, данные явления были аннотированы и сформировали контрольные переменные.

Структура допроса, чередование и прагматика реплик

Обычный судебный допрос без участия переводчика строится по схеме диалога *Вопрос — Ответ*, где реплика вопроса должна исходить от допрашивающего, а ответ, соответственно, — от допраши-

² Каузальный анализ производился с использованием компьютерной программы SPSS (Statistical Product and Service Solutions).

ваемого. При проведении допроса с последовательным переводом чередование реплик должно проходить по схеме *Вопрос — Перевод — Ответ — Перевод*. В таком переводимом диалоге допрашиваемый отвечает не на вопрос допрашивающего, а на перевод этого вопроса, являющийся переводческой интерпретацией оригинала. В исследованиях записей аутентичного устного перевода было обнаружено, что в реальных условиях перевод далеко не всегда строится по стандартной схеме. Переводчик, например, сам бывает инициатором вопроса или же самостоятельно отвечает на вопрос.³ Кроме того, реплики собеседников, допрашивающего и допрашиваемого, не всегда являются вопросом или ответом, а имеют иные функционально-прагматические особенности. В материале исследования такие функционально «нетипичные» реплики были маркированы следующим образом:

1) Мини-диалоги, в которых переводчик участвует в качестве самостоятельного участника, были отмечены общим кодом UNDERSTAND. Диалоги с самостоятельным участием переводчика можно разделить на несколько подвидов.

В переводах встречаются «нетипичные» мини-диалоги, инициатором которых является сам переводчик (см. пример 1). Это, как правило, ситуации, когда переводчик задаёт кому-либо из участников уточняющие вопросы. Реплики в мини-диалогах, инициируемых переводчиком, были аннотированы как в примере 1. В примере 1 прокурор предлагает подсудимому рассказать о неких событиях (строка 1) и спрашивает мнение подсудимого о достоверности фактов (строка 2). Подсудимый отвечает отрицательно (строка 5). Из ответа подсудимого неясно, отрицает ли он достоверность фактов или же отказывается рассказывать о происходящем. Переводчик в данной ситуации вынужден задать уточняющий вопрос (строка 7). В возникшем таким образом «нетипичном» мини-диалоге реплика, вызвавшая уточняющий вопрос, получила код UNDERSTAND_1, уточняющий вопрос переводчика получил код UNDERSTAND_2, а ответ на этот вопрос — код UNDERSTAND_3.

Пример 1

1 Прокурор 3: niin että osaako SUKUNIMI V5 jatkaa että
'ну что, может ли ФАМИЛИЯ П5 продолжить что'⁴
2 mitä [sitten tapahtui] [pitääkö tämä paikkansa täältä osin]?

³ В исследованиях устного перевода такие нарушения схемы переводимого диалога интерпретировались как доказательства того, что переводчик является самостоятельным участником речевой ситуации, а не просто переносит или перекодирует сообщения собеседников с одного языка в другой [см., напр.: Berk-Seligson, 1990; Wadensjö, 1998].

⁴ Здесь и в дальнейших примерах перевод финского текста мой. — *Н.И.*

‘что потом случилось соответствует это действительности в этой части’

3 Переводчик 3: [вы можете /] продолжить (0.2) [что дальше произошло]

4 это [правильно /]?

5 Подсудимый 5: [нет] (0.3) нет

6 (1.5)

7 Переводчик 3: не можете?

8 Подсудимый 5: (.) нет (.) это неправильно

9 (0.5)

10 Переводчик 3: ei (.) se ei pidä paikkaansa

‘нет это не соответствует действительности’

В примере 1 переводчик задал уточняющий вопрос по необходимости, так как без этого смысл ответа был неясен. В примере 2 такой надобности нет, и переводчик, задавая уточняющий вопрос, берёт на себя роль допрашивающего. Прокурор спрашивает у подсудимого о ходе событий (строка 2). Подсудимый отвечает, что люди сели в машину (строка 5). Ответ предельно прост, и его можно однозначно перевести на финский язык. Однако переводчик начинает выяснять у подсудимого, о какой машине идёт речь (строки 7 и 10), и только получив ответ (строка 12), переводит его (строки 13, 15). Реплики такого мини-диалога были аннотированы аналогично примеру 1.

Пример 2

1 (2.1)

2 Прокурор 3: no niin (.) mitä sitten tavaratal- tavaratalolta eteen- räin tapahtu?

‘ну так что дальше марке- после маркета произошло’

3 Переводчик 3: = что дальше от универмага (0.4) °что° произошло?

4 (1.0)

5 Подсудимый 5: два человека сели в машину

6 (0.5)

7 Переводчик 3: °в какую°?

8 (0.6)

9 Подсудимый 5: а?

10 Переводчик 3: (.) в какую?

11 (0.7)

12 Подсудимый 5: в универмаге (.) в мо- в мою машину.

13 Переводчик 3: (0.3) e: kaksi henkilöä nousivat tavaratalon luona:: (.) autooni.

‘два человека сели около маркета в мою машину’

14 (1.0)

15 Переводчик 3: °kyytiin

Инициаторами «нетипичных» мини-диалогов могут быть также допрашивающий или допрашиваемый. В примере 3 недопонимание между участниками допроса возникло из-за ошибки переводчика. Адвокат задаёт вопрос, звонила ли по телефону спутница подсудимого (строка 2). Из-за ошибки переводчика вопрос в переводе становится несколько абсурдным (строка 4), и подсудимый, естественно, не понимает вопроса и переспрашивает переводчика (строка 6). Переводчик повторяет вопрос в его искажённой форме (строка 7), и подсудимый отвечает на переводческую интерпретацию вопроса (строка 9). В этом диалоге видно, как искажаются смежные пары в результате ошибки переводчика. На вопрос адвоката, звонила ли по телефону спутница подсудимого, он получает ответ: «*Нет, она сидела со мной рядом*». При этом под отрицанием «нет» подсудимый подразумевает, что он не звонил своей спутнице, а на вопрос звонила ли спутница кому-либо, допрашиваемый не отвечает вовсе.

Реплики в таких диалогах, инициируемых допрашивающим или допрашиваемым, получили коды, как в примере 3. Уточняющий вопрос, в данном случае подсудимого (строка 6), получил код UNDERSTAND_4, а ответ переводчика (строка 7) — код UNDERSTAND_5. Уточняющий вопрос, который задаёт переводчику допрашивающий, а не допрашиваемый, получил код UNDERSTAND_8.

Пример 3

- 1 (1.5)
- 2 Адвокат 3: soittiko NIMI x14 SUK-x8 (0.2) ei (0.6) NIMI x8 SUKUNIMI x8
'звонила ИМЯ x14 ФАМИЛ- x8 нет ИМЯ x8 ФАМИЛИЯ x8'
- 3 (1.1)
- 4 Переводчик 2: e:: звонили ли вы NIMI x8 (0.2) SUKUNIMI x8
- 5 (2.2)
- 6 Подсудимый 3: не понял я
- 7 Переводчик 2: (.) звонили ли вы NIMI x8 (0.3) SUKUNIMI x8
- 8 (0.4)
- 9 Подсудимый 3: нет (.) она рядом со мной сидела
- 10 (0.4)
- 11 Переводчик 2: ei (.) hän istui minun vieressäni
'нет она сидела рядом со мной'

К категории «нетипичных» были отнесены также реплики, в которых переводчик сам исправляет перевод. В примере 4 переводчик испытывает затруднение при переводе вопроса адвоката (строка 3). В переводе вопрос об интимных отношениях превращается в вопрос о дружбе. Подсудимый несколько удивлён таким

вопросом, о чём свидетельствует то, что его реплика начинается с частицы *ну*, произношение которой растянуто *нуууууу*. Кроме того, он использует при формулировке ответа вводное слово *скажем*, которое указывает на неточность ответа. Переводчик понимает погрешность перевода и пытается исправить ошибку (строка 6), после чего подсудимый опять отвечает на вопрос (строка 8). Интересно, что новая формулировка вопроса опять же неточна. В результате, подсудимый утвердительно отвечает на вопрос, дружил ли он с женщиной, и на вопрос, ухаживал ли он за ней, но на вопрос адвоката, была ли у него связь с этой женщиной, подсудимый не отвечает вовсе. В данном мини-диалоге ответ на некорректно переведённый вопрос (строка 5) получил код UNDERSTAND_6, а исправление собственного перевода получило код UNDERSTAND_7.

Пример 4

1 Адвокат 3: oletteko seurustelleet

‘у вас была связь’

2 (0.5)

3 Переводчик 2: но вы дружили с ней?

4 (0.8)

5 Подсудимый 3: ну::::: да скажем [так]

6 Переводчик 2: [ухаживали /] за ней...?

7 (0.5)

8 Подсудимый 3: скажем так

9 (0.7)

10 Переводчик 2: sanotaan (.) kyllä

‘скажем да’

2) Отклонения от стандартной схемы *Вопрос — Ответ* происходят также в репликах фатической функции, которыми собеседник обозначает, что он участвует в разговоре, слушает говорящего, воспринимает сказанное. Такие реплики не являются ни вопросом, ни ответом. Реплики фатической функции зачастую короткие, состоящие лишь из одной дискурсивной частицы.

В примере 5 прокурор задаёт вопрос, касающийся фотографии из материалов уголовного дела, и просит показать её подсудимому (строки 1 и 2). Подсудимому показывают нужную страницу дела, а переводчик одновременно комментирует, на какую фотографию следует обратить внимание. Подсудимый коротко утвердительно хмыкает *ухм* (строка 6). Функция данной реплики — обозначить, что собеседник воспринял предложенную ему информацию и готов продолжить беседу. Реплики такого типа получили код RECEIPT.

Пример 5

1 Прокурор 3: °joo° näyt- näyttäkää tätä kuvaa (.) liite kolmetoista ja [valokuva]

‘нуу пок- покажите эту фотографию приложение тринадцать и фотографию

2 numero kolme.

номер три’

3 Переводчик 3: ° [так тринадцатое]

4 приложение (.) третья фотография°.

5 (0.5)

6 Подсудимый 5: °ухм°

7 (2.0)

8 Прокурор 3: tämänkö auton?

‘эту машину’

9 (0.8)

10 Переводчик 3: °эту машину°

В материалах были также найдены реплики, в которых говорящий кратко комментирует свою же собственную предыдущую реплику, как бы подтверждая её достоверность. Такие реплики были аннотированы кодом JUST.

3) Нарушение функциональной схемы допроса с переводчиком *Вопрос — Перевод — Ответ — Перевод* происходит также в мини-диалогах, которые ведутся между собеседниками, имеющими общий язык, будь то язык судебного заседания или же иностранный язык, общий для нескольких подсудимых. Все такие мини-диалоги объединены в категорию CONV.

Председательствующий судья может обратиться с вопросом к кому-то из юристов, прокурору или адвокату. Обращения председательствующего судьи к юристам и ответы на них юристов обозначены кодом CONV_3. Юристы могут обращаться друг к другу и к членам суда с комментариями каких-либо юридически значимых вопросов, могут обсуждать правовые темы⁵. Все реплики в диалогах между прокурорами и адвокатами на языке процесса получили код CONV_1. Общим для диалогов или отдельных реплик CONV_1 и CONV_3 является их прагматическая направленность. Они не обращены непосредственно к подсудимому или свидетелю, не говорящему на языке судопроизводства.

Одноязычные мини-диалоги происходят также между иноязычными участниками процесса, если таких участников несколько. Такие мини-диалоги получили код CONV_2.

⁵ Подробнее о репликах такого типа [см.: Isolahti, 2008, p. 4].

Председательствующий судья руководит процессом, произносит различные процессуальные реплики, определяет порядок выступления участников процесса, предоставляя им слово. Прагматически такие реплики являются директивами, а не вопросами или ответами. При аннотации процессуальные реплики получили код PROCEDURE.

Каузальная зависимость между функционально-прагматической особенностью и пропуском реплик

В целом в исследуемом материале функционально-прагматически «нетипичные» реплики опускаются при переводе независимо от их длины. Можно утверждать, что при переводе опускается большая часть таких реплик. В табл. 1 приведено количество «нетипичных» реплик разных подвидов (второй столбец) и данные, сколько из них переведено, а сколько нет. К примеру, переводчики задали уточняющие вопросы (UNDERSTAND_2) в общей сложности 60 раз, а переведена такая реплика была лишь 1 раз (2% от всех реплик такого типа), в остальных случаях (59 раз, 98%) содержание уточняющих вопросов переводчика осталось недоступным для собеседников, не знающих язык.

Таблица 1

Количество «нетипичных» реплик и их перевод/пропуск

Подвиды нетипичных	Кол-во	Реплика переведена		Реплика не переведена	
		кол-во	%	кол-во	%
JUST	6	2	33%	4	67%
RECEIPT	30	0	0%	30	100%
CONV	31	3	10%	28	90%
UNDERSTAND_1	32	16	50%	16	50%
UNDERSTAND_2	60	1	2%	59	98%
UNDERSTAND_3	48	27	56%	21	44%
UNDERSTAND_4	36	14	38%	23	62%
UNDERSTAND_5	20	1	5%	19	95%
UNDERSTAND_6	2	1	50%	1	50%
UNDERSTAND_7	2	1	50%	1	50%
UNDERSTAND_8	2	0	0%	2	100%
PROCEDURE_1	48	7	14%	42	86%

Подвиды нетипичных	Кол-во	Реплика переведена		Реплика не переведена	
		кол-во	%	кол-во	%
PROCEDURE_2	19	2	11%	17	89%
PROCEDURE_3	31	13	40%	18	60%
Всего	367	88	24%	281	76%

Наличие каузальной зависимости между пропусками в переводе и функционально-прагматической особенностью переводимого элемента было проверено статистическими методами. В первую очередь, было проверено наличие корреляции между двумя тестируемыми признаками. Переменная «Нетипичные смежные пары реплик» является так называемой номинальной переменной. Для выявления взаимосвязи между номинальными переменными используется статистический метод таблиц взаимной сопряжённости признаков (*contingency table*)⁶, а в качестве критерия значимости связи между номинальными переменными — критерий хи-квадрат χ^2 (*chi-square*) и коэффициенты сопряженности (*contingency coefficient*)⁷ Пирсона *C* и фи (*phi*) ϕ [см., напр.: Metsämuuronen, 2000, p. 51—52; Nummenmaa, 2004, p. 293—296].

Для статистического анализа функционально-прагматические особенности реплик были объединены в четыре группы⁸ CONV/UNDERSTAND, JUST/RECEIPT, PROCEDURE и QUESTION/ANSWER. В категорию CONV/UNDERSTAND вошли мини-диалоги между собеседниками, имеющими общий язык общения (CONV), и мини-диалоги с самостоятельным участием переводчика (UNDERSTAND). В группу JUST/RECEIPT вошли реплики фатической функции (RECEIPT) и краткие маркеры реакции слушателя (JUST). Процессуальные реплики (PROCEDURE) составили отдельную группу. Типичные для допроса вопросы и ответы образовали, соответственно, категорию QUESTION/ANSWER.

Между пропуском целой реплики и функционально-прагматической особенностью переводимых реплик была обнаружена сильная взаимозависимость. Таблица 2 содержит показатели сопряжённости этих двух явлений. В первом столбце — четыре функционально-

⁶ Обобщённое изображение зависимости (зависимостей) между двумя и более переменными в виде таблицы.

⁷ Предназначены для оценки силы взаимосвязи, основанной на критерии.

⁸ Объединение в группы обусловлено требованием метода в отношении числа наблюдений в любой из ячеек, которое должно быть не менее 5 для четырёхпольных таблиц.

прагматических группы, во втором и третьем — процентное соотношение количества переведённых и опущенных реплик по каждой категории. Можно убедиться, например, что из реплик категории CONV/UNDERSTAND было переведено 27 и опущено 73%, а типичных для допроса реплик QUESTION/ANSWER было переведено 97 и опущено 3%.

На двух последних строках таблицы можно увидеть значения критерия χ^2 (*Хи-квадрат*; *Pearson Chi-Square*) с указанием числа степеней свободы и критериев силы взаимосвязи между переменными — коэффициента сопряжённости Пирсона C и ϕ . Применение критерия χ^2 тестирует так называемую нулевую гипотезу, предполагающую отсутствие взаимосвязи между тестируемыми переменными. Нулевая гипотеза опровергается при превышении показателем χ^2 критического уровня. Наше значение $\chi^{2(3)} = 932$ значительно превышает критическое 16,2660 при числе степеней свободы 3 [см. табл. критических значений критерия χ^2 , напр.: Nummenmaa, 2004, р. 385]. Переменная Перевод/пропуск реплики значительно меняет свои значения в разных группах реплик, имея показатели $\chi^{2(3)} = 932$ при уровне статистической значимости $p < 0,001$ ⁹. Таким образом, пара признаков взаимосвязана при риске статистической ошибки в 0,1%. Значения критериев $C = 0,609$ и $\phi = 0,767$ указывают на сильную корреляцию¹⁰ при уровнях значимости $p < 0,001$.

Таблица 2

Таблица сопряжённости функционально-прагматической особенности переводимых реплик с их переводом/пропуском

Функционально-прагматический тип реплик	Реплика переведена	Реплика не переведена	Всего
CONV/UNDERSTAND	27	73	100
PROCEDURE	22	78	100
JUST/ RECEIPT	6	94	100
QUESTION/ANSWER	97	3	100
Хи-квадрат	$\chi^2 = 932$, число степеней свободы = 3; $p < 0,001$		
коэффициенты сопряжённости C и ϕ	$C = 0,609$, $p < 0,01$ ja $\phi = 0,767$, $p < 0,001$		

⁹ Критическим значением статистической значимости p считается значение 0,05, т.е. если $p < 0,005$, то корреляция статистически значима [Metsämuuronen, 2000, р. 53—54].

¹⁰ Значения критериев C и ϕ варьируются между -1 и 1 , и в целом чем ближе показатели к значению ± 1 , тем более сильную линейную зависимость они отражают [Metsämuuronen, 2000, р. 54].

На следующем этапе тестировалось, не является ли обнаруженная взаимозависимость между функционально-прагматической особенностью реплик и их переводом/пропуском мнимой, т.е. возникшей под воздействием иных, косвенных, признаков. Для данного теста была создана бинарная переменная функционально-прагматических особенностей реплик. Типичные для допроса вопросы и ответы были объединены в группу QUESTION/ANSWER, а реплики всех иных типов вошли в группу DIVERGENT FUNCTION.

Было проверено, влияют ли особенности отдельных переводчиков на взаимозависимость тестируемой пары признаков. В табл. 3 можно увидеть показатели сопряжённости функционально-прагматической особенности реплик и пропуска/перевода реплик в работе отдельных переводчиков. На наличие взаимосвязи тестируемых критериев в работе всех переводчиков указывают результаты теста χ^2 от 69,9 до 246,5 при степенях свободы 1 и уровне значимости $p < 0,001$. Все эти значения значительно превышают критическое 10,8274 для степени свободы 1¹¹. Интенсивность тестируемой взаимозависимости также не нарушается, на что указывают критерии $C = 0,550—0,622$, $p < 0,001$ и $\phi = 0,659—0,794$, $p < 0,001$, значения которых близки к общим показателям (см. табл. 2). Результаты теста, таким образом, показывают, что первоначальная взаимозависимость между пропуском/переводом реплики и её функционально-прагматической особенностью не ослабевает при воздействии фактора, связанного с особенностью отдельных переводчиков¹².

Было также протестировано, влияет ли статус говорящего на сопряжённость функционально-прагматической особенности реплик и их перевода/пропуска. Для данного текста говорящие были разделены по их социально-ситуационному статусу на три группы: юристы, подсудимые и переводчики. Как показывают цифры, приведённые в табл. 4, тенденция на перевод типичных для допроса реплик и опускание при переводе функционально-прагматически нетипичных реплик в целом сохраняется. Типичные реплики юристов, как и типичные реплики подсудимых, в большинстве случаев (97%) переводятся. Однако данные по нетипичным репликам различаются в зависимости от статуса говорящего, речь которого переводится. Переводчики переводят гораздо чаще нетипичные реплики, произнесённые подсудимым (40%), чем аналогичные реплики, произнесённые кем-либо из юристов (18%). Собственные реплики переводчики передают на другой язык крайне редко, лишь 6% от

¹¹ Критические значения [см., напр.: Nummenmaa, 2004, p. 385].

¹² Следует отметить, что были обнаружены некоторые различия между отдельными переводчиками в части пропуска ими функционально нетипичных реплик. Однако в настоящей статье нецелесообразно рассматривать данный вопрос более подробно.

Таблица сопряжённости функционально-прагматической особенности переводимых реллик с их переводом/пропуском в переводе отдельных переводчиков

Переводчик		И1		И2		И3		И4		И5		И6	
		Реплика переведена	Реплика не переведена	Реплика переведена	Реплика не переведена	Реплика переведена	Реплика не переведена	Реплика переведена	Реплика не переведена	Реплика переведена	Реплика не переведена	Реплика переведена	Реплика не переведена
QUESTION or ANSWER	%	99	1	98	2	95	5	94	6	97	3	99	1
	кпл	173	2	214	5	319	16	236	14	98	3	135	1
DIVERGENT FUNCTION	%	36	64	26	74	22	78	19	81	18	82	48	52
	кпл	12	21	9	25	21	73	31	133	3	14	12	13
Хи-квадрат		$\chi^2 = 110,2$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$		$\chi^2 = 142,9$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$		$\chi^2 = 237,1$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$		$\chi^2 = 246,5$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$		$\chi^2 = 74,3$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$		$\chi^2 = 69,9$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$	
коэффициенты сопряжённости С и ц		$C = 0,589, p < 0,01$ и $\phi = 0,728, p < 0,001$.		$C = 0,601, p < 0,001$ и $\phi = 0,752, p < 0,001$.		$C = 0,597, p < 0,01$ и $\phi = 0,743, p < 0,001$.		$C = 0,611, p < 0,001$ и $\phi = 0,772, p < 0,001$.		$C = 0,622, p < 0,001$ ja $\phi = 0,794, p < 0,001$.		$C = 0,550, p < 0,01$ и $\phi = 0,659, p < 0,001$.	

общего количества. Вопрос о том, по каким причинам переводчик более бережно относится к переводу именно реплик подсудимого, безусловно, интересен, однако мы не сможем его рассмотреть в рамках настоящей статьи. Можно лишь предположить, что переводчик находит более важным передать суду и всем лицам, говорящим на языке судебного производства, то, что было сказано подсудимым, чем проинформировать подсудимого о сказанном юристами.

Показателей статистической взаимосвязи в данном тесте получено не было по причине того, что значение в одной из ячеек таблицы было <5 . Исходя из полученных данных можно утверждать, что социальный статус говорящего некоторым образом влияет на то, переводятся или же опускаются при переводе функционально нетипичные реплики. Однако статус говорящего не обуславливает взаимозависимость функционально-прагматического типа реплики и ее перевода/пропуска.

Было проверено, изменяется ли корреляция между функционально-прагматической особенностью переводимых реплик и пропуском целой реплики под воздействием такого фактора, как направление перевода, т.е. на родной (А-язык) или на иностранный (Б-язык). Тестирующая переменная *Направление перевода* получила три значения: с иностранного на родной $B \rightarrow A$, с родного на иностранный $A \rightarrow B$ и $A = B$. Последняя категория была введена, исходя из того, что переводчики I1 и I2 владели на одинаковом уровне обоими языками перевода, и определение для них родного или неродного языка было затруднено.

В табл. 5 представлены результаты теста. **Сила тестируемой взаимозависимости осталась неизменной под воздействием такого фактора, как направление перевода.** Значение χ^2 (251,7—293,9) при степенях свободы 1 и уровне значимости $p < 0,001$ и показателями интенсивности взаимосвязи $C = 0,577—0,638$, $p < 0,001$ и $\phi = 0,706—0,828$, $p < 0,001$,

В заключение было проверено, обуславливается ли тестируемая корреляция ситуативными обстоятельствами. Исследовательский материал был собран на четырёх судебных заседаниях — в двух делах о незаконном обороте наркотических средств, о контрабанде и в деле о нанесении телесных повреждений. В таблице сопряжённости обращает на себя внимание соотношение переведённых (48%) и непереведённых (52%) нетипичных реплик в деле о незаконном обороте наркотиков 2 (последние два столбца). В этом судебном заседании работал один переводчик (I6), и можно предположить, что более бережное отношение к переводу нетипичных для допроса реплик является стратегическим решением данного переводчика или же вытекает из особенностей именно данного судебного заседания. В любом случае знаменательно то, что в данном

Таблица 4

Таблица сопряжённости функционально-прагматической особенности переводимых реплик с их переводом/пропуском при переводе говорящих разного ситуативного статуса

Статус участников	Юристы		Подсудимые		Переводчики	
	Реплика переведена	Реплика не переведена	Реплика переведена	Реплика не переведена	Реплика переведена	Реплика не переведена
QUESTION / ANSWER (%/шт.)	97% 405	3% 14	97% 768	3% 25	—	—
DIVERGENT FUNCTION (%/шт.)	18% 24	82% 111	40% 61	59% 91	6% 5	94% 79
Chi-квadrat, коэффициенты сопряжённости C и φ	Показателй статистической взаимосвязи не получено по причине того, что значение в одной из ячеек таблицы было <5.					

Таблица 5

Таблица сопряжённости функционально-прагматической особенности переводимых реплик с их переводом/пропуском в переводе разного направления

Направление перевода	Б → А-		А → Б		А = Б	
	Реплика переведена	Реплика не переведена	Реплика переведена	Реплика не переведена	Реплика переведена	Реплика не переведена
QUESTION / ANSWER (%/крп)	95% 410	5% 21	97% 378	3% 13	98% 387	2% 7
DIVERGENT FUNCTION	28% 45	72% 114	16% 22	84% 119	31% 21	69% 46
Хи-квадрат	$\chi^2 = 293,9$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$		$\chi^2 = 365,1$ число степеней свободы e=1; $p < 0,001$		$\chi^2 = 251,7$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$	
коэффициенты сопряженности C и ф	$C = 0,577, p < 0,001$ и $\phi = 0,706, p < 0,001$		$C = 0,638, p < 0,001$ и $\phi = 0,828, p < 0,001$		$C = 0,594, p < 0,001$ и $\phi = 0,739, p < 0,001$	

судебном разбирательстве значительно меньше нетипичных реплик (25 шт.), чем во всех остальных разбирательствах (67, 94 и 181 шт.).

В целом, по результатам теста, приведённым в табл. 6, взаимозависимость между пропуском/переводом реплики и ее функционально-прагматической особенностью сохраняется по всем коммуникативным ситуациям. Показатели χ^2 имеют значения $\chi^2 = 69,9—251,7$, при степенях свободы 1 значительно превышающие критическое 10,8274 для степени свободы 1¹³, а также показатели интенсивности взаимосвязи ($C = 0,550—0,617$, $p < 0,001$ и $\phi = 0,659—0,784$, $p = p < 0,001$) указывают на наличие сильной взаимосвязи по всем коммуникативным ситуациям.

Таким образом, статистический анализ показал, что между пропуском целой реплики и функционально-прагматической особенностью переводимых реплик была обнаружена сильная взаимозависимость. Данная взаимосвязь сохраняется под воздействием иных переменных. Совершенно очевидно, что реплика и её функционально-прагматическая особенность являются факторами, предшествующими решению переводчика о переводе или пропуске этой реплики. Таким образом, налицо все признаки каузальной зависимости, и можно с уверенностью утверждать, что функционально-прагматическая особенность реплики влечёт за собой пропуск целой реплики при переводе.

Выводы и дискуссия

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что при переводе допроса скопос перевода строится по принципу передачи информации, и переводчик принимает решения о переводе или пропуске какого-либо элемента¹⁴ исходного сообщения, основываясь на его информационной значимости. Функционально-прагматически «нетипичные» реплики оцениваются переводчиками как второстепенные, не содержащие фактической пропозициональной информации. Такие второстепенные элементы исходного сообщения систематически опускаются переводчиками уже исходя из принципа языковой экономии. Данная переводческая стратегия подкрепляется, вероятно, ещё и тем, что переводчики не осознают значимость таких «нестандартных» реплик и посему не видят необходимости в их переводе.

¹³ Критические значения [см., напр.: Nummenmaa, 2004, p. 385].

¹⁴ В исследовании было также обнаружено, что практически всегда опускаются внутрифразовые элементы, имеющие фатическую функцию или же возникающие как результат речевого формирования. Для таких элементов также характерно то, что они не несут в себе пропозициональную информацию [см.: Isoaho, 2014, p. 145—146, 170—172].

Таблица 6

Таблица сопряжённости функционально-прагматической особенности переводимых реплик с их переводом/пропуском в разных коммуникативных ситуациях

Коммуника-тивная ситуация	Незаконный оборот наркотиков 1		Контрабанда		Нанесение телесных повреждений		Незаконный оборот наркотиков 2	
	Реплика переведена	Реплика не переведена						
QUESTION / ANSWER (%/шт.)	98% 387	2% 7	95% 319	5% 16	95% 334	5% 17	99% 135	1% 1
DIVERGENT FUNCTION (%/шт.)	31% 21	69% 46	22% 21	78% 73	18% 34	81% 147	48% 12	52% 13
Chi-квадрат	$\chi^2 = 251,7$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$		$\chi^2 = 237,1$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$		$\chi^2 = 326,6$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$		$\chi^2 = 69,9$ число степеней свободы = 1; $p < 0,001$	
Коэффициенты сопряжённости C и ϕ	C = 0,594, $p < 0,001$ и $\phi = 0,739$, $p < 0,001$		C = 0,597, $p < 0,001$ и $\phi = 0,743$, $p < 0,001$		C = 0,617, $p < 0,001$ и $\phi = 0,784$, $p < 0,001$		C = 0,550, $p < 0,001$ и $\phi = 0,659$, $p < 0,001$	

Задача судебного переводчика состоит в том, чтобы обеспечить лицу, не владеющему языком судебного производства, языковое равноправие в суде. Ко всему, сказанному в зале суда, иноязычный участник процесса должен иметь такой же доступ, как и лицо, понимающее язык судопроизводства в полном объёме. Иноязычный участник имеет также право на то, чтобы всё, сказанное им в зале суда, было доступно на языке судопроизводства в том же объёме, что и сказанное лицом, владеющим языком суда. Пропуски в переводе нарушают принцип языкового равноправия и могут иметь последствия как в пользу иноязычного участника, так и ему во вред.

1) Лицо, не владеющее языком судопроизводства, не может комментировать, опровергать или подтверждать опущенную при переводе часть исходного сообщения, что может иметь для него негативные или позитивные последствия.

2) Соответственно, если суд, допрашивающие или иные участники процесса не получают какую-то часть сообщения иноязычного участника процесса, они не могут использовать эту информацию в пользу этого лица или ему во вред.

3) Пропуск перевода процессуальных реплик лишает иностранного участника возможности полностью понимать, что происходит в зале суда, кому предоставлено слово, для чего и на каком основании.

4) Пропуски реплик создают для допрашивающего и председательствующего судьи бесконтрольную ситуацию. Допрос выходит из-под их контроля, например, при минидialoge переводчика и подсудимого или же при диалогe на иностранном языке между двумя подсудимыми. Информацию о содержании и причине таких разговоров судьи, прокуроры, адвокаты могут получить только через переводчика.

5) Пропуск при переводе создаёт также почву для возникновения ложной информации, если переводчик отвечает на вопрос сам, на основании своих знаний, не переадресовывая вопрос.

6) Коммуникативная ситуация может быть затруднена в результате пропуска перевода уточняющего вопроса.

Приложение

Обозначения, используемые при транслитерации

- . снижающаяся, завершающая интонация
- , ровная интонация
- ? повышающаяся интонация
- juu логическое ударение или повышение тона в ином месте, чем в конце слова
- [начало наложения речи двух собеседников

-] окончание наложения речи двух собеседников
 (.) микропауза 0,2 секунды или менее
 (0.5) пауза длиннее микропаузы; длина замерена в десятых долях секунды
 = две реплики произнесены без паузы между ними
 >joo< произнесено быстрее обычного темпа речи говорящего
 <joo> произнесено медленнее обычного темпа речи говорящего
 e::I (двоеточие) растянутый звук (одно двоеточие 0.2 секунды)
 °joo° произнесено тише обычной громкости речи говорящего
 JOO произнесено громче обычной громкости речи говорящего
 jo- (тире) слово прервано

Список литературы

- Исолохти Н.Б.* Точность перевода в суде по уголовным делам — недостижимый идеал? // Культура и деловой иностранный язык 2014. Сб. ст. по материалам III междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 13—14 марта 2014 г. / Мин-во культуры РФ. С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. Каф. иностр. яз. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2014. 225 с.
- Berk-Seligson, S.* The Bilingual Courtroom. Court Interpreters in the Judicial Process. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990. 323 p.
- González, R.D.* Fundamentals of Court Interpretation. Theory, Policy, and Practice / Roseann Dueñas González, Victoria F. Vásquez, Holly Mikkelson. Durham. North Carolina: Carolina Academic, 1991. 645 p.
- Haapasalo, J.* Todistajanpsykologia. Todistajanpsykologia ja todistajankuulustelu / Jaana Haapasalo, Kari Kiesiläinen, Johanna Niemi-Kiesiläinen. Helsinki: KAUPPAKAARI Lakimiesliiton Kustannus, 2000. P. 11—144.
- Isolahti, N.* Tulkkauksen tarkkuus rikosoikeudenkäynnissä — saavuttamaton ihanne: диссертация на соискание звания доктора философии: 08.02.14 / Nina Isolahti. Tampere: Tampere University Press, 2014. 244 p.
- Jokivuori, P.* Määrällisiä tarinoita. Monimuuttujamenetelmien käyttö ja tulkinta / Pertti Jokivuori, Risto Hietala. Helsinki: WSOY Oppimateriaalit Oy, 2007. 214 p.
- Metsämuuronen, J.* Tilastollisen kuvauksen perusteet. Helsinki: Methelp, 2000. 80 p.
- Mikkelson, Holly.* Introduction to Court Interpreting. Manchester, UK/Northampton, MA: St. Jerome Publishing, 2000. 158 p.
- Nummenmaa, L.* Käyttätymistieteiden tilastolliset menetelmät. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Tammi, 2004. 468 p.
- Setton, R.* Syntacrobatics: Quality and reformulation in simultaneous-with-text // Interpreting: International Journal of Research & Practice in Interpreting 9:2, 2007. P. 199—230.
- Tommola, J.* Tulkkaus tutkimuskohteena // Jorma Tommola & Yves Gambier (ed.) Kääntäminen ja tulkkaus — koulutusta ja tutkimusta. Turku: University of Turku, Centre for Translation and Interpreting, 2006. P. 173—193.
- Wadensjö, C.* Interpreting as interaction. London: Longman, 1998. 312 p.

Е.М. Какзанова,

доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов; e-mail: kakzanova@post.ru

СОКРАЩЕНИЯ В МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются особенности перевода сокращений в медицинских текстах. Аббревиация — наиболее характерный вид словообразования в медицинских текстах, причём как на иностранных языках, так и на русском языке. Трудности при переводе вызывают не стандартные сокращения, а так называемые контекстуальные, или окказиональные, сокращения, не являющиеся широко распространёнными и возникающие в рабочем порядке с целью сокращения длинных наименований. Каждый врач сокращает те или иные медицинские понятия по своему усмотрению. В статье затрагиваются вопросы омонимии медицинских сокращений и делается вывод о её нежелательном появлении в медицинском документе. Рассматриваются способы передачи иностранных сокращений на русский язык. Дается классификация видов сокращений, встречающихся в медицинских документах. В статье на конкретных примерах доказывается, что подязык медицины нельзя рассматривать как застывшую систему. Делается вывод о том, что встречающиеся в каждом медицинском документе сокращения вызваны прежде всего интралингвистическими факторами.

Ключевые слова: перевод, сокращения, медицинский текст, способы перевода, особенности перевода, виды сокращений, омонимия сокращений.

Yevgeniya M. Kakzanova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia; e-mail: kakzanova@post.ru

Translating Abbreviations in Medical Texts

The article deals with the issue of translating medical abbreviations. Abbreviation is the most common method of word formation in Russian and foreign languages alike. Standard abbreviations are normally easy to translate unlike the so called contextual (occasional) abbreviations that are not wide spread and are created ad hoc. Doctors abbreviate medical terms at their own convenience. The author analyzes the homonymy of medical abbreviations and comes to a conclusion that this kind homonymy is unadvisable in medical documents. Various ways of translating foreign abbreviations into Russian are analyzed. A classification of abbreviations found in medical texts is proposed. The author also provides specific examples that show that the sublanguage of medicine is not a system etched in stone. A conclusion is drawn that abbreviations found in every medical texts are caused, for the most part, by intralinguistic factors.

Key words: translation, abbreviations, medical text, translation methods, homonymy.

Исторически сложилось, что основой языка медицины является латынь. Она долгое время была языком науки и общения во многих учебных заведениях средневековой Европы, и поэтому во многих европейских языках обозначения медицинских понятий основаны

на латыни. Дж. Бернал [Бернал, 1956, с. 23] отмечает, что греческие медики испытывали большие неудобства из-за отсутствия медицинской терминологии в греческом языке. Они должны были выражаться описательным образом — например, говорить о подчелюстной железе как о «желудевидных опухолях под челюстью». В наши дни медицинская лексика пользуется терминами, созданными на основе латино-греческих элементов. Например, в справке от офтальмолога можно найти сокращения *OD*, *OS*, которые расшифровываются на латыни как *oculus dexter* (*правый глаз*) и *oculus sinister* (*левый глаз*), что может вызвать затруднения у неопытного переводчика.

В наше время медицинский текст часто становится предметом исследования, причём не только лингвистов, но и учёных-медиков (например, Н.И. Кулиш¹, С.Д. Носов²), а также биологов (например, М.Ш. Вайнберг³) [Какзанова, 2011, с. 138]. С точки зрения содержательной в медицинских текстах рассматривается в первую очередь терминология, причём часто такой её аспект, как словообразование.

Среди всех видов словообразования для медицинского текста наиболее характерным является образование сложносокращённых слов, или аббревиация. Аббревиация — это особый способ компрессивного словообразования, включающий в себя различные способы сокращения или формального сжатия таких исходных номинативных единиц, как слово и словосочетание [Макарова, 2010, с. 331]. Аббревиация стала массовым явлением в языке в XX в. и продолжает развиваться в XXI в. Она появляется практически в каждом медицинском тексте, будь то научная статья в медицинском журнале или эпикриз, выписка из истории болезни, медицинское заключение, протокол о проведении операции или протокол вскрытия.

Ссылаясь на В.А. Татарина, Т.С. Пристайко и другие считают, что рост аббревиатурных аналогов, всегда лингвистически мотивированных, выводимых из полных вариантов терминов и представляющих вариативность в чистом виде, обусловлен спецификой человеческого мышления, способностью человека к категоризации. Одним из способов категоризации специальных понятий и высту-

¹ Кулиш Н.И. Методические рекомендации по унификации терминологии в реконструктивной хирургии желчных протоков // Реконструктивная хирургия желчных путей. Тезисы докладов к Пленуму Правления Всероссийского научного медицинского общества хирургов. Киров, 1981. С. 56—58.

² Носов С.Д. О рационализации медицинской клинической терминологии // Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 32—35.

³ Вайнберг М.Ш. О терминологии лучевой терапии // Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 56—60.

пает аббревиация, являющаяся следствием мыслительной способности человека рефлексировать сокращённые (аббревиатурные) структуры языка и оперировать ими как единицами лингвокреативного уровня [Пристайко и др., 2011, с. 68].

Последние 15 лет наши соотечественники активно ездят лечиться и обследоваться в немецкоговорящие страны, прежде всего в Германию, а также в Австрию и Швейцарию. Поэтому перевод медицинских документов с немецкого языка на русский является в настоящее время очень актуальным.

В медицинских документах наряду с устойчивыми или стандартными сокращениями появляются аббревиатуры, не являющиеся широко распространёнными и возникающие в рабочем порядке с целью сокращения длинных наименований. Это так называемые контекстуальные, или окказиональные, сокращения. Именно тот факт, что аббревиатуры не являются традиционно употребляемыми, и вызывает трудности при переводе медицинских документов. Существующие словари сокращений, например «Словарь сокращений русского языка»⁴ (1995) или “Großes Abkürzungsbuch” Х. Коблишке⁵ (1980) не включают в свой состав медицинские сокращения. Терминологические медицинские словари, например «Немецко-русский медицинский словарь»⁶ выносят сокращения в приложение, крайне ограниченное по объёму. Включённые в это приложение сокращения давно известны переводчикам, работающим с медицинскими текстами, и практически не встречаются в современных медицинских документах. Появление сокращений в том или ином медицинском документе нельзя прогнозировать или запрограммировать, потому что чаще всего медицинские сокращения являются окказиональными, авторскими, принадлежащими тому или иному автору медицинского документа, врачу, который по своему усмотрению сокращает те или иные медицинские понятия. Правда, необходимо отметить, что и стандартные аббревиатуры создают трудности при переводе.

В научном медицинском тексте на французском языке «Связь между цитопатологией и эндоскопией: примеры пункции биопсии тонкими иглами с помощью эхо-эндоскопии при патологии желчного пузыря и панкреатите»⁷ встречается буквенное сокращение,

⁴ Новый словарь сокращений русского языка / Под общ. ред. Е.Г. Коваленко. М.: Изд-во ЭТС, 1995. 668 с.

⁵ *Koblichke, H.* Großes Abkürzungsbuch. Abkürzungen, Kurzwörter, Zeichen, Symbole. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983.

⁶ Немецко-русский медицинский словарь. М.: РУССО, 1995. 816 с.

⁷ *Deprez, P.H., Weynand, B.* Collaboration entre cytopathologiste et endoscopiste: l'exemple de la ponction biopsie à l'aiguille fine sous echo-endoscopie dans la pathologie biliaire et pancréatique // *Acta Endoscopica*. Vol. 36, N 3. 2006. P. 257—267.

или акроним ЕЕ — echo-endoscopie. Учитывая тот факт, что термин «эхо-эндоскопия» имеет греческие корни (ēchō, endo и scopeo), можно предположить, что он вошёл в другие индоевропейские языки и, очевидно, будет сокращаться так же. Конечно, термин «эхо-эндоскопия» есть и в русском, и в английском (echo-endoscopy), и в немецком (Echo-Endoskopie) языках. Но с сокращениями дело обстоит иначе. В электронном англо-русском словаре медицинских аббревиатур⁸ сокращения ЕЕ нет вообще. В карманном словаре медицинских сокращений на немецком языке⁹ сокращение ЕЕ есть, но значения «эхо-эндоскопия» у него нет. У немецкого сокращения ЕЕ есть семь значений: 1) захват электронов; 2) эмбриональный экстракт; 3) эритроцит-реципиент; 4) эндогенная экзема; 5) ферментная единица; 6) эквинусный энцефалит; 7) экссудативная энтеропатия. О наличии омонимии среди аббревиатур писала в своё время С.Е. Никитина [Никитина, 1987, с. 87], предлагая, по возможности, её избегать и даже переименовывать для этого название понятия. Точность и однозначность аббревиатуры, как и терминологии вообще, необходима в любой области науки, но в медицине данная проблема представляется исключительно важной. Омонимия среди медицинских аббревиатур сильно затрудняет перевод, так как значения одной аббревиатуры относятся к разным разделам медицинской науки, в тонкостях которых переводчик без специального медицинского образования может не ориентироваться. Так, значения немецкого сокращения ЕЕ относятся к лучевой диагностике и лучевой терапии (*захват электронов*) — (здесь и далее курсив мой. — Е.К.), к мезотерапии (*эмбриональный экстракт*), к клинической лабораторной диагностике (*эритроцит-реципиент*), к дерматологии (*эндогенная экзема*), к диетологии (*ферментная единица*), к инфекционным болезням (*эквинусный энцефалит*), к гастроэнтерологии (*экссудативная энтеропатия*). Кому-то может показаться, что отнесение омонимических значений аббревиатур к разным разделам медицины облегчает их расшифровку. Практикующий переводчик, наоборот, понимает трудность перевода многозначной (или омонимичной) аббревиатуры, ведь в одном медицинском документе наряду с основным диагнозом описываются ещё и сопутствующие, а проводимые обследования охватывают, как правило, различные органы человека.

При переводе медицинских документов с немецкого языка на русский, пожалуй, нет вопросов, только к акронимам (буквенным сокращениям) СТ (*Computertomographie/компьютерная томогра-*

⁸ Осадчий К., Удовиченко О. Англо-русский словарь медицинских аббревиатур [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://perfekt.ru/dict/med-abb.html#E>

⁹ Dräger, H. Medizinische Abkürzungen. Stuttgart; New York: Georg Thieme Verlag, 2006. 192 s.

фия), MRT (*Magnet-Resonanz-Tomographie/магнитно-резонансная томография*), EKG (*Elektrokardiogramm/электрокардиограмма*) и EEG (*Elektroenzephalogramm/электроэнцефалограмма*). Остальные аббревиатуры требуют специальных знаний или специальной расшифровки.

Подводные камни в виде неизвестных аббревиатур могут встречаться не только в описании лечения, анамнезе или проведённых процедурах, но и в официальных данных лечебного учреждения. Так, Евангелическая больница Кёльна указывает в официальном бланке, что её главврач является терапевтом, гастроэнтерологом, диабетологом и DDG. DDG может расшифровываться как “*dienstältester deutscher General bei der NATO*” (*старший по должности генерал бундесвера при НАТО*), но переводчик интуитивно должен исключить эту должность для главврача больницы. Остальные значения аббревиатуры касаются не должности, а структурной единицы — *Deutsche Dendrologische Gesellschaft* (*Германское дендрологическое общество*), *Deutsche Dialyse-Gesellschaft* (*Германское диализное общество*), *Deutsche Diabetes-Gesellschaft* (*Немецкое диабетологическое общество*), *Deutsche Dystonie-Gesellschaft* (*Немецкое общество дистонии*). Теоретически главврач больницы может быть членом трёх последних обществ, потому что все они имеют отношение к медицине.

Известное сокращение MRT в медицинском заключении из Евангелической больницы Кёльна было представлено как cMRT. В упомянутом карманном словаре медицинских сокращений на немецком языке такое сокращение отсутствует. Мы выяснили, что речь идет о *craniale MRT* — МРТ головного мозга.

Известное сокращение CT было представлено как CCT, которое имеет пять разных значений. Учитывая, что речь идёт о форме обследования, мы исключили значения *cathodal closing tetanus* (*катодно-замыкательное сокращение мускулатуры*) — (здесь и далее перевод мой. — Е.К.), *chocolate coated tablet* (*таблетка, покрытая шоколадной оболочкой*), *coated compressed tablet* (*покрытая оболочкой прессованная таблетка*) и *congenitally corrected transposition of the great arteries* (*врождённо скорректированная транспозиция глубоких артерий*) и остановились на значении “*kranielle Computertomographie*” (*компьютерная томография головы*).

Довольно известное опытным переводчикам медицинской литературы сокращение DD (*Differentialdiagnose*) (*дифференциальный диагноз*) имеет ещё девять значений: *Dampfdichte* (*плотность пара*), *day of delivery* (*день родоразрешения*), *Diastolendauer* (*продолжительность диастолы*), *diastolischer Durchmesser* (*диастолический диаметр*), *diastolischer Druck* (*диастолическое давление*), *disc diameter* (*диаметр шлифовального зубного диска*), *Doppeldiffusion* (*двойная диффузия*),

dry dressing (*сухая повязка*), Duodenaldivertikel (*дивертикул двенадцатиперстной кишки*). Сложность при выборе правильного значения создаёт также тот факт, что в медицинском документе, как правило, отсутствуют знаки препинания и артикли, которые в немецком тексте указывают на связь слов друг с другом и на падежи.

В медицинском заключении о гастроскопии, адресованном профессору Клиники гастроэнтерологии, гепатологии и инфекциологии в Дюссельдорфе, после фамилии адресата написано фонетическое сокращение APID. Ни один из перечисленных словарей указанное сокращение не содержит. Только в электронном словаре акронимов¹⁰ мы нашли такие расшифровки: *Association of Professional Interior Designers, Advanced Placement International Diploma, Application Process Identifier, Application Identification, Application Program Interface Division/Definition, Anchor Point Identifier, Air Photographic Interpretation Detachment, Agile Protein Interaction DataAnalyzer*. Со стопроцентной уверенностью выбрать какой-либо вариант мы в данной ситуации не смогли. Пришлось в переводе оставить оригинальное сокращение, что, учитывая вышеназванные трудности при переводе аббревиатур, конечно, допустимо, хотя и нежелательно. Следует помнить о том, что самые строгие требования предъявляются к переводным документам, предназначенным не для врачей, а для пациентов: в них не должно быть ничего непонятного для пациента, в том числе по возможности не должно быть латинских сокращений. Тем не менее заимствование иностранного сокращения (с сохранением латинского написания) является одним из способов передачи аббревиатур на русский язык. Другими способами передачи иностранных сокращений на русский язык являются:

— передача буквенного состава иностранного сокращения русскими буквами (транслитерация), например MRT — МРТ

— передача аббревиатуры полнословным термином при отсутствии сокращения-эквивалента, например, *FISH (Fluoreszenz-in-situ-Hybridisierung)* переводится как «*флуоресцентная гибридизация in situ*» (цитогенетический метод для определения положения специфической последовательности ДНК на метафазных хромосомах *in situ*). Справедливости ради следует сказать, что допустим перевод «*метод FISH*», т.е. заимствование иностранного сокращения с сохранением латинского написания;

— передача иностранного сокращения эквивалентным русским сокращением, например вошедшее в немецкий язык английское сокращение *HIV (human immunodeficiency virus)* передается русской аббревиатурой *ВИЧ (вирус иммунодефицита человека)*.

Иногда переводчик должен до такой степени вникать в суть медицинского документа, что ему приходится самостоятельно давать

¹⁰ <http://acronyms.thefreedictionary.com/APID>

варианты авторских сокращений, исходя из контекста. Так, при переводе заключения об илеоскопии (исследовании тонкой кишки для выявления её патологии) и проктоскопии нам встретилось сокращение SH. Словарь медицинских сокращений дает девять значений этого сокращения: 1) Schenkelhals (*шейка бедра*); 2) Schwerhörigkeit (*тугоухость*); 3) Serumhepatitis (*сывороточный гепатит*); 4) social history (*социальная история*); 5) somatotropes Hormon (*соматотропный гормон*); 6) Standard-Heparin (*стандартный/нефракционированный гепарин*); 7) Staupe-Hepatitis (*вирусный гепатит*); 8) Sulphydryl-(Gruppe) (*сульфгидрильная группа*); 9) Sylfonylharnstoff (*сульфонильная мочеви́на*). Ни одно из этих значений явно не подходило по смыслу. С помощью интуиции и логики нам пришлось догадаться, что имеется в виду *Schleimhaut* (*слизистая оболочка*), хотя раньше такое сокращение не встречалось.

Как видим, мозг переводчика может работать в различных режимах: от максимально экономичного до максимально напряжённого в экстремальных для переводчика ситуациях. В первом случае перевод сводится к последовательности формально-логических операций, во втором названные операции сопровождаются интуитивно-эвристическими действиями с непредсказуемыми озарениями [Миронова, 2013, с. 79].

Помимо акронимов и фонетических сокращений в медицинских документах встречаются графические и слоговые сокращения.

Типичным примером слогового сокращения является аббревиатура *Ca*, например *Mamma-Ca*: *карцинома молочной железы*. У опытных переводчиков слоговые сокращения, как правило, трудностей не вызывают.

Примерами графических сокращений в немецких медицинских текстах являются традиционные, стандартные: *Z.n.* (*Zustand nach / состояние после*), *i.v.* (*intravenös/внутривенно*), *i.m.* (*intramusculär/внутримышечно*), *Unters.* (*Untersuchung/обследование*), а также авторские, окказиональные сокращения, например *Pfl.* Судя по всему, речь идёт о сокращённом варианте существительного *Pflegekräfte*: *младший и средний медперсонал*.

Встречается смешанный тип сокращений, например *U-Modus*. В словарях расшифровка отсутствует. Кто-то на форуме переводчиков считает, что это *ультразвуковой режим (Ultraschallmodus)*. Мы полагаем, что это *режим обследования (Untersuchungsmodus)*.

Л.Ю. Зубова отмечает как довольно сложный для перевода класс усечённых сокращений, образованных на основе английских словосочетаний. Это может быть как усечение каждого компонента: *bat fat* (← *battle fatigue*) «невроз военного времени»; *pharm chem* (← *pharmaceutical chemistry*) «фармакологическая химия»; *dent chem* (← *dental chemistry*) «стоматологическая химия», так и усечение

одного из компонентов с полным опущением второго: *hype* (← *hypo-dermic syringe*) «шприц для подкожных инъекций»; *duo* (← *duodenal ulcer*) «язва двенадцатиперстной кишки». Этот случай представляет большие трудности для переводчика, так как опущена значительная доля информации и остаётся лишь намёк на термин, тот семантический сгусток, который рефлекторно вызовет в памяти реципиента соответствующий термин [Зубова].

Как видим, подъязык медицины ни в коем случае нельзя рассматривать как застывшую систему. Медицинская наука — это фрагмент концептосферы, где активно проявляется когнитивная компрессия. Важнейшим средством компрессии является аббревиатура как особый когнитивный комплекс, незаменимое средство передачи и хранения информации [Зубова, 2009]. Обращающие на себя внимание сокращения, встречающиеся в каждом медицинском документе, вызваны в первую очередь интралингвистическими факторами, т.е. стремлением к сокращению практически любого термина.

Наука о переводе в XXI в. вступает в креативную полосу своего инновационного развития. И оттого, насколько успешно новое поколение переводоведов и практиков перевода сумеет освоить и обогатить современные транслатологические парадигмы и внедрить их в реальный переводческий процесс, будет зависеть качественный прорыв в теории и практике перевода [Мишкуров, 2013, с. 24].

Список литературы

- Бернал Дж.* Наука в истории общества. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956. 736 с.
- Зубова Л.Ю.* Английские медицинские аббревиатуры как часть профессиональной языковой картины мира: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Электронный ресурс] / Воронежский государственный педагогический университет, 2009. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/angliyskie-meditsinskie-abbreviatury-kak-chast-professionalnoy-yazykovoy-kartiny-mira>
- Зубова Л.Ю.* К вопросу об особенностях и трудностях перевода английских медицинских сокращений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stud-baza.ru/k-voprosu-ob-osobennostyah-i-trudnostyah-perevoda-angliyskih-meditsinskih-sokrascheniy-statya-yazykoznanie-filologiya>
- Каканова Е.М.* Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов): Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.21. М., 2011. 350 с.
- Макарова А.С.* О причинах возникновения и широкого распространения аббревиатур (на материале французского языка) // Язык и культура. К юбилею профессора Эммы Фёдоровны Володарской / Под ред. чл.-корр. РАН Ю.Л. Воротникова. М.: Изд-во Института иностранных языков, 2010. С. 331—333.

- Миронова Н.Н.* Когнитивные аспекты перевода художественной литературы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. № 3. 2013. С. 77—83.
- Мишкуров Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть III) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. № 3. 2013. С. 3—29.
- Никитина С.Е.* Семантический анализ языка науки. М.: Наука, 1987. 143 с.
- Пристайко Т.С.* Очерки по русской терминологии экономики и права / Т.С. Пристайко, Е.А. Конопелькина, Э.В. Неженец. Днепропетровск: Нова ідеологія, 2011. 303 с.

Н.М. Нестерова,

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета; e-mail: nest-nat@yandex.ru

Ю.К. Папулова,

аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета, переводчик ООО «Институт инновационных технологий»; e-mail: juliapopova12@yandex.ru

“THE LAMBS OF LONDON” И/ИЛИ «ЛОНДОНСКИЕ СОЧИНТЕЛИ»: О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЗАГЛАВИЯ

Данная статья посвящена проблеме перевода заглавий художественных текстов, которая рассматривается нами в рамках теории интертекстуальности. Трудности, возникающие при переводе заглавий, обусловлены, с одной стороны, особой ролью заглавия в тексте и вытекающими из этого свойствами заглавия, с другой стороны, разницей интертекстуальных пространств. При переводе текст «переходит» из одного интертекстуального пространства в другое, что неизбежно ведёт к частичной потере смыслов и приращению новых. Изменение смысловой наполненности заглавия текста отражается на характере паратекстуальной связи между текстом и его заглавием. Смещение смыслов в заглавии под воздействием нового интертекстуального пространства демонстрируется на примере сравнения оригинальных заглавий произведений английской и русской литературы и их переводов.

Ключевые слова: заглавие, текст, перевод, интертекстуальное пространство, цитата, аллюзия, лакуна, омонимия, полисемия.

Natalya M. Nesterova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Russia; e-mail: nest-nat@yandex.ru

Yuliya K. Papulova,

Postgraduate student at the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Russia; Institute of Innovative Technologies, LLC; Translator; e-mail: juliapopova12@yandex.ru

“The Lambs of London” and/or «Лондонские сочинители»: Book Titles in Translation

This paper examines difficulties in translating book titles from the perspective of intertextuality. Translation problems stem from the role of a title, its characteristics and the difference between the intertextual spaces the author and the foreign reader belong to. Translation is the transfer of a text from one intertextual space to another. For this reason, it inevitably results in losing some intertextual references and gaining new ones. Any change in the meaning of a title affects the paratextual relationships between the body text and the title that represents what the text is about. The changes that occur in the process of transferring are demonstrated by comparing some English and Russian titles to their translations.

Key words: title, text, translation, intertextual space, citation, allusion, lexical gap, homonymy, multiple meaning.

...книга и есть *развернутое до конца заглавие*, заглавие же — стянутая до объёма двух-трех слов книга.

С.Д. Кржижановский

Проблема заглавия привлекала и привлекает интерес многих исследователей. Одним из первых к этой проблеме обратился С.Д. Кржижановский, чьи слова вынесены в эпиграф к статье. В своей книге «Поэтика заглавий», опубликованной в 1931 г., учёный писал: «...заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно... облегает текст и смысл, — вправе выдавать себя **за главное** книги...» [Кржижановский, 1931, с. 3]. Оно «отбирает из многого, в котором главное и не главное, сутевое и не сутевое даны вместе, лишь немногое, но необходимое». «Заглавием книга представлена и показана читателю в мале» [Кржижановский, 1931, с. 3].

Любой филологический анализ текста включает в себя обращение к заглавию, его функциям и признакам. Как отмечает Н.А. Николина, заглавие является первым знаком текста и его сильной позицией, поскольку, во-первых, заглавие в конденсированной форме репрезентирует содержание всего текста, «выражает его основную тему, определяет его важнейшую сюжетную линию или указывает на его главный конфликт». Оно «активизирует восприятие читателя и направляет его внимание к тому, что будет изложено далее». Во-вторых, заглавие содержит в себе программу литературного произведения, ключ к его пониманию, представляя авторскую интерпретацию текста. По мере развёртывания текста заглавие постепенно актуализирует заложенные в тексте смыслы и проясняет авторское видение изображаемого, расширяя объём своего значения, и по этой причине оно, как правило, многозначно. При этом, «чем более лаконично заглавие, тем более семантически ёмким оно является». «В значении заглавия всегда сочетаются конкретность и обобщённость (генерализация). Конкретность его основана на обязательной связи заглавия с определённой ситуацией, представленной в тексте, обобщающая сила заглавия — на постоянном обогащении его значениями всех элементов текста как единого целого. Заглавие, прикреплённое к конкретному герою или к конкретной ситуации, по мере развёртывания текста приобретает обобщающий характер и часто становится знаком типичного. Многие фамилии и имена в этом случае становятся поистине говорящими, например, такое заглавие, как “Обломов”. В-третьих, поскольку заглавие призвано вызвать у читателя интерес, оно зачастую представляет собой фигуру речи, включает звуковые повторы, новообразования, необычные грамматические формы, скрытые и явные цитаты, омонимы, антонимы, синонимы и пр. В-четвертых, заглавие может функционировать как в составе полного текста,

так и автономно — как его представитель и заместитель, однако даже в этом случае оно представляет собой часть основного текста» [Николина, 2003, с. 117—123]. На диалектическую связь текста и его заглавия указывает и Ю.М. Лотман: «С одной стороны, они (текст и заглавие) могут рассматриваться как два самостоятельных текста, расположенных на разных уровнях иерархии “текст — метатекст”, с другой стороны, они могут рассматриваться как два подтекста единого текста. Заглавие может относиться к обозначаемому им тексту по принципу метафоры и метонимии. Оно может быть реализовано с помощью слов первичного языка, переведённых в ранг метатекста, или с помощью слов метаязыка и проч. В результате между заглавием и обозначаемым им текстом возникают смысловые токи, порождающие новое сообщение» [Лотман, 2002, с. 89].

Таким образом, между текстом и заглавием формируется глубинная связь, когда текст и заглавие при разделении теряют всякий смысл. Это происходит потому, что доминирующее влияние заглавия переводит читательское восприятие на более глубокий уровень — символический. Происходит символическое, метаязыковое раскрытие заглавия в тексте. Текст выступает как развернутая заглавная метафора. Заглавие способно взаимодействовать не только с последующим текстом, но и с другими такими же текстами. Оно часто «отсылает к другим произведениям и устанавливает связи с ними». Так, многие заглавия являются цитатными («Как хороши, как свежи были розы» И.С. Тургенева, «Лето Господне» И.С. Шмелева, «Уже написан Вергер» В.П. Катаева и др.) или включают в свой состав имя персонажа другого произведения, тем самым открывая диалог с ним («Степной король Лир» И.С. Тургенева, «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова и др.) [Николина, 2003, с. 117—123].

В своих знаменитых «Заметках на полях “Имени розы”» У. Эко, анализируя роль заглавия текста в понимании его читателем, пишет: «Название, как и задумано, дезориентирует читателя. Он не может предпочесть какую-то одну интерпретацию. Даже если он доберётся до подразумеваемых номиналистских толкований последней фразы, он всё равно придёт к этому только в самом конце, успев сделать массу других предположений. <...> Название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их. Ничто так не радует сочинителя, как новые прочтения, о которых он не думал и которые возникают у читателя» [Эко, 2012, с. 3].

«Новые прочтения», о которых говорит Эко, возникают в том числе и по причине интертекстуальных связей как текста, так и самого названия. А для того чтобы «запутывать мысли», название художественного текста, как правило, обладает свойствами неоднозначности, метафоричности, выразительности, смысловой насыщенности и ёмкости. Этими его свойствами и обусловлены

«муки творчества», сопровождающие процесс создания заглавия автором и его перевод.

В работах современных исследователей заглавие часто рассматривается в рамках теории интертекстуальности (Н.А. Фатеева, И.В. Арнольд, Н.В. Петрова, В.Е. Чернявская, С.В. Ионова, И.С. Скоропанова). Одной из таких работ является диссертационное исследование Н.С. Олизько, посвящённое интертекстуальности как системообразующей категории постмодернистского дискурса. Рассматривая проблему выбора заглавия, исследователь подчёркивает, что «автор посредством целенаправленного отбора языковых единиц для заголовков намеренно воздействует на реципиента», «формируя и изменяя оценку текста до/после его активного прочтения» [Олизько, 2002, с. 139].

В рамках интертекстуальности сегодня рассматривается и перевод. Появилось уже немало исследований, посвящённых проблеме интертекста и перевода. В частности, наиболее известны работы отечественных исследователей Н.А. Кузьминой, И.С. Алексеевой, Г.В. Денисовой. Необходимо особо отметить вклад Г.В. Денисовой в разработку названной проблемы. Её книга «В мире интертекста: язык, память, перевод» представляет собой очень серьёзное исследование феномена интертекстуальности в самом широком контексте. Как видно из названия книги, перевод также включён в исследовательское поле автора, но данная проблема рассматривается с точки зрения транслируемости интертекстуальных признаков оригинала, его лингвокультурной адаптации к условиям принимающей среды. В связи с этим анализируются противоположные по своей направленности (автор — читатель, читатель — автор) методы перевода. Вопрос заключается в том, нужно ли адаптировать интертекстуальность оригинала, т.е. заменять определённые национальные и индивидуальные интертекстуальные знаки оригинала другими знаками, связывающими текст перевода с текстами принимающей культуры? Или, пользуясь «приёмом отчуждения» (так его называет автор), сохранить культурную дистанцию между автором и читателем [Денисова, 2003]? В таком же ракурсе проблему интертекста и перевода рассматривают И.С. Алексеева и Н.А. Кузьмина. Аналогично интертекстуальность в переводе рассматривается и британскими исследователями В. Natim и I. Mason.

Нам же представляется, что перевод можно рассматривать в более широком интертекстуальном контексте. В связи с этим была предложена интертекстуальная модель перевода, в основе которой лежат основные постулаты постмодернизма: «ничего не существует вне текста» (Ж. Деррида) и «нет текста, кроме интертекста» (Ш. Грифель), из чего следует, что «дом нашего бытия» — это многомерное интертекстовое пространство, в котором любой «новый» текст

возникает как отклик (реплика) на другой текст. Это значит, что любой текст обретает свою смысловую полноту не только благодаря своей референциальности, но и в силу своей взаимной соотносённости с другими текстами, находящимися в данном интертекстовом пространстве. Другое следствие названных постулатов — это погружённость автора в этот же всеобщий интертекст: автор всегда находится в окружении чужих текстов, которые он впитывает либо сознательно, либо бессознательно. Из этого же интертекста, т.е. памяти, и черпает автор составляющие своего текста. Поскольку мы говорим о межъязыковом (и межкультурном) переводе, то будем считать, что мы имеем два таких пространства (I1 и I2), соответствующих исходной и принимающей культурам. Текст оригинала T1 рождается в интертекстуальном пространстве I1 и, соответственно, является его элементом. Будучи вплетённым в интертекст I1, он неразрывно связан с его смысловым универсумом, с другими текстами данного пространства как со своими предтекстами. Пространство, в которое должен вписаться текст перевода. Таким образом, переводчик, транслируя текст T1, воплощённый в «плоть» текста T2, в пространство I2, связывает эти два пространства. При этом переводчик подвергается влиянию со стороны смысловых универсумов обоих пространств. Они могут быть различными по интенсивности, влияние одного может превосходить влияние другого, что также зависит от многих факторов, среди которых тип текста и выбранный переводчиком метод перевода, ну и, конечно, личность самого переводчика, его творческое “ego”. Соответственно, один и тот же исходный текст по-разному вписывается в новое интертекстуальное пространство, в этом случае можно говорить о манипулятивной функции переводчика [Нестерова, 2005]. В новом интертекстуальном пространстве текст вступает в диалог с текстами, принадлежащими этому пространству, что ведёт к определённой смысловому сдвигу, отражающемуся на характере паратекстуальной связи между текстом и его заглавием.

Связь текста оригинала с интертекстуальным пространством, в котором он рождается, и связь текста перевода с пространством, в которое он вписывается, проявляется в наличии в текстах различных маркеров, отсылающих к тому или иному пространству. Эти маркеры могут встретиться не только в содержательной части текста, но и в его заглавии. К ним можно отнести реалии («Снегурочка» А.Н. Островский, «Бабы» А.П. Чехов), аллюзии («Часы» М. Каннингем, в названии романа намек на роман В. Вульф «Миссис Дэллоуэй», который писательница хотела озаглавить «Часы»), цитаты («Война и мир» Л.Н. Толстой, в заглавии романа цитата из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина), полисемию («На дне» М. Горький), омонимию («Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя, в силу омони-

мичности слова “arms”, встречающегося в оригинальном заголовке “A Farewell to Arms”), и др.

От переводчика требуется передать встречающиеся в заглавии маркеры и сохранить тот эффект, который они оказывают на читателей оригинального текста, при этом он должен ориентироваться на читателей, принадлежащих иной культуре, обладающих иными фоновыми знаниями. Поэтому помимо внимательного, вдумчивого прочтения текста, способствующего правильной интерпретации его заглавия, важно также выяснить, что будет затруднять понимание названия произведения носителями иной культуры, иной интертекстуальной энциклопедии, иного языка.

Проблема перевода заглавий подробно рассматривается в диссертационной работе Т.Г. Никитченко «Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода)». По мнению исследовательницы, если проблема возникает из-за лакуарности заглавия, переводчик должен использовать такие приёмы, как аллитерация, объяснительный перевод, замена лакуарного термина родовым понятием, подстановка собственной национальной реалии вместо чужой и т.п. При переводе аллюзивных заглавий возможно сохранение аллюзивности либо её замена описательностью во избежание нежелательных ассоциаций, которые могут возникнуть у читателя, принадлежащего иной культуре, что в ряде случаев делает заглавие менее образным. Однако даже минимально образные заголовки могут вызвать сложности при их переводе, в частности, например, заголовки, построенные на явлениях полисемии или омонимии. В большинстве случаев переводчику приходится выбирать одно из возможных значений названия, поскольку омонимы, как правило, не совпадают в разных языках, а многозначные слова также часто имеют неодинаковый смысловой объём. Это, в частности, относится к уже упоминавшемуся заглавию романа Э. Хемингуэя “A Farewell to Arms”, в тексте которого реализуются «оба толкования заголовка: сначала главный герой покидает место военных действий (прощается с оружием), а в конце романа смерть забирает его возлюбленную, ради “объятий” которой он и расстался с оружием» [Никитченко, 2005, с. 10].

Примером аллюзивного заглавия является название поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души». При переводе на английский язык заглавие поэмы (“Dead Souls”) сохраняет лишь часть смысла, заложенного в нём изначально. По словам Г.Д. Ахметовой, «во всех европейских переводах утрачивается двуплановость заглавия: с одной стороны, это юридический термин, принятый во времена крепостного права в России для обозначения умерших крестьян, с другой стороны, сочетание этих двух слов относится к тем, кто в погоне

за наживой утратил человеческую душу. В дословном переводе сохраняется только иносказательное значение слова» [Никитченко, 2005, с. 43—46]. Б.Г. Гэрни озаглавил свой перевод поэмы «Мёртвые души» “Chichikov’s Journey, or Home Life in Old Russia” («Путешествие Чичикова, или старорусский быт», — буквально «домашняя жизнь в старой России»), что, с точки зрения известного переводчика В. Рогова, является более удачным решением, однако, по его мнению, оборот «в старой России» неудачен, поскольку Гоголь описывает Россию, ему современную, а слово “journeys” В. Рогов предлагает заменить словом “adventures”, что намекало бы на родство поэмы с плутовским романом [URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/4/rogov.html>].

Известным примером лакунарного заглавия является название комедии У. Шекспира “Twelfth Night, or What You Will” («Двенадцатая ночь»). В Англии «Двенадцатая ночь» — это праздник Крещения, которым во времена Шекспира заканчивались рождественские праздники, в связи с чем были попытки перевести название шекспировского текста как «Крещенский вечер», но новое название не привилось, видимо, отчасти потому, что публика уже привыкла к существующему заголовку «Двенадцатая ночь», отчасти и потому, что содержание пьесы не имеет никакого отношения к крещенским вечерам и связанным с ними ассоциациям, как, впрочем, и к «двенадцатой ночи».

Можно привести ещё множество примеров неоднозначных заглавий и их удачных и неудачных переводов. Например, на японский язык название повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» было переведено как «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка», а название романа Л.В. Толстого «Война и мир» как «Плач цветов и скорбящие ивы, последний прах кровавых битв в Северной Европе». Один из вариантов перевода заглавия романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» на английский язык — это “Diamonds to Sit On” («Бриллианты, чтобы на них сидеть»), а комедия А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» известна англоязычным читателям под названиями “Even a Wise Man Stumbles” («Даже мудрый человек ошибается»), “Even the Wise can Err” («Даже мудрый может ошибиться»), “Too Clever by Half or the Diary of a Scoundrel” («Больно умный или записки подлеца»).

Таким образом, отсутствие реалий в языке перевода или различное их восприятие носителями разных культур, различная фоновая информация, которой обладают автор текста и читатель перевода, а также разница языковых средств, которыми располагают автор и переводчик, часто вынуждают переводчика прибегать к различного рода трансформациям при переводе заглавий, что ведёт к частичной потере содержащегося в заглавии смысла и прираще-

нию нового, что неминуемо при «переносе» текста из одного интертекстуального пространства в другое.

К числу таких заглавий и их переводов, как нам кажется, относится и название одного из романов современного английского писателя-постмодерниста Питера Акройда “The Lambs of London” и его русскоязычный вариант «Лондонские сочинители».

Оригинальное название содержит фамилию английского писателя, поэта, литературоведа Чарльза Лэма и его сестры Мэри Лэм, авторов переведённых на многие европейские языки популярных рассказов для детей по сюжетам У. Шекспира. Это имя хорошо известно английским читателям. Однако главным героем произведения оказывается фальсификатор Уильям Айрленд, умело подделавший якобы обнаруженные им рукописи У. Шекспира. Брат и сестра Лэмы становятся «фоновыми» персонажами, вовлечёнными в историю фальсификации Айрленда.

Таким образом, наблюдается некоторое несоответствие между оригинальным названием книги, судя по которому можно предположить, что в центре романа окажутся Чарльз и Мэри Лэм, и содержанием книги, сюжет которой сводится к истории о попытке амбициозного юноши Уильяма Айрленда прославиться путём обмана и о его разоблачении.

Исходя из распространённого мнения о том, что заглавие «активизирует восприятие читателя и направляет его внимание к тому, что будет изложено далее», мы проанализировали отзывы англоязычных читателей об этом романе Акройда, расположенные на сайте <http://www.goodreads.com/review/show/171929186>. Оказалось, что многие из них испытали чувство обманутого ожидания, вызванного как раз несоответствием названия романа и его содержания. Основываясь на известной для них фамилии, содержащейся в названии, многие читатели полагали, что роман будет посвящен биографии Чарльза и Мэри Лэм по аналогии с ранее написанными П. Акройдом биографическим романом «Завещание Оскара Уайлда» об Оскаре Уайлде, биографиями «Т.С. Элиот», «Диккенс», «Блейк», «Жизнь Томаса Мора» и пр. Некоторые из них прямо указывают на неудачный выбор названия, поскольку оно вводит в заблуждение относительно содержания произведения. Приведём некоторые из них:

“This novel was not at all what I thought it was going to be. I don’t know why it is called *The Lambs of London* because the real plot is about William Henry Ireland and Shakespeare” (Перевод: «Я полагал, что этот роман будет совсем о другом. Я не понимаю, почему он называется “Лэмы из Лондона”, в действительности книга об Уильяме Генри Айрленде и Шекспире»); “*The Lambs of London*, despite the title, is mostly about Ireland, his forgery of Shakespeare’s plays. The title is extremely misleading” (Перевод: «Роман “Лэмы из Лондона”, не-

смотря на заглавие, скорее об Айрленде и его фальсификации пьес Шекспира. Название книги абсолютно неверно»); “I am utterly baffled as to why Ackroyd chose them as characters in this novel” (Перевод: «Я абсолютно сбит с толку названием книги и недоумеваю, почему в качестве героев своего романа Акройд выбрал Лэмов»); “In general, however, I was disappointed. Probably because of the title: I actually expected more about the Lambs” (Перевод: «В целом, однако, я был разочарован. Возможно, из-за названия романа: я на самом деле ожидал найти в книге больше о Лэмах») (здесь и далее пер. наш. — *Н.Р., Ю.П.*) [URL: <http://www.goodreads.com/review/show/171929186>]. Другими словами, это тот случай, когда название оказалось способным «запутывать мысли, а не дисциплинировать их».

Эффект обманутого ожидания усиливается ещё и тем, что для многих читателей интерес представляет именно жизнь Лэмов, авторов “*Tales from Shakespeare*”, этим и было вызвано желание прочитать книгу Акройда. Ниже приводятся отрывки из отзывов читателей, размещённых на том же сайте: «I remember my Nana buying me a beautiful, illustrated book of their “*Tales from Shakespeare*” when I was younger, but had never thought their lives were so interesting!» (Перевод: «Я помню, как моя няня купила мне, совсем ещё маленькой девочке, красиво оформленную, иллюстрированную книгу “*Рассказы от Шекспира*”, но я даже не представляла себе, что судьба её авторов может быть столь интересной!»); “As it is, many facts are obscured or ignored, most disturbing of all being Mary Lamb’s death at the end of the book-before her brother, whom she actually outlived by some dozen years. Equally preposterous, Mr Ackroyd attributes Mary Lamb’s contribution to their co-authored *Tales from Shakespeare* to Thomas de Quincey, the essayist best known for his *Confessions of an English Opium Eater*” (Перевод: «Фактически, в своём романе автор искажил и проигнорировал многие факты действительности, больше всего огорчила смерть Мэри в конце книги — по сюжету книги она умирает раньше своего брата, на самом же деле Мэри пережила его на двенадцать лет. Не менее нелепой кажется идея автора приписать заслуги Мэри Лэм, написавшей вместе со своим братом Чарльзом Лэмом “*Рассказы из Шекспира*”, эссеисту Томасу Де Квинси, автору знаменитой “*Исповеди англичанина, употребляющего опиум*”») [URL: <http://www.goodreads.com/review/show/171929186>].

Кроме того, следует отметить, что оригинальное название романа обладает многозначностью благодаря омонимичности слова “the Lambs”: это не только фамилия известных исторических личностей, — в английском языке слово “lambs” также имеет значения «овечки», «ягнята», «простаки». По мнению некоторых читателей, именно такими простакам и «бедными овечками» и выступают ге-

рой романа, не способные воплотить свои мечты и литературные амбиции в жизнь [URL: <http://inostrankabooks.ru/ru/text/4078/>].

Итак, заглавие романа П. Акройда “The Lambs of London” представляет переводческую проблему в связи с наличием в нем реалии иной культуры, а также в связи с построением заглавия на основе явления омонимии. Данные маркеры — омонимичность и лакунарность — обнаруживают разницу интертекстуальных пространств автора романа и читателя его перевода. Это различие и нашло отражение в выборе названия для русскоязычного перевода. В России роман вышел под названием «Лондонские сочинители». Переводчик Инна Стам заменила фамилию Лэмы на многозначное слово «сочинители», генерализировав и творчески переосмыслив название романа. По словам В.В. Виноградова, если вникнуть в значение слов «сочинить-сочинять», «сочинение», «сочинитель», «сочинительница», «сочинительство», «сочинительский», то окажется, что «это гнездо слов в современном языке уже лишено внутреннего семантического единства. Слово сочинить, хотя и носит некоторый отпечаток разговорности, свободно выражает два значения: “создать”, “написать” (сочинить стихотворение) и “выдумать” (что-нибудь, не соответствующее действительности). В слове сочинитель значение “писать” явно устарело, зато живо разговорное “выдумщик” и даже “лгун” (ср. значения слов “сочинительство”, “сочинительский”). И только слово сочинение сохраняет свой книжно-официальный характер. (“Собрание сочинений Куприна”; ср. “классное сочинение”. Впрочем, ср. также в значении действия по глаголу сочинить: “сочинение небылиц”, “сочинение неправдоподобных анекдотов” и т.п.). Пестрота стилистических отношений внутри этого гнезда указывает на сложность и историческую изменчивость смысловых взаимодействий соответствующих слов с их синонимическими, параллельными лексическими сериями: писать, писатель, писание (произведение); творить, творец, творение, сюда же с 10—20-х гг. XIX в. творчество; создавать, создатель, создание, в параллель к слову сочинитель ещё поэт, с конца XVIII в. — живописец, живописатель, живописать, художник, литератор; с 40-х гг. — беллетрист и другое подобное» [Виноградов, 1977, с. 85—86].

Различные значения слова «сочинитель» нашли отражение и в ответах на вопрос, заданный нашим соотечественникам (не читавшим данный роман), о чём предположительно может быть книга с названием «Лондонские сочинители». Большинство ответили, что, вероятно, она о творческих личностях, о писателях, живших в Лондоне или писавших об этом городе. Некоторые упомянули при этом писателей детективов. Вторым по популярности был ответ о выдумщиках из Лондона. Несколько человек также предпо-

ложили, что, возможно, это сборник произведений лондонских или, шире, английских писателей. В отличие от англоязычных читателей романа русскоязычных читателей заголовок текста перевода несколько не смутил [URL: <http://inostrankabooks.ru/ru/text/4078/>]. Следовательно, заголовок «Лондонские сочинители» можно считать удачным переводческим решением, поскольку благодаря многозначности слова «сочинители», заменившим «Lambs», он раскрывает содержательный план произведения: эта книга, действительно, о сочинителях из Лондона. «Сочинителями» в разных значениях этого слова являются Чарльз и Мэри Лэм, Уильям Айрленд, а также другие встречающиеся в романе «выдумщики» — знатоки и любители английской литературы, включая и самого великого сочинителя — Уильяма Шекспира.

Кроме того, слово «сочинитель» в значении «выдумщик», «фантазёр», как нам кажется, актуализирует постмодернистский игровой принцип творчества П. Акройда: автор любит играть фактами действительности, смешивая их с вымышленными событиями, он играет жанрами, пародируя сразу несколько жанров в одном произведении, включает в свой текст множество цитат, явных и скрытых, и тем самым «дезориентирует читателя». Таковы характерные черты не только рассматриваемого романа П. Акройда, но и постмодернистских художественных произведений в целом, которые, как известно, строятся на различных интертекстуальных связях, на смысвании границ — временных, географических, жанровых, дискурсивных, на ироническом отношении к авторитетам, на отображении текста как последовательности комментариев к самому себе с бесконечной отсылкой к следам предыдущих текстов [Олизько, 2002, с. 94]. При переводе таких произведений от переводчика требуется умение распознать аллюзии, реминисценции, ссылки, цитаты, парафразы, которыми изобилует текст оригинала, и определить их источники, для того чтобы принять корректное переводческое решение. Процесс перевода превращается в этом случае в своего рода филологическое исследование, результатом которого становится текст перевода, усеянный ссылками и комментариями. Именно таким, по мнению В. Набокова, и должен быть перевод, чтобы быть верным и адекватным оригиналу или, как выразился Х. Ортега-и-Гассет, чтобы быть совершенно прозрачным, пусть эта прозрачность потребовала бы множества сносок внизу страницы.

Подводя итог, отметим, что перевод — это не только искусство потерь, как считал М. Лозинский, но и искусство приобретений, примером чего, как нам кажется, и является русскоязычный вариант перевода заголовка романа П. Акройда «Лондонские сочинители» (“The Lambs of London”). Смыслы, заложенные в названии текста оригинала, были утеряны при его переводе, вместе с тем

в названии переведённого текста появились другие, новые смыслы, возможно даже, что новое заглавие оказалось более удачным с точки зрения его способности раскрыть содержательный план всего произведения, о чём свидетельствует анализ рецензий и откликов русскоязычных и англоязычных читателей романа.

Напомним, что такое смысловое «перевоплощение» текста неизбежно при его «переносе» из одного интертекстуального пространства в другое. Любой текст связан невидимыми нитями с множеством других текстов, входящих в интертекстуальное пространство автора, пропитывающих всё его творчество и отзывающихся в его произведениях. При переводе связь с некоторыми из них теряется, несмотря на стремление переводчика перенести их в новое интертекстуальное пространство, передать все смыслы, имплицитно или эксплицитно представленные в тексте оригинала. Между тем, новое интертекстуальное пространство навязывает переводимому тексту новые смыслы и создает связи с новыми текстами, погружая текст перевода в новые контексты, смещая его смыслы и тем самым творя на основе уже существующего новый текст, который должен вписаться в другое интертекстуальное пространство и который предназначен другому читателю, воспитанному на иных ценностях, говорящему на ином языке, обладающему иной фоновой информацией. Так и появляются «новые прочтения» текста, которые, по словам У. Эко, очень радуют сочинителя.

Список литературы

- Акройд П.* Лондонские сочинители / Пер. с англ. И. Стам. М.: Иностранка, 2008. 272 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
- Кржижановский С.Д.* Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 32 с.
- Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов / Н. Бродский [и др.]: В 2 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкеля, 1925. 244 с.
- Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
- Нестерова Н.М.* Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. Пермь, 2005. 202 с.
- Никитченко Т.Г.* Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2000. 263 с.
- Николина Н.А.* Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
- Олизько Н.С.* Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса: На материале произведений Дж. Барта: Дисс. ... канд. филол. наук: 19.02.19. Челябинск, 2002.

- Отзывы англоязычных читателей романа П. Акройда *The Lambs of London* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.goodreads.com/review/show/171929186>
- Отзывы русскоязычных читателей романа П. Акройда *Лондонские сочинители* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.livelib.ru/book/1000293229>
- Отзывы русскоязычных читателей романа П. Акройда *Лондонские сочинители* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inostrankabooks.ru/ru/text/4078/>
- Рогов В.* О переводе заглавий [Электронный ресурс]. 1998. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/4/rogov.html>
- Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» / Пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Астрель, Corpus, 2012. 160 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Ю.В. Артемьева,

профессор кафедры переводоведения, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного машиностроительного университета (МАМИ); e-mail: artjul67@mail.ru

Н.С. Миронов (соавтор)

АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА, ИЛИ ПЕРЕВОД С РУССКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается адекватность перевода и перевод с русского языка на русский. Автор рассматривает соотношение единицы смысла как единицы перевода с референциальным аспектом и сравнивает различные варианты перевода. Статья посвящена русскому языку и очищению его от суррогата языка. В ней также представлены различные примеры ненормативного русского языка, взятые из различных источников.

Ключевые слова: перекодировка образов, адекватность перевода, референциальный аспект, референциальный компонент, интерференция.

Yulia V. Artemyeva,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Translation Studies, Moscow University of Mechanical Engineering (MAMI), Russia; e-mail: artjul67@mail.ru

Nikolay S. Mironov (co-author)

The Adequacy of Translation, or Translating from Russian into Russian

The article deals with the adequacy of translation and translation from Russian into Russian. The author considers links between meaning as a unit of translation and the referential aspect and compares different variants of translations. The article is devoted to the Russian language and its purification. Several examples of the obscene Russian language from different sources are provided.

Key words: transcoding of concepts, adequacy of translation, referential aspect, referential component, interference.

Перевод, как известно, существует испокон веков, его сущность состоит в означении, овнешнении (Е.Ф. Тарасов), перекодировке образов, смыслов, знаков. По словам известного лингвиста, одного из основоположников отечественного переводоведения, А.В. Фёдорова, переводом является передача письменной или устной речи средствами другого языка. Разные языковые системы имеют свои особенности, которые часто ставят в тупик переводчи-

ков при передаче смысла оригинального текста. Процесс перевода всегда сопровождается референцией, которая возникает на базе нескольких семиотических систем, что, в свою очередь, нередко приводит к интерференции — влиянию одной языковой системы на другую. Успешное преодоление негативных последствий этого влияния — залог получения полноценного перевода, адекватного оригиналу. Однако для достижения адекватного перевода необходимо одинаково хорошо владеть всеми теми знаковыми системами, с которых и на которые делается перевод. Всё это является прописными истинами для людей, серьёзно занимающихся процессом перевода. Но довольно часто, особенно в последнее время, встречаются примеры недопонимания и халатного отношения к результату перевода. И в первую очередь это касается случаев перевода на русский язык. Так, например, при переводе с английского языка на русский студентами допускаются ошибки стилистические, грамматические и даже лексические в два раза чаще, чем при переводе с русского языка на английский. Речь в данном случае идёт о старшекурсниках, родной язык которых — русский. Сравнивая их работы по материалу темы “THE EXPLORATION OF SPACE” [Алимов, Артемьева, 2011, с. 140—148], была отмечена разница в качестве перевода с английского языка на русский и обратно почти у всех обучаемых. При переводе с английского языка трудность для студентов состояла в подборе лексического материала и грамматических конструкций, что в итоге повлияло на стиль текста перевода. Его анализ показал, что в подавляющем большинстве (83—85% обучаемых) справляются с передачей смысла, но стиль (грамматика и лексика) перевода далеки от желаемого результата. При последовательном переводе на слух наблюдались те же затруднения у обучаемых в разных студенческих группах и вузах одного уровня подготовки (4, 5 курсы очной формы обучения, 6 курсы — заочной формы обучения). Для того чтобы подтвердить фактически наличие серьёзной проблемы, было проведено изложение на русском языке с восприятия на слух английского текста у тех же респондентов. Несмотря на то что текст был взят из художественной литературы — фрагмент романа Ж. Верна «Путешествие на Луну», — изложение на русском языке было только удовлетворительным. Ошибки были допущены всевозможные: от фактических до пунктуационных, часто встречалось нарушение лексической сочетаемости слов, свидетельствующее о невысоком уровне владения родной речью, — что и требовалось доказать.

При проверке сочинений по литературе (в течение всего года по 10 темам), а также контрольных работ по русскому языку (диктанты и грамматические задания и задания по развитию речи) в колледже мной были выявлены неутешительные результаты:

лишь 15—20% успешно справлялись с работой среднего уровня сложности. Наблюдение проводилось в течение пяти лет. В результате был накоплен богатый материал, в том числе и в виде неподражаемых фраз и высказываний обучаемых, часть из которых здесь приводится и может быть использована в работе для обучения редактированию.

Скажу так: я вёл себя тактично и без дурости, с чувством совести и достоинства.

Всем нужно сдерживать свои эмоции, но даже если захочешь применить активность и дерзость, то запомни, что дело и смелость — вещь привходящая.

Проблему отцов и детей можно назвать вечной, но особенно она обостряется на переломные темы: развития общества, старшие и младшие поколения становятся в противоречие двух разных эпох. В нём (романе) изображён конфликт отцов и детей, который выходит далеко за семейные дела.

Кирсанов человек внешне привлекательный, он носит белые рубашки, лаковые сапожки, бывший светский лев, некогда шумевший в столичном обществе, он сохранил свои привычки у брата в деревне.

В произведении говорится о том, как сельская девушка Татьяна Ларина влюбилась в Евгения Онегина, любящего себя, бабника, лицемера, но, несмотря на это, начитанного и умного.

Татьяна верила в приметы, увидя кота, умывающего лапкой рыльце, разглядела верный знак — едут гости.

Она описывалась как женщина дубинноголовая.

Пушкин был человеком высоким, благородным и страстно отзывавшимся на всё, что происходит в жизни.

Искусство соединило Пушкина со своими друзьями.

Но это было не только большой радостью, но и вдохновением, которое дало сильный поэтический всплеск эмоций.

Мне Пушкин ближе как поэт.

Друзья Пушкина были несколько людьми, с которыми он щедро делился своими мыслями и чувствами.

Он пишет о верной дружбе, которая сквозь пространство и время соединяет разлучных друзей, сводит их в тайных кругах.

Пушкин принадлежал к поколению, на долю которого выпали и Отечественная война 1812 г., и воспитание декабристов в 1825 г.

Пушкину же посвящены стихотворения, написанные поэтом в лицее, например: «Воспоминание», в котором поэт называет его «мой брат по чаще», описывает весёлую студенческую пирушку.

У каждого человека есть люди, которых можно называть друзьями.

Дружбу Пушкин понимал не только как отношения, возникающие между двумя людьми.

Она знает местную жизнь до тонкостей, поэтому она может всем помочь вовсе без никакой магии.

В «Отцах и детях» заключительный момент эпилога — описание природы сельского кладбища — является окончательным доказательством несостоятельности базарской теории.

Он всегда предвзято и ровно относился к женщинам, но, увидев на балу образ Анны Сергеевны Одинцовой, у него что-то встрепенулось в душе.

Он смотрит взглядом наблюдателя.

Евгений Базаров — представитель противоположенного лагеря — нигилистов. Изобразив это, Тургенев как бы предсказывает разную направленность нигилистских взглядов.

Кирсанов-старший — англоман, который не отступает от своих устаревших правил, он самоуверен и принципиален. Его белые руки, на которые Тургенев обращает внимание, не допускают физического труда.

Главный герой романа «Отцы и дети» — Базаров не вкусил плоды своего страшного чувства.

Обломов — обычный дворянин, хотел создать обломовщину, но в связи с его смертью этого не случилось, и Штольц занял его место.

Такое положение дел свидетельствует о небрежном отношении к родному языку, что, безусловно, должно не просто настораживать, но и заставлять предпринимать контрмеры по улучшению владения русским языком. Для развития устной речи существует достаточное разнообразие форм и методов в современной лингводидактике. Важно воспользоваться ими правильно и своевременно. На занятиях студенты не должны испытывать трудностей при переходе с одного языка на другой, а доля их говорения должна быть «подавляющей» по сравнению с предлагаемым материалом или самим преподавателем. В таком случае положительный результат гарантирован, а скорость его наступления будет зависеть от лингводидактического материала, предлагаемого преподавателем, усердия и одарённости обучаемых.

Так, для проработки определённой темы лучше придерживаться известной в отечественной лингводидактике схемы: английский вариант текста с лексикой (в любой форме — устной или письменной) и перевод с русского на иностранный (также любая форма, в том числе, диалоги). Как показывает практика, чем больше прорабатывается студентами тема, тем лучше она усваивается и запоминаются грамматические конструкции и лексический материал.

Для поддержания интереса к изучаемому и родному языкам обучаемым полезно предлагать творческие задания. Причём приоритетными считаю переводы на русский язык художественных текстов,

в том числе стихотворных произведений. Это заставляет студентов думать, напряжённо и постоянно, подбирая необходимый материал, слова, фразы, предложения; рифмуя, если находится подходящая рифма, или просто передавая смысл, как он понят. Также изложение и сочинение небольших объёмов на изученную тему, диалоги раскрывают потенциал каждого обучаемого, тренируют его память, вырабатывают навыки и умения, а успешность при ответах влечёт за собой повышение интереса к изучаемому предмету. Данный факт был неоднократно мной фиксирован.

*A Dream Within A Dream by
Edgar Allan Poe*

*Take this kiss upon the brow!
And, in parting from you now,
Thus much let me avow —
You are not wrong, who deem
That my days have been a dream;
Yet if hope has flown away
In a night, or in a day,
In a vision, or in none,
Is it therefore the less gone?
All that we see or seem
Is but a dream within a dream.*

*Сон во сне Эдгар По
Перевод Ижболдиной Александры, 1 курс*

*Прими мой поцелуй прощальный в лоб
Тебя сейчас, увя, я покидаю,
Так что признаться должен тебе в том,
Что не ошибся тот, кто полагает,
Что моя жизнь была всего лишь сном.
Уж если и надежды нет в тебе —
Ушла она бесследно и незримо
Или при свете дня и ошутимо —
Уходит с ней всё мелкое, весь тлен.
Всё, что мы видим, кажемся ли чем,
Есть просто сон во сне.*

В данном примере студентка продемонстрировала свой подход, хотя уже есть переводы данного стихотворения известных поэтов-переводчиков. Анализируя перевод Александры Ижболдиной, нетрудно заметить её знакомство с переводами, но это говорит, прежде всего, о её заинтересованности и желании сделать не хуже, что достойно похвалы. Чем больше будут студенты читать и знакомиться с образцами перевода и русской речи, чем чаще и лучше будет их собственная речь и переводы на русский язык (с. 108).

В последнее время мы всё чаще обращаем внимание на ошибки, сделанные в переводе на английский язык. Но ведь неграмотная русская речь вызывает не меньшую, а большую досаду и даже стыд за своего соотечественника, небрежно относящегося к родному языку. Все мы прекрасно осознаём, что язык человека — это средство его самоидентификации, самоопределения в социокультурном и этническом мире. И если у студентов ещё есть время и возможность исправить недостатки владения родным языком, то люди, выставляющие на всеобщее обозрение постыдно исковерканный русский язык, достойны прилюдного порицания.

Так, например, мы часто встречаемся с выражениями, вызывающими недоумение и непонимание, в рекламе, вывесках на магазинах, других учреждениях так называемого соцкультбыта. Эти случаи становятся всё более частыми и вызывают большую озабо-

СОН ВО СНЕ

(Перевод К. Бальмонта)

Пусть останется с тобой
Поцелуй прощальный мой!
От тебя я ухожу,
И тебе теперь скажу:
Не ошиблась ты в одном, —
Жизнь моя была лишь сном.
Но мечта, что сном жила,
Днем ли, ночью ли ушла,
Как виденье ли, как свет,
Что мне в том, — её уж нет.
Всё, что зрится, мнится мне,
Всё есть только сон во сне.
Я стою на берегу,
Бурю взором стерегу.
И держу в руках своих
Горсть песчинок золотых.
Как они ласкают взгляд!
Как их мало! Как скользят
Всё — меж пальцев — вниз, к волне,
К глубине — на горе мне!
Как их бег мне задержать,
Как сильнее руки сжать?
Сохранится ль хоть одна,
Или все возьмет волна?
Или то, что зримо мне,
Все, есть только сон во сне?

СОН ВО СНЕ

(Перевод В. Брюсова)

В лоб тебе целую я,
И позволь мне, уходя,
Прошептать, печаль тая:
Ты была права вполне, —
Дни мои прошли во сне!
Упованье было сном;
Всё равно, во мгле иль днем,
В дымном призраке иль нет,
Но оно прошло, как бред.
Всё, что зримо в мире мне,
Или мнится, — сон во сне.
Стою у бурных вод,
Кругом гроза растет;
Хранит моя рука
Горсть зернышек песка.
Как мало! Как скользят
Меж пальцев все назад...
И я в слезах, — в слезах:
О Боже! Как в руках
Сжать золотистый прах?
Пусть будет хоть одно
Зерно сохранено!
Всё ль то, что зримо мне
Иль мнится, — сон во сне?

СНОВИДЕНЬЕ В СНОВИДЕНЬИ

(Перевод М. Квятковской)

Печально лоб целую твой,
Но прежде, чем прощусь с тобой,
Поведаю тебе одной...
Да, ты не зря твердила мне
Что жизнь моя течет во сне,
Но, если нет надежды боле,
То — ясным днем иль при луне
Она ушла — не всё равно ли,
Во сне ушла иль не во сне?
Всё, что несут нам сон и бденье,
Лишь сновиденье в сновиденье.
...Стою на берегу морском,
У ног — прибоя вечный гром,
И бережно держу в руках
Песчинок золотистый прах,
А он сквозь пальцы, как струя,
Стекает в море бытия —
И горько, горько плачу я!
О Боже! Что ж моя рука
Не может удержать песка?
О Боже! Где мне силы взять
Хоть бы песчинку удержать?
Ужели всё — и сон, и бденье —
Лишь сновиденье в сновиденье?

ченность в связи с явным небрежением к правилам нашего языка. К тому же неграмотная речь подчас демотивирует покупателя. Возможны ли штрафы для недобросовестных владельцев лавок, где по-русски написано следующее?

На продаже имеется мужской обуви. Есть сюрприз.

Чай из травы. Сырой материал: трава из Китая. Назначение: для горла хорошо. Кровь пойдет. Предупреждение гриппу.

Пожалуйста, стенной шкаф бумага бросать.

Осторожно!!! Я КЧШЧ.

Безусловно, интерес к россиянам как покупателям возрастает с каждым днём. Но это не значит, что русский язык представляет собой гуттаперчу и его можно использовать, невзирая на правила и нормы. На территории России соблюдение норм и правил использования русского языка защищается законом, но, к сожалению, что-то не припоминаю, кто и когда понёс заслуженное наказание за нещадную эксплуатацию русского языка! Возможно, выпускать рекламу, книги, фильмы, листовки и другую продукцию, в которой русский язык, выступающий как средство донесения информации, не является таковым априори: принято игнорировать правила и нормы литературного языка, как будто его не поймут «потребители». Так, например, вот что пишут авторы Визуального словаря (М.: РИПОЛ классик, 2010. 1192 с.):

«Каждое слово, включённое в словарь, прошло все этапы тщательного отбора лексического материала. Часто для обозначения одного и того же понятия используются разные слова. В подобных случаях приводится слово, наиболее часто употребляющееся известными авторами».

Словарь отпечатан в Гонконге, поэтому качество изготовления и качество иллюстраций выше всяких похвал. Что же касается перевода некоторых слов, то начнём с названия — «Визуальный словарь». Крайне неудачная калька с оригинала — *Visual Dictionary*. С точки зрения русского языка словарь следовало бы назвать *Иллюстрированным*. Некоторые примеры из самого словаря представляют собой любопытный материал для анализа:

Стр. 14, 15: написано по-русски — установочный круг склонений. Написано по-английски — declination setting scale. Скорее всего, это горизонтальная шкала настройки.

Написано по-русски — установочный круг прямого восхождения. Написано по-английски — right ascension setting scale. Скорее всего, это вертикальная шкала настройки.

Стр. 20: написано по-русски — фотоаппарат с 35-мм пленкой. Написано по-английски — 35 mm still camera. Неужели в космосе до сих пор используется фотоаппарат с 35-мм пленкой?

Стр. 22: написано по-русски — ферменная конструкция. Написано по-английски — truss structure. Скорее всего, это просто ферма.

Стр. 49: написано по-русски — область разгрузки подземной реки. Написано по-английски — resurgence. Скорее всего, это бассейн подземной реки.

Стр. 51: написано по-русски — аллювий. Написано по-английски — alluvial deposits. Скорее всего, это речные наносы или вынос почвы речным стоком.

Стр. 57: написано по-русски — томболо (перейма). Написано по-английски — tombolo. Согласно словарю — песчаный перешийек, песчаная коса.

Стр. 61: написано по-русски — меса. Написано по-английски — mesa. Согласно словарю — плоский холм, останец.

Стр. 61: написано по-русски — вади. Написано по-английски — wadi. Для араба — это понятно, а в России это высохшее русло реки.

Стр. 80, 82: написано по-русски — ископаемое горючее. Написано по-английски — fossil fuel. Следовало бы написать — сжигание ископаемого топлива (горючего). Английский вариант может быть — combustion of fossil fuel.

Стр. 82: написано по-русски — утечка окиси азота. Написано по-английски — nitrogen oxide emission. На самом деле это выбросы окиси азота.

Можно продолжать приводить примеры, однако суть понятна и комментарии излишни. Лишь отметим, что, прежде чем издавать рассматриваемый словарь, автору(-ам) необходимо было серьёзное отнестись к выполнению заявленной задачи («тщательный отбор лексического материала»).

Существует мнение, что понятие адекватности и полноценности носит оценочный характер, поэтому является субъективным. Однако и в этом случае можно говорить о соблюдении необходимых требований в переводе, благодаря которым можно получить объективную картину о качестве перевода. При наличии определённых знаний, соответствующих пособий и словарей можно сделать адекватный или полноценный перевод любого текста. Но не следует делать самому перевод, изобретая в очередной раз велосипед, если уже имеется известный и всеми принятый вариант, и чтобы не попасть впросак, как это случилось с переводчиком, которого в качестве примера приводит в своей книге «Высокое искусство» К.И. Чуковский. Переводя с немецкого языка книгу, автор перевода не обошел стороной и эпиграф. Очевидно, не узнав строки из пушкинской «Полтавы»:

Богат и славен Кочубей, Его поля необозримы,
Там табуны его коней пасутся вольны, нехранимы.
Вокруг Полтавы хутора окружены его садами.
И много у него добра мехов, атласа, серебра и на виду, и под замками.

В немецком переводе переводчик с немецкого языка на русский перевёл их следующим образом:

Был Кочубей богат и горд, Его поля обширны были,
И очень много конских морд, мехов, сатина первый сорт
Его потребностям служили.

Приводя этот курьёзный случай, Корней Иванович Чуковский заметил, что если бы мы вздумали знакомиться с творчеством Пушкина по этому переводу, то автор бы предстал перед нами «дубинноголовым кретином». Вот так сурово была оценена работа переводчика, не догадавшегося просто процитировать самого А.С. Пушкина.

При переводе с одного языка на другой заглавий статей, названий книг, рассказов, новелл, эссе, стихотворений необходимо сначала прочитать весь текст, всё произведение, чтобы составить себе представление, о чём идёт речь. Только тогда можно полноценно и адекватно перевести заголовок или название. Например:

The Sportsman

There was a little man, and he had a little gun,
And his bullets were made of lead, lead, lead;
He went to the brook, and shot a little duck,
Right through the middle of the head, head, head.

He carried it home to his old wife Joan,
And bade her a fire for to make, make;
To roast the little duck he had shot in the brook,
And he'd go and fetch her drake, drake, drake.

После прочтения стихотворения (автор которого неизвестен) название его можно и нужно перевести как «Охотник», хотя перед знакомством с текстом название его можно было перевести иначе.

Полноценность и адекватность перевода авторского текста очень хорошо можно проследить на примерах перевода стихотворения, поскольку структура поэтической речи допускает «уход за текст».

Для этих целей можно взять поэзию Роберта Бёрнса (1759—1796), изобилующую просторечными формами, стилистически больше подходящую к разговорному языку со сниженной лексикой (что затрудняет её адекватный и полноценный перевод). Большую часть жизни Роберт Бёрнс прожил в Эйршире (Ayrshire), обширной области на юго-западе Шотландии, омываемой с запада заливом

Ферт-оф-Клайд (Firth of Clyde). Холмы и долины Эйршира с востока на запад пересекают воспетые Бёрнсом реки Эйр, Дун, Ир-Клайд. В языковом отношении в творчестве Бёрнса можно выделить четыре группы произведений: на шотландском языке (большинство произведений); на английском языке; на шотландском языке с использованием местного диалектального просторечия; на английском литературном языке с использованием английского просторечия (достаточно редко встречается в творчестве). Шотландский язык сложился не на основе кельтских (гэльских) говоров, на которых говорили предки современных шотландцев — скотты, бритты и пикты (некоторые исследователи считают, что пикты — докельтское население Британии), на основе северного (ранее — нортумбрийского) диалекта среднеанглийского языка. Исследователи отмечают, что для лексики шотландского диалекта характерно:

- обилие слов, которые отличаются от соответствующих английских слов как по форме, так и по значению;
- значительное количество слов, совпадающих с английскими словами по форме, но отличных по значению;
- специфическая сочетаемость и значительное количество несвободных словосочетаний, имеющих специфический смысл.

Поэтому при переводе Роберта Бёрнса мало изучить английский язык или шотландский вариант с просторечными формами, необходимо знать особенности словоупотребления, референциальную ситуацию, способы соотнесения (референцию) с действительностью. И если, увидев название “The Twa Dogs. A Tale”, можно догадаться, что речь идёт о двух собаках, то как перевести правильно “Ye hae lien wrang, lassie” («Ты не там спала, где надо» — С.Я. Маршак; «Не там ты, девушка, легла» — В. Федотов) без специальных лингвокультурологических знаний невозможно. Ye — ты (you), hae — have, lien — lain, wrang — wrong, lassie — noun, Colloquial. Scottish informal a LASS: *Who’s that wee lassie over there?* — Scottish a girl or young woman [MACMILLAN English DICTIONARY FOR ADVANCED LEARNERS. International Student Edition:800].

Сравнивая переводы стихотворного произведения Р. Бёрнса, можно отметить разницу референциального компонента, вызванного разными причинами. Художественный текст позволяет использовать различные средства художественной выразительности — тропы и стилистические фигуры, которые «в руках» различных авторов по-разному используются. Пунктуационные знаки, особенности языка как системы (например, тема-рематическое членение предложения, порядок слов) накладывают свой отпечаток на референциальный аспект текста, затрудняя или упрощая понимание того, о чём идёт речь.

Рассмотрим примеры перевода фрагмента стихотворного произведения Р. Бёрнса:

**The Jolly Beggars. A
Cantata.**

Recitativo —

When lyart leaves bestrow the yird,
Or wavering like the Bauckie-bird,
Bedim cauld Boreas' blast;
When hailstones drive wi' bitter skyte,
And infant Frosts begin to bite,
In hoary cranreuch drest;
Ae night at e'en a merry core
O' randie, gangrel bodies,
In Poosie-Nansie's held the splore,
To drink their orra duties:
Wi' quaffing, and laughing,
They ranted an' they sang;
Wi' jumping, an' thumping,
The vera girdle rang.
Robert Burns

**Веселые нищие
КАНТАТА
Речитатив**

Уж листья желтые с ветвей
Летят на землю, и Борей
Деревья голые качает;
Луга одел покров седой,
И уж морозец молодой
Порядочно кусает.
Вот в эту пору вечером
Кружок весёлой братьи нищей
Собрался к Пузи Нанси в дом
Попировать за скудной пищей
И весело пропить своё
Последнее тряпье.
Хохочут они и горланят,
И песни поют, и свистят,
И так по столам барабанят,
Что стены харчевни дрожат.

П. Вейнберг

**Голь гулящая
КАНТАТА
Речитатив**

Когда, как рой нетопырей,
листву пожухлую Борей
по воздуху гоняет,
когда морозец молодой —
от инея уже седой
и за щеки щипает,
тут к Дусе-Нансе в поздний час

**Веселые нищие. Кантата.
Речитатив**

Когда, бесцветна и мертва,
Летит последняя листва,
Опалена зимой,
И новорожденный мороз
Кусает тех, кто гол и бос,
И гонит их домой, —

В такие дни толпа бродяг
Перед зарёй вечерней
Отдаст лохмотья за очаг
В какой-нибудь таверне.

За кружками
С подружками
Они пред очагом
Горланят,
Барабанят,
И все дрожит кругом.

С. Маршак

Веселые нищие

Листва набегом ржавых звёзд
Летит на землю, и норд-ост
Свистит и стонет меж стволами,
Траву задела седина,
Морозных полдней вышина
Встаёт над сизыми лесами.
Кто в эту пору изнемог
От грязи нищенских дорог,
Кому проклятья шлют деревни:
Он задремал у очага,
Где бычья варится нога,
В дорожной воровской харчевне;
Здесь Нэнси нищенский приют,
Где пиво за тряпье дают.
Здесь краж проверяется опыт
В горячем чаду ночников.
Харчевня трещит: это топот
Обрушенных в пол башмаков.

Э. Багрицкий

**Веселые попрошайки
КАНТАТА
Речитатив**

Когда прозрачная листва покинет сад,
Волной подхваченная так, как стайка птиц,
Порывом северного ветра — вперёд-назад;
Когда, покинув свой приют, и с неба вниз
На землю мёрзлую град сыпаться начнёт,
А в дыры на одежде молодой мороз
Пролезет и начнёт кусать всерьёз,

весёлые Галахи —
бродяжя братья собралась
пропитаться до рубахи.
Буянили, горланили
и пели кто о чём,
и хлопали, и топали,
аж плошки ходуном.

С. Петров

Под вечер, ближе к ночи станет лёд,
Укрыться на ночлег придёт черёд,
Тогда ватага храбрецов, кто нищ и гол,
Пошлѣпает в таверну, чтоб сесть за стол;
Грязнуля-Нэнси там приветит всех,
И будет клубом дым и громом смех.
И опрокинув чарки чередой,
Завяжут разговор между собой
Горластые пропойцы-мужики,
Которым и лохмотья не с руки:
Всѣ отдадут, пропьют, повеселятся всласть,
А нашумевшись, упадут, где им пришлось упасть.

Ю. Артемьева

К сожалению, всё чаще мы слышим суррогат вместо русской речи. Говорить правильно и красиво на русском языке в последнее время немодно. Необходимо прививать моду на наш замечательный, неповторимый русский язык, подаривший миру возможность ощутить всю полноту человеческих переживаний, красоту природы, возможность освоить сложнейшие технологии и понять людей, которые говорят на этом несравненно богатом поговорками, пословицами, присказками языке. Нельзя дать погибнуть такому пласту человеческой культуры!

Список литературы

- Алимов В.В., Артемьева Ю.В.* Специальный перевод: Практический курс перевода. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 208 с.
- Бёрнс Роберт.* Стихотворения. М.: Радуга, 1982. 708 с.
- Визуальный словарь. М.: РИПОЛ классик, 2010. 1192 с.
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы: для ин-тов и фак-тов иностр языков: Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; М.: ООО Изд. дом «Филология три», 2002. 416 с.
- Чуковский К.И.* Высокое искусство. М.: Азбука-классика, Авалонь, 2008. 448 с.
- MACMILLAN English DICTIONARY FOR ADVANCED LEARNERS. International Student Edition. Cover design by Conor Mangat of Boag Associates. London, 2006. 1692 p.
- <http://www.dominus.ws>

М.Н. Есакова,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: maria_esakova@mail.ru

Э.К. Харацидис,

доктор наук, Фракийский университет им. Демокрита, г. Комотини (Греция); e-mail: romangr2008@mail.ru

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ

**(на примере романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»
и его переводов на французский и греческий языки)**

Проблемы, с которыми сталкивается переводчик при переводе художественного текста, в значительной степени связаны с тем, насколько он может выразить понятия чужой культуры средствами родного языка и адекватно представить их через понятия родной культуры. Естественно, это оказывается возможным лишь в том случае, если помимо лингвистических знаний у переводчика присутствуют и экстралингвистические знания культурно-антропологического порядка, столь необходимые для порождения адекватного текста.

В чём загадка и притягательность творчества М.А. Булгакова? Может ли М.А. Булгаков быть понятен в переводе? Что остаётся от булгаковского текста при переводе на другие языки? Насколько М.А. Булгаков понятен иностранному читателю? В данной статье мы попытаемся ответить на данные вопросы, проанализировав некоторые сцены из романа «Мастер и Маргарита», связанные с такой понятной на первый взгляд темой, как приём пищи, и их переводы на французский и греческий языки.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, культурно-антропологическая парадигма, экстралингвистические знания, культурологические лакуны, культурно-антропологическая асимметрия.

Maria N. Yesakova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: maria_esakova@mail.ru

Eleftherios K. Charatsidis,

PhD, Associate Professor at Democritus University of Thrace, Greece; e-mail: romangr2008@mail.ru

Cultural-anthropological Paradigm in Translation Studies: A Case Study of French and Greek Translations of “The Master and Margarita” by Mikhail Bulgakov

The issues a translator encounters when translating a piece of fiction are to a considerable extent connected with how he or she can convey foreign realia and adequately present them through the realia of his native culture. Obviously, this only becomes possible if a translator, apart from linguistic knowledge proper, possesses extralinguistic knowledge of cultural-anthropological kind necessary for creating an adequate text. What makes Mikhail Bulgakov's works so enigmatic and attractive? Can they be conceived and understood when translated into a foreign language? What is left of the original after the translation? How much is Bulgakov's message clear to a foreign reader? The present article is an

attempt to answer these questions. We shall analyze some of the scenes from *The Master and Margarita* connected with meals as translated into the French and Greek languages.

Key words: translation, fiction translation, cultural-anthropological paradigm, extralinguistic knowledge, culturological lacunas, cultural-anthropological asymmetry.

«Почему его тянет читать и перечитывать?... Почему всё, изображённое в его книгах, запоминается не как прочитанное, но как воочию увиденное?» — пишет один из исследователей творчества М.А. Булгакова М.С. Петровский в статье «Мастер на все времена» [Петровский, 1991].

В самом деле, читая Булгакова, мы, к нашему собственному удивлению, начинаем искренне верить в необычайные происшествия, о которых рассказывает автор. Например, нам не кажется необычной встреча Воланда с Берлиозом и Иваном Бездомным на Патриарших прудах, нам не кажется и сверхъестественным то, что профессор Преображенский, сделав операцию собаке, превратил её в человека и т.д. Понимая всю абсурдность этого состояния, мы ничего не можем с собой поделать и с удовольствием верим в то, что написано в его произведениях, хотя если бы увидели это собственными глазами, — вряд ли бы поверили.

В чём же загадка и притягательность творчества М.А. Булгакова? Сотни исследователей уже пытались приоткрыть завесу загадочности булгаковского текста, но конкретного ответа так никто на этот вопрос и не дал. Мы, разумеется, не ставим перед собой задачу дать окончательный ответ на этот вопрос, но полагаем, что притягательность произведений Булгакова заключается, прежде всего, в их языке, в тех оборотах речи, которые автор использует, описывая даже самые обыденные ситуации, в тех эпитетах, которые он подбирает для характеристики персонажей и т.д.

Именно поэтому нам представляется интересным проанализировать тексты М.А. Булгакова и понять, может ли Булгаков быть понятен в переводе, что остаётся от булгаковского текста при переводе на другие языки, насколько М.А. Булгаков понятен иностранному читателю.

Следует отметить, что проблемы, с которыми сталкивается переводчик при переводе художественного текста, связаны с тем, насколько он может выразить понятия одной культуры средствами другого языка и адекватно представить их через понятия родной культуры. Естественно, это оказывается возможным лишь в том случае, если помимо лингвистических знаний у переводчика присутствуют и экстралингвистические знания, столь необходимые для порождения адекватного текста.

Н.К. Гарбовский пишет: «...довольно часто переводчик сталкивается с этнографическими загадками иной культуры. Он должен

их разгадать и растолковать на своём языке. Но это лишь частный случай переводческого толкования иного. В общем смысле “иное” для переводчика — это иное сознание, сознание автора, породившего систему смыслов речевого произведения, подлежащего переводу. Проникнуть в эту систему составляет основную задачу герменевтического этапа перевода» [Гарбовский, 2010, с. 110]. Таким образом, именно межкультурные знания — обязательный фактор мастерского перевода, так как, только обладая ими, переводчик может передавать «глубинные замыслы и идеи автора без ущерба смыслу подлинника» [Гудий, 2010].

Говоря о переводе в аспекте межкультурной коммуникации, О.И. Костикова пишет: «Осознание “своего” происходит не только при сравнении с чужим (через осознание “чужого”), но и через восприятие того, как “своё” осознаётся “чужим”. Иными словами, для понимания процессов, происходящих в национальной литературе, важно понимать не только что, как и почему переводится с “чужих” языков и становится достоянием национальной литературы, но также и что, как и почему переводится из национальной литературы на чужие языки и становится достоянием иной культуры» [Костикова, 2010, с. 171].

Подобную точку зрения высказывал и Г.Д. Томахин. Он отмечал, что перевод — это не только соприкосновение двух семантических систем со своими национально-культурными свойствами, но и контакт представителей двух лингво-культурных общностей, каждый со своим мировосприятием и определённым фондом культурного наследия: фоновыми знаниями, речевым этикетом, морально-эстетическими нормами и многое другое [Томахин, 1997]. Именно поэтому процесс перевода художественной литературы оказывается достаточно сложным, и не всегда литературное произведение, обладающее «национальным своеобразием», может с абсолютной полнотой быть «воссоздано» на другом языке.

В подтверждение этому можно вспомнить высказывание известного русского писателя Ф.М. Достоевского, который утверждал, что русские писатели принципиально не переводимы. Он писал, что если из всех русских писателей взять хотя бы Тургенева, которого он считал самым западным из всех писателей второй половины XIX в., а из всех произведений Тургенева роман «Рудин» — самое европеизированное, то и оно вряд ли будет понятно европейскому читателю [Русские писатели о переводе: XVIII—XX вв., 1960].

Но тем не менее переводчик должен стремиться к максимально точной передаче смысла и стиля оригинала, и многие исследователи перевода писали об этом, например, А.В. Фёдоров в работе «Основы общей теории перевода» говорил о том, что «каждый высокоразвитый язык является средством достаточно могущественным, чтобы

передать содержание, выраженное в единстве с формой средствами другого языка» [Фёдоров, 1968]. Переводческие ошибки создают культурологические лакуны и непонимание. Примером таких лакун, по мнению Н.Н. Дзида, является перевод романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский язык. В работах этого исследователя дан сопоставительный анализ оригинала и переводов данного романа на английский язык, это позволило автору выявить асимметричные черты картин мира автора и переводчика. В результате исследования показано, что при чтении оригинального художественного текста возникают лакуны понимания у переводчика, а затем у читателя переводного произведения. Это ведёт к асимметрии межкультурной коммуникации между представителями двух наций. В результате, как утверждает исследователь, английский читатель не может усмотреть за текстом перевода такую же мозаику смыслов, как читатель, владеющий русским языком [Дзида, 2009, с. 33] [цит. по: Кушина, 2010, с. 73].

Попробуем выяснить, так ли это, или только английский перевод романа был выполнен неудачно. С этой целью мы решили проанализировать фрагменты текста, которые представляются универсальными и на первый взгляд не составляют каких бы то ни было сложностей для переводчика, но на самом деле могут оказаться для него теми препятствиями, которые и создают понятийные лакуны для читателя. Для анализа мы выбрали несколько эпизодов из романа «Мастер и Маргарита», описывающих ситуации, связанные с приёмом пищи, и их переводы на французский и греческие языки, сделанные Клодом Линем в 1997 г. (французский перевод) и Тиной Карайорги и Юрием Яннакопулосом в 1991 г. (греческий язык).

Выбор в качестве фактического материала для исследования подобных сцен не случаен. Булгаков уделяет большое внимание сценам трапезы. Его герои не только любят «поесть», но и умеют это делать. Если бы кому-то пришло в голову составить антологию фрагментов из произведений русских авторов, посвящённых еде, то Булгаков наверняка занял бы в ней одно из первых мест. Следующая фраза, принадлежащая одному из персонажей Булгакова — профессору Преображенскому, могла бы служить эпиграфом к такой антологии: *«Еда, Иван Арнольдович, штука хитрая. Есть нужно уметь, и представьте, большинство людей вовсе есть не умеет. Нужно не только знать, что съесть, но и когда и как... И что при этом говорить, да-с!»*

Итак, попробуем проследить, насколько полно и адекватно может быть переведён М.А. Булгаков, сравнив текст оригинала с текстами переводов в избранных фрагментах.

Анализируя булгаковский текст путём его сопоставления с переводами, мы, вероятно, сможем увидеть то, что ускользает от нашего внимания, когда мы читаем текст на русском языке. Может, в самом деле, идея, неоднократно высказывавшаяся в отношении сопоставления языков, а именно о том, что через сопоставление, через сравнение с другим языком мы можем лучше и полнее понять особенности своего собственного языка [см., напр.: Ладо, Ярцева], может быть применена и к сравнению целых художественных произведений, и, может быть, через перевод нам удастся разгадать тайны текста оригинала. Однако пока мы таких глобальных задач перед собой не ставим. В нашем исследовании мы попытаемся проанализировать лишь некоторые переводческие решения, демонстрирующие, на наш взгляд, как удачи, так и неудачи при переводе булгаковского текста.

Мы не собираемся высказывать какие бы то ни было критические замечания в адрес переводчиков, тем более мы не хотим выступать подобно многим хорошо известным писателям, литературным критикам, философам, ставившим под сомнение возможность адекватной передачи в переводе художественного текста. Мы только попробуем понять, что из булгаковского текста сохраняется в переводе на греческий и французский языки, а что, напротив, полностью утрачивается.

В данной статье, основываясь на когнитивной теории фреймов [см. подробнее: Есакова, 2010, с. 182—199], мы попытаемся определить, в чём состоит отличие описаний этих ситуаций трапезы в оригинальных и в переводных текстах и насколько асимметричны фреймы, восстанавливаемые из этих описаний на основе русской, французской и греческой культурных традиций.

Наиболее общее представление о ситуации еды — архифрейм трапеза — рассматривается с разных точек зрения как система взаимодействующих во времени и в пространстве актантов. Категории времени и пространства создают внешние границы для взаимодействия актантов, собственно говоря, рамку ситуации (ср. англ.: *frame*, обозначающее не только некое состояние ума, т.е. когнитивную категорию, но и «рамку»). Поэтому временной и пространственный аспекты являются первичными дифференциальными признаками, положенными в основу сравнения фреймов, восстанавливаемых из описаний на русском, французском и греческом языках.

В данной статье мы остановимся на описании временного аспекта ситуаций, описывающих приём пищи, а в частности на фрейме первой фазы — еда утром, после сна, т.е. завтрак. Три оставшихся фрейма: фрейм 2 фазы — еда в середине дня; фрейм 3 фазы — еда вечером и фрейм 4 фазы (факультативный) — промежуточная еда

(полдник, завтрак, английский чай и т.д.) в данной статье рассматриваться не будут.

Следует отметить, что мы не ставим перед собой задачу системного описания всех фреймов, связанных со временем приёма пищи, во всём многообразии их элементов и отношений между ними. Мы обратимся лишь к тем, которые выводятся из текста анализировавшегося произведения. Мы постараемся показать, что каждый из них, насколько ясным ни казалось бы описание, представляет некоторые трудности для интерпретации человеком, когнитивный опыт которого сложился в иной культуре.

Обратимся к первому фрагменту текста, где упоминается одна из интересующих нас ситуаций, а именно ситуация «завтрака».

Булгаков описывает разговор Берлиоза и Ивана Бездомного с загадочным иностранцем на Патриарших прудах. Иностранец произносит следующую фразу:

«Ведь говорил я ему (Канту. — Е.М.) тогда за завтраком: “Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут”.

Берлиоз вытучил глаза. “За завтраком... Канту?.. Что это он плетёт?” — подумал он» (гл. 1, с. 329).

Во французском переводе данный фрагмент выглядит следующим образом: *«Du reste, je lui ai dit un jour en déjeunant avec lui: “Voyez-vous, professeur — excusez-moi — mais vos idées sont un peu incohérentes. Très intelligentes, sans doute, mais terriblement incompréhensibles. On rira de vous”.*

Berlioz ouvrit des yeux ronds: “En déjeunant... avec Kant? Qu'est-ce qu'il me chante là?” pensa-t-il» (гл. 1, с. 33).

Русское «за завтраком» передаётся французским «en déjeunant». Решение переводчика заменить русскую именную предложную конструкцию герундием представляется вполне правомерным: во французской литературе герундий, уточняющий ситуацию общения, довольно часто сопровождает глагол речи. Однако некоторые важные, на наш взгляд, элементы ситуации оказываются при этом утраченными. Попытаемся понять, насколько существенны эти утраты.

Слово «завтрак» сразу вызывает в сознании определённый фрейм, с определёнными элементами и отношениями между ними. В русском описании актуализированным оказывается темпоральный компонент фрейма: завтрак — это утренняя еда. Потенциальными элементами являются: набор блюд, время, затраченное на еду, возможность общения и т.п. В обыденном сознании русского «среднего» человека первой половины XX в., к которому и обращается Булгаков, на завтрак время тратится немного, и возможности общения ограничены. Компонент коммуникации

в данном фрейме характеризуется как незначительный. Но автор показывает иную, идеальную картину. Она относится к иной жизни. Дьявол Воланд и философ Кант могут себе позволить неспешно беседовать не за обедом или за ужином, а именно за завтраком, и не о делах, не о дне насущном, а о существовании Христа и о доказательствах его существования. Иначе говоря, в данном конкретном описании ситуации коммуникативный компонент фрейма «трапезы» актуализируется уже как существенный. Картина, описанная Булгаковым, нарушает стереотипное представление о завтраке, она демонстрирует частное, нетипичное проявление фрейма. Эта необычность значима. Она служит для характеристики персонажей: только «сильные мира сего» могут позволить себе подобную трату времени утром, за завтраком. Данное представление о персонажах не возникло бы, если бы Булгаков написал «за обедом» или «за ужином», когда у людей обычно больше времени для еды. Именно на ужин или на обед обычно приглашаются гости для совместного застолья, предполагающего и коммуникацию.

Использование во французском переводе герундия глагола “*déjeuner*” несколько изменяет картину.

Французский герундий “*en déjeunant*” нивелирует фрейм, делает его менее выразительным. Причина этого в следующем. В современном французском языке к XX в. сложилась традиция называть основные 3 приёма пищи следующими именами: “*petit déjeuner*” — утром, “*déjeuner*” — в полдень, “*dîner*” — вечером. Таким образом, в настоящее время можно установить довольно отчётливую эквивалентность между русскими и французскими названиями трапез, распределённых во времени:

завтрак — *le petit déjeuner*;

обед — *le déjeuner*;

ужин — *le dîner*.

В XVIII в., когда жил Кант, во Франции существовала несколько иная система обозначений «завтрака», «обеда» и «ужина»:

le déjeuner — *завтрак*;

le dîner — *обед*;

le souper — *ужин*.

Интересно, что подобное обозначение распределённых по времени суток трапез сохранялось ещё и в 50-е гг. XX столетия для обозначения русских аналогов. Так, в известной французской методике самостоятельного изучения языков “Assimil” в самоучителе русского языка (“*Le russe sans peine*”) русские «*завтрак*» и «*завтракать*» регулярно обозначается словом “*déjeuner*”, «*обед*» и «*обедать*» — “*dîner*”, а «*ужин*» и «*ужинать*» — “*souper*” [Assimil, 1952, p. 128, 152, 292 et al.]. Правда, иногда авторы методики путались и, конструируя искусственные тексты на русском языке, называли

«обедом» вечернюю трапезу, предлагая при этом в качестве эквивалента лексему “*dîner*” [там же, с. 128], видимо, в силу уже изменившейся к тому времени системы обозначений данных фреймов во французском языке.

Сейчас, когда лексема “*déjeuner*” обозначает еду в середине дня, что эквивалентно русскому «обед», а “*dîner*” — еду вечером, т.е. русское «ужин», лексема “*souper*” называет «еду после театра примерно в 2—3 часа ночи». Это слово употребляется довольно редко и обозначает нетипичные ситуации «полуночничества», т.е. называет факультативный фрейм.

Глагол “*déjeuner*”, обозначает процесс еды и утром, являясь эквивалентом словосочетания “*prendre le petit déjeuner*” (завтракать), и днём (обедать). Однако процесс утренней еды в сознании французов всё больше ассоциируется со словосочетанием “*prendre le petit déjeuner*” [см.: Гарбовский, Костикова, 2011, с. 127—128]. Более того, само словосочетание “*le petit déjeuner*” постепенно превращается в сложное слово “*petit-déjeuner*”, о чём свидетельствуют некоторые из последних учебников французского языка для иностранных студентов [см.: Gruneberg, 2000]. Глагол “*déjeuner*” во французском языке всё более прочно закрепляется за именем, обозначающим «обед». Соответственно, герундий этого глагола “*en déjeunant*” скорее воспринимается как описание ситуации обеда, чем завтрака. Для современных французов обед (“*le déjeuner*”) — это основная еда, во время которой можно отдохнуть, поговорить, пофилософствовать. В современной Франции получили широкое распространение так называемые *déjeuners d'affaire*, во время которых обсуждаются многие проблемы. Позволить себе это могут довольно многие. Иначе говоря, беседа за обедом — *en déjeunant* — воспринимается как нечто обычное и естественное. Поэтому и ситуация, реконструированная в переводе, не может служить для характеристики персонажей.

Судя по всему, переводчик увлёкся главным парадоксом ситуации — иностранец завтракал с Кантом, которого отделяла от современников Берлиоза более чем одна жизнь. Он не обратил внимания на знак, заключённый в слове «завтрак».

Однако выбор у него был, ведь в современной французской культуре существует «особый завтрак», не характерный для среднего француза. Французы, достигшие определённого положения в обществе, в исключительных случаях особой значимости теряют массу драгоценного утреннего времени в парижских пробках, чтобы приехать на “*petit déjeuner*”, заказанный заранее и весьма дорогой завтрак, например в гостинице “*Ritz*”, где бывали М. Пруст, Гитлер и многие другие знаменитости, или в каком-либо ином шикарном отеле. Там они, подобно Воланду и Канту, неспешно об-

суждают важные проблемы. Сохранение в переводе обозначения именно «завтрака» (“*petit déjeuner*”) позволило бы показать не только исключительность ситуации, но и значительность её участников. Французский язык не противодействует такому решению. Форма “*au petit déjeuner*” (вариант “*au petit-déjeuner*”) не нарушила бы стиля повествования.

Таким образом, переводчик, приняв своё переводческое решение, осуществил в известном смысле дифференциацию значений. Он сместил фрейм трапезы, описанный Булгаковым, на одну фазу по временной шкале и «стёр» сему необычности поведения, свойственного этим персонажам, что являлось их важной характеристикой. Во французской версии идеальная русская картина исключительной ситуации, в которой участвуют исключительные люди, оказалась несколько менее выразительной.

Обратимся теперь к переводу этой сцены на греческий язык, где, на наш взгляд, данная ситуативная реалья достаточно точно передана переводчиками.

Του τό’ λέγα εγώ τότε **στο πρόγευμα**: «Καθηγητά μου, αν επιτρέπετε, επινοήσατε κάτι ασυνάρτητο! Ίσως να είναι κι έξυπνο, αλλά είναι φοβερά ακαταλαβίστικο. Θα γελούν με σας».

Ο Μπερλιόζ γούρλωσε τα μάτια του. «**Στο πρόγευμα...** στον Κανт;... Τι τσαμπουνάει αυτός;» σκέφτηκε (гл. 1, с. 14).

В переводе на греческий язык русское выражение «за завтраком» звучит как «στο πρόγευμα».

Однако следует отметить, что в греческом языке помимо слова «*το πρόγευμα*» (кстати, употребляемого не так часто) используются слова: «*το πρωινό*» («завтрак») и «*το коλατσιό*» («лёгкий завтрак»).

Почему же переводчик выбрал форму, менее распространённую в языке? Рассмотрим значение каждого из существующих слов, имеющих значение «завтрак», и попытаемся определить, почему переводчики выбрали слово «*το πρόγευμα*» и насколько оно адекватно передаёт ситуацию, описанную в романе.

Начнём со слова «*το πρωινό*», которое до 1961 г. использовалось только в значении «утро», «утренние часы» (на димотике; до 1961 г. существовали два языка *димотики* и *кафаревуса*). Только после признания «димотики» литературным языком слово «*το πρωινό*» начинает использоваться в значении «завтрак». Сегодня это слово используется в двух значениях: «часть дня, утро» и «первое принятие пищи в утренние часы» [Σύγχρονον Ορθογραφικόν — Ερμηνευτικόν Λεξικόν Της Ελληνικής Γλώσσης (Καθαρεύουσας — Δημοτικής), Επιμελητής της ύλης Θ. Γούλας, Ο.Ε.Ε., «Ατλας», Αθηναί, 1961, с. 1606. Далее: Σύγχρονον Ορθογραφικόν]. Большей частью для обозначения второго значения оно используется вместе с глаголами «*παιρνω*» («принимать, брать») и «*τρῶω* (*έφαγα*)» («есть, кушать»). Например: Έφουγε

για δαυλιά χωρίς να πάρει το πρωινό (досл. перевод: Ушёл на работу, не приняв (не взяв) завтрака. Ушёл на работу, не позавтракав) [Λεξικό Της Κοινής Νεοελληνικής, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών [Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη], Θεσσαλονίκη, 1998, с. 1158. Далее: Μανόλη Τριανταφυλλίδη].

Следует также отметить, что слово «το πρωινό» широко используется и в рекламных буклетах гостиниц, кафе и ресторанов. Например: Στο ξενοδοχείο серβίρουν πρωινό, γεύμα και βραδινό (*В гостинице предлагают завтрак, обед и ужин*) [Μανόλη Τριανταφυλλίδη..., там же].

В переводе на греческий язык данного фрагмента текста переводчик решил не использовать слово «το πρωινό», так как никаких ассоциаций, связанных с необычностью данного приёма пищи и тех, кто участвует в этом процессе, оно не вызывает, так как для грека это просто действие — принятие любой пищи. В этом слове присутствует только темпоральный компонент — «завтрак — это утренняя еда».

Слово «το κολατσιό» (заимствованное из венецианского «kolatsio») также не было выбрано переводчиком, так как обычно оно используется, когда говорится об утренней еде, а большей частью вообще о еде, приготовленной на скорую руку [Σύγχρονον Ορθογραφικόν..., с. 1054].

Переводчик свой выбор остановил на слове «το πρόγευμα». Почему? В «Современном словаре греческого языка» [Σύγχρονον Ορθογραφικόν..., там же], изданном в 1961 г., слово «το πρόγευμα» приводится в следующих значениях: «утренняя пища» или «утреннее блюдо». Данное слово обычно используется, если речь заходит не просто об утренней еде, а когда утренний приём пищи принимает официальный характер, например: Ο πρωθυπουργός παρέθεσε πρόγευμα εργασίας (*Премьер-министр дал званый завтрак*) [Μανόλη Τριανταφυλλίδη..., с. 1158].

Таким образом, в повседневной жизни, говоря о завтраке, греки употребляют слово «το πρωινό», а для того чтобы подчеркнуть исключительность ситуации и значительность её участников, переводчик вполне резонно использовал слово «το πρόγευμα».

Приведём ещё примеры, описывающие интересующую нас ситуацию, а именно ситуацию, описывающую «завтрак».

Страннейший завтрак у покойного философа Канта... (гл. 3, с. 360).

На французский язык данный фрагмент переводится как «страннейший обед» — ...*cet étrange déjeuner avec le défunt philosophe Kant...* (гл. 3, с. 73), что также, на наш взгляд, менее точно передаёт ситуацию, представленную в тексте оригинала, и «стирает» сему «необычности происходящего» и не даёт того представления о персонажах, которое складывается у русского читателя.

В греческом языке данная фраза звучит следующим образом: *Ναι, πραγματικά έτσι εζηγούνταν όλα: και το υπεραλλόγοτο πρόγευμα με τον μακαρίτη φιλόσοφο Кант...* [Кер., 3, с. 47].

Здесь для перевода слова «завтрак» также используется слово «*το πρόγευμα*», подчёркивающее необычность персонажей, поэтому перевод вполне адекватен. Помимо этого значение слова «завтрак» усиливается прилагательным в превосходной степени «*στραγγιλλοτατα*» — «*υπεραλλόγοτος, το υπεραλλόγοτο πρόγευμα*». Данное прилагательное составлено переводчиками из двух слов «*υπερ* – *αλλόγοτος*» = «*υπερ* (*гипер*) + *αλλόγοτος* (*странный*)» = «*гиперстранный*». Данного слова нет в греческом словаре — это так называемый «переводческий фразеологизм», который был придуман переводчиками скорее всего для того, чтобы подчеркнуть необычность завтрака.

Рассмотрим ещё один фрагмент текста, где речь заходит о завтраке.

«...*сидели в столовой квартиры, доканчивая завтрак...*» (гл. 27, с. 644).

В данной сцене речь идёт опять же о Воланде, Азazelло и Коровьеве, которые «*в обычном своём наряде, а вовсе не во фракном праздничном, сидели в столовой квартиры, доканчивая завтрак*». Интересно, что за абзац до этого фрагмента Булгаков, описывая действия обычных людей, а именно «*мужчин, одетых в штатское*», пишет, что было «*около четырёх часов жаркого дня...*», а ещё за абзац — «*между тем время приближалось к обеду...*».

Создаётся впечатление, что М. Булгаков намеренно, описывая Воланда и его свиту, использует слово «завтрак», чтобы ещё раз подчеркнуть исключительность этих героев, не подчиняющихся обычному распорядку дня.

Во французском переводе мы читаем: «...*finissaient de déjeuner dans la sale à manger*» (гл. 27, с. 458). Переводчик традиционно вместо слова «завтрак» использует слово «обед», таким образом стирая виртуальную сему, заложенную в тексте оригинала. Он следует логике, так как в предыдущих абзацах речь идёт именно о времени обеда: «*сependant, l'heure du déjeuner approchait...*» («*время приближалось к обеду...*»).

В греческом варианте романа переводчики, напротив, проводят очень чёткую грань между обычными людьми и компанией Воланда. Как и в начале романа, переводя слово «завтрак», они используют слово «*το πρόγευμά*» («...*καθόταν στην τραπέζαρία του διαμερίσματος, τελειώνοντας το πρόγευμά τους*») (гл. 27, с. 376), описывая затянувшийся до 16 часов завтрак, который могли себе позволить только те, кто когда-то завтракал с Кантом.

А во фразе из предыдущего абзаца «*Στο μεταξύ πλησίαζε η ώρα του φαγητού...*» (гл. 27, с. 376) («*Между тем время приближалось к обеду...*») переводчики использовали слово «*το φαγητό*», которое в гре-

ческом языке используется в двух значениях: «еда, приготовленная определённым образом» и «принятие пищи в определённое время и определённым образом», а именно указывает только на принятие пищи, то есть если в сцене, описывающей Воланда и его свиту, Булгаков стремится, на наш взгляд, подчеркнуть официальность и философскую натуру своих героев и переводчики чётко следуют за автором, выбирая именно слово «*то прѳбуеица*», то в данном случае речь идёт просто о том, что настало время обеда, принятия пищи.

Таким образом, проанализировав лишь несколько фрагментов из текста романа «Мастер и Маргарита», в которых речь идёт о первом приёме пищи, а именно о завтраке, можно сделать вывод, что французскому переводчику передать необычность ситуации и исключительность героев, участвующих в ней, удалось недостаточно хорошо, он «стѳр» сему необычности поведения, свойственного этим персонажам, что являлось их важной характеристикой.

А в переводе романа на греческий язык, напротив, на наш взгляд, переводчики попытались максимально подчеркнуть необычность описываемых героев, их исключительность и неординарность.

Можно предположить, что греческому коллективу переводчиков лучше удалось разобраться в «картине мира» М.А. Булгакова, глубже проникнуть в русскую культуру и традиции, знание которых необходимо для адекватного перевода.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Перевод и смысл: к постановке вопроса // Труды Высшей школы перевода (факультета) Моск. гос. ун-та имени М.В. Ломоносова. Книга первая. 2005—2010. М., 2010. С. 110.
- Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Не забывай сомневаться // Университетское переводоведение. Вып. 11: Мат-лы XI международной конференции по переводоведению «Фѳдоровские чтения» 20—23 октября 2010. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2011. С. 127—128.
- Дзида Н.Н.* Концептуальное пространство романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык // Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиотический аспекты. Тюмень: Вектор Бук, 2009. С. 36—41.
- Есакова М.Н.* Теория фреймов как способ представления действительности и категория ситуативных реалий // Труды Высшей школы перевода (факультета) Моск. гос. ун-та имени М.В. Ломоносова. Книга первая. 2005—2010. М., 2010. С. 182—199.
- Костикова О.И.* Переводческая критика, «критические переводы» и опыт освоения «чужого» // Труды Высшей школы перевода (факультета) Моск. гос. ун-та имени М.В. Ломоносова. Книга первая. 2005—2010. М., 2010. С. 171.
- Кушнина Л.В., Силантьева М.С.* Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестн. Перм. ун-та. 2010. № 6. С. 73.

- Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. М.: Прогресс, 1989. С. 32—62.
- Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. 111 с.
- Петровский М.А.* Мастер на все времена: К 100-летию со дня рождения М. Булгакова // Семья и школа. 1991. № 5. С. 46—49.
- Русские писатели о переводе: XVIII—XX вв. / Под ред. Ю.Д. Левина, А.Ф. Фёдорова. Л.: Советский писатель, 1960.
- Томахин Г.Д.* Перевод как межкультурная коммуникация // Перевод и коммуникация. М.: ИЯЗ РАН, 1997. С. 129—137.

Источники

- Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. Минск: Юнацтва, 1988.
- Boulgakov, M.* Le Maître et Marguerite: Traduit du Russe par Claude Ligny. P., 1997.
- Μιχαήλ, Μπουλγκακoφ.* Ο Μαιτρ και η Μαργαρίτα. Μετάφραση: Τίνα Καραγεωργίου, Γιούρι Γιαννακόπουλος, Εκδόσης Θεμέλιο, Αθήνα, 1991.
- Σύγχρονον, Ορθογραφικόν — Ερμηνευτικόν Λεξικόν Της Ελληνικής Γλώσσης (Καθαρεύουσας — Δημοτικής), Επιμελητής της ύλης Θ. Γούλας, Ο.Ε.Ε., «Ατλας», Αθηναί, 1961.
- Λεξικό Της Κοινής Νεοελληνικής, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών [Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη], Θεσσαλονίκη, 1998.
- Новогреческо-русский словарь [Ελληνορώσικο Λεξικό]. М.: Изд-во «Культура и традиции», 1993.

М.Е. Коровкина,

доцент Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ); e-mail: mekorovkina@gmail.com

О ВЛИЯНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА НА ПЕРЕВОД (на примере особенностей перевода русскоязычных бессубъектных конструкций на английский язык)

В статье рассматриваются некоторые различия фрагментов концептуальной и языковой картины мира русского и английского языков. Эти различия вытекают из специфики мировосприятия, концептуализации и категоризации действительности носителями русского и английского языков, которые затем отражаются в языковой картине мира на всех уровнях языка: грамматическом, семантическом и стилистическом. В частности, в статье описываются такие психологические особенности представителей русскоязычного лингвосоциума, как фатализм и иррациональность или смирение и покорность высшей воле, и отмечается их некоторое влияние на широкое распространение таких синтаксических явлений русского языка, как бессубъектные конструкции и номинализация. Также в статье даётся краткая характеристика особенностей концептуализации действительности английским языком, в частности желание контролировать действительность, и прослеживается их некоторая взаимосвязь с грамматическим анимизмом. Таким образом, в статье представлено описание несоответствий грамматического уровня языковой картины мира русского и английского языков и способы преодоления таких несоответствий при переводе.

Ключевые слова: национальная картина мира, перевод, русскоязычный лингвосоциум, англоязычный лингвосоциум, особенности концептуализации и категоризации действительности, грамматика, семантика, стилистика, бессубъектные конструкции русского языка, номинализация.

Marina Ye. Korovkina,

Associate Professor at Moscow State Linguistic University (MGLU), Russia; e-mail: mekorovkina@gmail.com

Impact of National World Outlook on Translation: A Case Study of the Specifics of Translating Russian Syntactic Constructions without Subject into English

The article deals with certain differences in the fragments of conceptual and linguistic world image (or outlook) of the Russian and English-speaking communities. These differences come from the specifics of the conceptualization and categorization by Russian and English speakers, which are reflected in the language at all its levels: grammar (syntax), semantics and stylistics. In particular, the article describes such important psychological traits of the Russian-speaking community as fatalism and irrationality or humility and submission to supreme will, which may be translated into a rather frequent use of syntactic constructions without subject and a trend towards nominalization. The article also gives a brief description of the specific features of the English-speaking community; for example, the desire to take the situation under control and an active attitude in life, which may entail at the language level, among other things, the use of syntactic metaphors as subjects. In addition to the theoretic account of language differences, the article contains

some examples illustrating syntactic discrepancies between the Russian and English languages and the ways of finding the equivalents in translation, thus bridging the gap.

Key words: national world image (outlook), translation, Russian-speaking community, English-speaking community, the specifics of world conceptualization and categorization, grammar, semantics, stylistics, Russian syntactic constructions without subject, nominalization.

В статье рассматриваются некоторые различия фрагмента концептуальной и языковой картины мира русского и английского языков грамматического уровня, представляющие собой определённые переводческие проблемы. Решение этих проблем неоднократно описывалось теоретиками и практиками перевода [см.: Бреус, 1998, 2001, 2007; Гак, 1998; Швейцер, 1996; Черняховская, 1976], но хотелось бы, чтобы такая прикладная отрасль знания, как методика преподавания перевода, более активно использовала результаты исследований, проводимых в рамках концептуального анализа, и переводческие решения обосновывались и объяснялись именно с точки зрения различий в концептуализации действительности двух языков.

Концептуализация действительности человеком, т.е. её восприятие и осмысление, формирует концептуальную картину мира, которая находится с языковой картиной мира в сложном единстве: в процессе такого осмысления мира человек даёт названия явлениям окружающей его действительности. Концептуальная картина мира выражается не только в словах, через язык, она гораздо шире и многограннее. Её также выражает искусство, культовое и светское, социокультурные стереотипы поведения людей (этикет, мода), способы ведения хозяйства [Постовалова, 1988, с. 21]. Тем не менее именно язык, вернее, мышление в его тесной связи с языком, является основным инструментом познания и отражения действительности. Процесс познания окружающего мира идёт в рамках классификации и номинации явлений: в языке появляются новые понятия, называющие новые явление действительности, при этом в языке сохраняется весь ценный опыт, накопленный человечеством: «язык не только передаёт внеязыковую информацию в процессе дискурса, но и симультанно накапливает её в своих единицах, а также более или менее длительно хранит и в процессе постоянно идущей социализации членов культурно-языковой общности сообщает её им, т.е. носителям языка» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 506]. Авторы труда «Язык и культура» также отмечают, что основная информация о действительности аккумулируется в строевых элементах речи, прежде всего в лексике, а также во фразеологии и языковой афористике: самым важным накопителем информации об окружающем мире является слово или лексическое

понятие. Под лексическим понятием подразумеваем «бытовые, обиходные понятия, т.е. понятия, являющиеся плодами нестройной классифицирующей деятельности людей (членов определённой культурно-языковой общности)» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 44]. Авторы цитируемого труда привели много доказательств, в том числе из области психолингвистики и патологии речи, невербального характера лексических понятий. На наш взгляд, самым ярким лингвистическим доказательством такого невербального характера лексических понятий является факт существования лексических лагун: понятие существует в обоих языках, но слово-лексема, выражающее это понятие, есть только в одном. Например, слово *сутки* русского языка не имеет прямого эквивалента в английском и переводится описательно: *twenty four hours, day and night, round the clock* (здесь и далее по тексту курсив мой. — М.К.).

Универсальность человеческого мышления и понятий связана с априорным опытом человека, а апостериорность опыта воплощается в лингвоспецифичности языка: при вербализации понятий в словах-лексемах отражается собственное видение мира и особенности культуры того или иного этно- или лингвокультурного сообщества: «культура этноса, имея общечеловеческий компонент, в то же время, с одной стороны, отчасти обусловлена частными условиями его проживания и, с другой, она, эта культура, в рамках свойственной людям игры... отчасти привносит свои предпочтения в обустройство мира» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 927]. Разница в абстрактных представлениях языка, в концептуализации действительности может объясняться различиями в климате, образе жизни народов, особенностями национального характера, обусловленными психологическими и религиозными факторами. Как отмечает Е.В. Падучева, удивительным является не то, что «в эскимосском языке есть много названий для снега, в арабском — для верблюда, а в китайском для риса: язык отражает условия существования его народа и содержит имена и реалии, специфические для данного народа. Гораздо более удивительно, что языки существенно различаются степенью тщательности разработки вполне абстрактных семантических полей — таких как каузация, агентивность, сфера эмоционального и др.» [Вежицкая, 1997, с. 21].

Национально-специфичное или культурно-специфичное отражается в структуре значения слова или лексического понятия как основного инструмента классификации действительности. Вместо лексического понятия в концептуальном анализе используется близкий по смыслу термин «концепт». Концептом называется совокупность представлений, переживаний, ассоциаций, которыми сопровождается то или иное слово. «У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит всё, что принадлежит строе-

нию понятия...; с другой стороны, в структуру концепта входит всё то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология)...; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов, 2004, с. 43]. По мнению Ю.С. Степанова, концепты не только мыслятся, но и чувствуются, они представляют собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [там же].

В.И. Заботкина, подробно разбирая структуру значения и её связь с национально-культурной спецификой, пишет, что культурно-специфичные концепты могут выражаться ядром значения, его интенционалом, и тогда они представляют собой реалии. Таких слов не так уж и много. В основном интенционалы слов выражают понятия, универсальные для различных культур. «Благодаря тому, что интенционалы разных слов соотносятся с одним и тем же фрагментом в концептуальной картине мира, возможен адекватный перевод с одного языка на другой» [Заботкина, 2012, с. 337]. Чаше культурная специфика выражается на уровне импликационала, то есть периферией структуры значения слова, и тогда речь идёт о коннотациях, связанных с национально-культурными ассоциациями или фоновыми знаниями (лексическим фоном, по терминологии Е.М. Костомарова и В.Г. Верещагина). Вследствие различной концептуализации действительности место и роль концептов в языке различна, а также различна структура значения концептов. Например, концепты, занимающие видное место в менталитете представителя англоязычного лингвосоциума, такие как *privacy*, *efficiency*, отсутствуют в русскоязычной картине мира [Заботкина, 2012, с. 74]. А такие концепты русского языка, как *душа*, *стыд*, *совесть*, имеют периферийные компоненты значения, совершенно отличные от их англоязычных эквивалентов [Арутюнова, 2000; Урынсон, 1999]. То же самое можно сказать и об англоязычном концепте *time*: время рассматривается в английском языке как ценный товар: *time is money* [Lakoff, Johnson, 1980, p. 7], что не соответствует русскому языку. Концепты относятся к номинативным единицам языка, сравнительным анализом которых успешно и плодотворно занимаются когнитивная лингвистика и концептуальный анализ. Кроме номинативных единиц, обладающих ярко выраженной культурной спецификой, в языке выделяются реляционные единицы, «указывающие отношения (реляции) между номинативными языковыми единицами» [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 75]. Как отмечают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, данные единицы, принадлежащие к фонетико-интонационному, морфологическому и синтаксическому уровням, также могут обладать лингвоспецифичностью, объясняющейся разницей в концептуализации действительности, но этот вопрос ещё не получил широкой разработки в лингвистике.

Рассмотрим некоторые особенности синтаксиса русского языка, которые могут объясняться как раз спецификой концептуализации действительности, особенностями менталитета представителя русскоязычного лингвосоциума.

Как известно, Ш. Балли выделил два подхода, характеризующих восприятие действительности языком:

1. Феноменологический (импрессионистский) подход. Он характеризуется обилием безличных глаголов, например, по реке несёт лёд, несёт пар из бани [Балли, 2003, с. 188, примеры Ш. Балли], причём данные глаголы имеют чисто переходный смысл. В.Г. Так интерпретирует данный подход следующим образом: «При феноменистическом, или импрессионистическом, подходе разум ограничивается первоначальным впечатлением от ситуации, причина происходящего не выявляется, феномен интерпретируется как внутренняя деятельность» [Балли, 2003, с. 14].

2. Каузальный. В данном случае «мысль инстинктивно обращается к поискам причины и следствия; определённый феномен вызывает идею агенса, производящего транзитивное действие, способное влиять на объект. Когда реальная действительность не предлагает агенса, его, не колеблясь, воображают...» [Балли, 2003, с. 186].

В русском языке преобладает феноменологический, или импрессионистский подход, что доказывается анализом синтаксических процессов, наблюдаемых в русском языке. В частности, Е.М. Галкина-Федорук: «Количество безличных предложений в современном русском языке все время возрастает. Этот рост следует объяснять не только постоянным развитием и совершенствованием форм мышления..., но и различными грамматическими процессами, природа которых, в конце концов, тоже подчинена растущей сложности содержания речи. Наши данные показывают, что многие личные глаголы начинают употребляться по типу безличных. С другой стороны, некоторые виды безличных предложений остаются в языке в виде реликтов более старых форм мысли» [Галкина-Федорук, 1958, с. 151].

Действительно, некоторые переходные конструкции с развитием форм языка и мышления стали употребляться как безличные. Например: *Die Wolke gießt Regen* — Туча проливается дождём/льёт дождь. — *Es gießt* — Льёт (как из ведра) [Балли, 2003, с. 188]. Тем не менее некоторые учёные считают, что первоначально безличность была связана с архаичными языковыми формами, восходящими к древним индоевропейским языкам, и объясняется нерасчленённостью внешнего и внутреннего мира человека: «...перед нами внутренний мир человека, освоенный по образцу внешнего. Но этот внутренний мир все ещё не вполне “ментальный”, это — не

мир мыслей, логики, а мир неких внешних сил, вызывающих состояния духа и чувства» [Степанов, 2004, с. 220].

Таким образом, мы наблюдаем сложную картину процесса развития категории безличности. С одной стороны, это сохранение архаичных, реликтовых форм, с другой, усложнение восприятия действительности и мышления, которое парадоксальным образом проявляется в увеличении безличных форм. Некоторые учёные объясняют такое широкое распространение бессубъектных конструкций особым мировосприятием русскоязычного человека.

Например, А. Вежицкая объясняет это склонностью русских к пассивности и к фатализму, антирационализму или иррациональности и неконтролируемости событий, что нашло своё отражение в русском языке инфинитивными конструкциями с предикатами необходимости и возможности, инфинитивными конструкциями без модальных слов, рефлексивными конструкциями, всё возрастающим количеством безличных предложений в современном русском языке. А. Вежицкая делает вывод, что «богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причём эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими, как и судьба» [Вежицкая, 1997, с. 76]. (Ср. русское авось, тема судьбы, связанная с невозможностью контролировать события [Вежицкая, 1997, с. 76; Верещагин, Костомаров, 2005, с. 812; Понятие судьбы, 1994].)

Анализ, проведённый А. Вежицкой, подтверждается результатами исследований Н.К. Рябцевой, которая также отмечает распространённость бессубъектных конструкций, согласующихся с мироощущением русского человека: «Действующие в мире силы сильнее человека, не подконтрольны ему... и осмысляются как направляемые особыми, нечеловеческими, сверхчеловеческими явлениями, “силами”, которые ненаблюдаемы, неочевидны, их субъект невидим и потому таинствен, мистичен» [Рябцева, 2005, с. 92].

В английском языке наблюдается другая тенденция. По мнению А. Вежицкой, английский язык обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто «мы всецело управляем ими, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем; даже ограничения и вынужденные действия представлены в нем именно с такой точки зрения» [Вежицкая, 1997, с. 56]. Может быть, это является одной из причин того, что в английском языке в высказывании обязательно

должно быть подлежащее, так как «субъект предложения... представляется как отчётливо выделенный из окружающего его фона» [Степанов, 2004, с. 220].

Н.К. Рябцева делает в этой связи следующий вывод относительно картины мира английского лингвосоциума: «в английской картине мира выделяется не то, что правит миром и изменяет его, а какие изменения в нём происходят и каков их результат» [Рябцева, 1996, с. 29].

Проанализируем способы передачи несоответствий в синтаксических конструкциях русского и английского языков, связанных с наличием или отсутствием в предложении подлежащего. Как известно, в английском языке в предложении обязательно должно быть подлежащее.

На практике это означает, что всё многообразие бессубъектных синтаксических конструкций при переводе с русского языка на английский необходимо трансформировать в предложения с субъектом. Грамматические трансформации, используемые в данном случае, сводятся к следующей схеме:

1. Использование грамматического приёма перевода замены членов предложений, при котором подлежащим становится второстепенный член предложения (чаще всего дополнение). Рассмотрим некоторые примеры перевода с русского языка на английский бессубъектных конструкций:

- Неопределённо-личное предложение:

Однако, как выяснили в Минэкономразвития, *данной проблеме* до сих пор *не было уделено* должного внимания. В первую очередь Минфином. — But, according to the Ministry for Economic Development and Trade, *this problem has been handled* inappropriately, first of all by the Finance Ministry.

- Рефлексивная конструкция:

В любой стране со стабильной экономикой на крупные предприятия *приходится* удивительно небольшая доля ВВП. — In fact, in any stable nation, big business *accounts for* a surprisingly small amount of the GDP.

- Предикаты необходимости и возможности, выраженные словами—категориями состояния:

Для выполнения своих обязанностей *аудитору необходимо* проверить внутреннюю бухгалтерию компании, её активы, бухгалтерские проводки и т.д. — To perform his or her duties and obligations *an auditor has to* audit internal company accounting, its assets, book entries, etc.

2. Ввод подлежащего из более широкого контекста, являющийся частным случаем приёма добавления. Например:

- Перевод безличных предложений

1. Таким образом, в ближайшие месяцы *не исключено* создание нового российско-вьетнамского нефтедобывающего совместного предприятия. — So, *Russia and Vietnam may set up a new oil-production JV in the coming months.*

2. Мы считаем, что во всём мире *нужно* ввести единые стандарты бухгалтерской отчётности. Я не уверен, что от этого будет легче, но что будет лучше — это точно. — We think that *we need* uniform global accounting standards. I am not sure that *it will be easier*, but *it will certainly be better.*

Как уже было сказано выше, желание контролировать происходящие изменения в окружающем мире в картине мира англоязычного лингвосоциума, возможно, привело к тому, что в предложении обязательно должен быть субъект действия, который этот контроль осуществляет. Этот психологический феномен мог явиться причиной бурного развития такого явления, как грамматический или синтаксический анимизм, когда в роли подлежащего вместо одушевлённого существительного употребляется неодушевлённое (называющее место, причину, орудие действия и т.д., играющего роль субъекта действия), по сути, просто заполняющее валентность подлежащего, так как реального субъекта действия не наблюдается. Но нужно сказать, что это явление характерно и для других европейских языков, не только для английского. Далее приводятся дословные переводы типичных синтаксических метафор французского языка: *Конгресс собрал 1000 делегатов. Дождь помешал мне выйти. Вино делает его больным. Катастрофа убила пять человек. Октябрь видел повышение цен на нефть* [Гак, 1998, с. 751]. С подлежащим, выраженным неодушевлённым существительным, сочетается антропоморфный глагол. В русском языке синтаксические метафоры практически не встречаются. Соответствующие таким конструкциям предложения русского языка представляют собой высказывания с обратным порядком слов, когда подлежащее следует за сказуемым, а в начале предложения на месте темы стоит второстепенный член, часто обстоятельство. В подобных конструкциях в русском языке и в синтаксических метафорах английского языка часто встречаются десемантизированные глаголы, находящиеся между собой в метонимических отношениях. При этом глаголы языка оригинала и перевода находятся между собой в метонимических отношениях:

1. Глаголы *to see, to signal, to witness* в сочетании с подлежащим, выражающим даты или временные отрезки:

- *В прошедшем году был достигнут* определённый прогресс в налоговой реформе. — *The last/past year witnessed* some progress in the tax reform.

• В этом месяце обанкротился один из крупнейших гонконгских банков — «Перегрин инвестментс холдинг». — *This month has seen the bankruptcy of Peregrin Investments Holding, one of the largest banks in Hong Kong.*

2. Глаголы, выражающие причинно-следственную связь:

• Из-за корпоративных скандалов и обвала акций интернет-компаний произошло резкое падение инвестиций. — *Corporate scandals and the Internet companies' stocks collapse triggered/caused a drastic drop in investments.*

3. Глаголы различной семантики:

6—7 февраля в городке Бока Ратон (Флорида) пройдёт встреча министров финансов стран «Большой семёрки». — *On February 6—7, the town of Boca Raton (Florida) will be hosting a G6 summit of finance ministers.*

Использование однозначных глаголов в таких конструкциях делает подлежащее более реальным субъектом действия, наделяющим большей степенью одушевлённости, на взгляд носителя русского языка:

• По межбанковскому рынку начали циркулировать «черные списки». В результате рынок «схлопнулся». — *The inter-banking market started to circulate black lists, which then resulted in a market crash.*

При этом часто синтаксическая метафора используется именно при переводе с русского языка бессубъектных конструкций.

• На втором этапе стали решать экономическую задачу — отнимать собственность. *The second stage focused on the economic tasks of property seizure.*

Рассмотренные синтаксические конструкции принадлежат также уровню стилистики, который занимает промежуточное место между номинативными и реляционными единицами [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 77].

Ещё одна стилистическая особенность русского языка, связанная с синтаксическим уровнем и конкретно с бессубъектностью — это тенденция к номинализации. В русском языке при описании ситуации часто используются такие конструкции, которые грамматически имеют субъект, но, по сути, являются бессубъектными. Ср.: *Работа идёт хорошо. — Мы активно работаем.*

Обилие конструкций с отглагольными существительными представляет определённые переводческие трудности.

Например, в русском языке подлежащее часто бывает выражено абстрактным или отглагольным существительным, а сказуемое — тематическим глаголом широкой семантики типа *составить, осуществлять, существовать, быть характерным, идти, наблюдаться* и т.д. Такие глаголы, на наш взгляд, относятся одновременно и

к реляционным, и к номинативным языковым единицам, так как служат в предложении для связи подлежащего с ремой.

В данном случае оправданно применение такого грамматического приёма перевода, как развёртывание редуцированного предиката.

Например:

- При этом *перedel собственности будет идти* во многих отраслях российской экономики. — *Property will be redistributed in many industries.*

- *Осложнение экономической ситуации связано с низким объёмом капиталовложений и замедленными темпами реструктуризации.* — *The economic situation has deteriorated because of low level of investment and slow restructuring.*

При переводе абстрактных существительных тоже может применяться этот же приём:

- В настоящее время *деятельность* коммерческих банков в России *осуществляется* в достаточно сложных условиях, на фоне платёжного кризиса, инфляции и банковского кризиса. — Today, Russian commercial *banks operate* in a difficult economic environment that includes/against the background of the payment and banking crises and inflation.

Как мы видим из примеров, при переводе подлежащим в английском языке становится существительное, стоящее в русской фразе в родительном падеже.

Иногда отглагольные существительные в русском языке образуют целые цепочки. По наблюдению Н.К. Рябцевой, в русском языке определительные отношения оформляются при помощи цепочек существительных в родительном падеже: «Генитивная конструкция весьма продуктивна и способна к практически бесконечному наращиванию, к инкорпорации большого числа составляющих: ускорение динамики роста производительности труда рабочих добывающей промышленности» [Рябцева, 1996, с. 47].

Если в тексте встречаются такие цепочки из существительных в р.п. (и в других косвенных падежах), то нужно применять различные приёмы перевода, основным из которых является развёртывание редуцированного предиката, что часто приводит к возникновению ещё одного предиката. Нужно иметь в виду, что перевод при помощи конструкции с предлогом *of* не является идиоматичным и ведёт к затемнению смысла русского предложения, переводимого на английский язык. Например:

- *К моменту обретения островом независимости* в 1968 г. значительная часть его территории уже была изуродована разработками. — *When the island became independent* in 1968, most of its territory had already been disfigured by the mines.

• При этом эксперты Всемирного банка и МВФ полагают, что *урегулирование проблемы задолженности Ханоя перед Москвой* является важным условием поддержания кредитоспособности СРВ. — The IMF and the World Bank experts believe Hanoi *must pay its debts to Moscow* to sustain its creditability. (Во втором примере при переводе использована глагольная метонимия.)

Итак, вышеприведённые примеры показывают, что корректный перевод русских бессубъектных и номинативных конструкций на английский язык можно осуществить только путём нахождения идиоматичного субъекта действия с учётом лингвоспецифичности правил сочетаемости того или иного языка, то есть их «осубъечивания» в той или иной форме.

В заключение можно сделать вывод, что стилистические особенности синтаксического уровня выражают не только отношения между номинативными языковыми единицами — основными аккумуляторами культурного пласта, но и лингвоспецифичность, связанную с национальным своеобразием концептуализации действительности. Как уже было сказано, распространение бессубъектных конструкций в русском языке может объясняться менталитетом русскоязычного человека, пониманием того, что в мире действуют силы, которые не подвластны контролю человека. На наш взгляд, бессубъектные синтаксические конструкции и номинализация (например, номинализация сказуемого и устранение субъекта) — это явления одного порядка, но это уже тема для отдельного исследования. И их можно объяснять, как это делает ряд авторов, фатализмом, пассивностью, иррациональностью, нежеланием управлять своей жизнью и т.д. или связать это с иными концептами — константами русской культуры: кротостью, смирением и покорностью высшей воле, хотя, возможно, все вышеперечисленные концепты произрастают из одного корня.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* О стыде и совести. Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54—79.
- Балли Ш.* Язык и жизнь. М.: УРСС, 2003. 230 с.
- Бреус Е.В.* Курс перевода с английского языка на русский. М.: Р. Валент, 2007. 320 с.
- Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО, 1998. 208 с.
- Бреус Е.В.* Теория и практика перевода с английского языка на русский: Учеб. пособие. Ч. 1. М.: УРАО, 2001. 104 с.
- Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. М.: Русские словари, 1997. 412 с. / Предисл. Е.В. Падучевой. С. 5—28.

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
- Галкина-Федорук Е.М.* Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 332 с.
- Заботкина В.И.* Слово и смысл. М.: РГГУ, 2012. 432 с.
- Рябцева Н.К.* Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект. Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание учёной степени доктора филологических наук. М., 1996. 112 с.
- Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.
- Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. 320 с.
- Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8—69.
- Степанов Ю.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Урысон Е.В.* Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 11—26.
- Швейцер А.Д.* Основные проблемы обучения переводу с русского языка на иностранный // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе. М.: МГЛУ, 1996. С. 84—90.
- Черняховская Л.А.* Перевод и смысловая структура. М.: Международные отношения, 1976. 264 с.
- Lakoff, George, Johnson, Mark.* Metaphors We Live By. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Ким Ире,

соискатель и преподаватель факультета Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: moscow_yirye@naver.com

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена вопросам лексической и терминологической вариативности корейского языка, в основу которой легли как лингвистические, так и экстралингвистические обстоятельства. В статье автор рассматривает не только исторические предпосылки, которые повлияли на расхождение двух вариантов корейского языка, но и даёт примеры расхождений в орфографии, фонетике, графике, семантике языковых единиц. В заключении описываются предпосылки и перспективы дальнейшего языкового сотрудничества и сближения между северным и южным вариантами корейского языка.

Ключевые слова: межъязыковые контрасты корейского языка, вариативность лексики корейского языка.

Kim Yirye,

Researcher and Lecturer at the Higher School of the Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: moscow_yirye@naver.com

Lexical and Terminological Variability in Korean

The article analyzes the issue of inter-language variability in the Korean language. The author researches not only the contrasts between the North and South varieties of the language in such fields as vocabulary, terminology and orthography, but also reveals the reasons for the diversification gap that exists between the two varieties today. The author also provides examples of contrastive characteristics of the North and South Korean linguistic realities. The article summarizes Korean and Russian linguists' opinions as regards various ways towards the future unification of both varieties of the Korean language.

Key words: inter-language varieties, Korean vocabulary, lexical and terminological contrasts.

Корейский язык — это родной язык корейцев, проживающих на Корейском полуострове и за его пределами, однако, в последнее время всё активнее поднимается вопрос о вариантности корейского языка, о предпосылках столь серьёзного лексического и терминологического дисбаланса в литературных языках Северной и Южной Кореи.

Развитие любого языка определяется взаимодействием внутрилингвистических и экстралингвистических факторов, которые оказывают влияние на языковую систему и, прежде всего, на лексику. Являясь частью национальной культуры, язык несёт в себе как об-

щечеловеческое, обусловленное единством видения мира людьми разных культур, так и этнонациональное, социально-политическое, которое проявляется в психологии народа и специфической картине мира людей конкретного региона.

Внутриязыковые отличия, или так называемые варианты, которые на настоящий момент присутствуют в корейском языке, возможно, не являются результатом кардинальных изменений картины мира и глубин ментальности корейского народа, проживающего в двух частях Корейского полуострова, однако они очевидны. К основным предпосылкам, повлиявшим на усиление дивергентности двух вариантов корейского языка, можно отнести следующие: 1) несформированность или незафиксированность основных норм и правил фонетики, орфографии, грамматики, морфологии корейского языка к концу XIX — началу XX в., к началу эпохи индустриализации, информатизации и глобализации; 2) отсутствие постоянного языкового общения на протяжении более полувека между гражданами и лингвистами РК и КНДР; 3) различия в социально-политическом устройстве двух стран, которое непосредственно оказало сильное влияние на язык; меры языковой политики, осуществляемые как Республикой Корея, так и КНДР, появление двух официальных вариантов корейского литературного языка (문화어 文化語 [мунхвао] «литературного язык» на Юге и 표준어 標準語 [пхёджуно] «стандартного языка» на Севере).

Современный корейский язык получил своё развитие с 1860 г., когда в стране (Чосон) стало разворачиваться патриотическое движение в поддержку «государственного языка». Социально-политические изменения в стране конца XIX века стали для языка эпохальными. Корейский язык (조선어 朝鮮語 [чосоно]) впервые за всю свою многовековую историю официальным эдиктом короля Кочжона получил статус государственного языка (국어 國語 [куго]), а корейский алфавит *хангыль* — статус государственной письменности (국문 國文 [кукмун]) [Дмитриева, 2005, с. 152].

Южнокорейский учёный-философ Ким Ён Ок в книге «Что будет с Восточным учением?» утверждает, что современный корейский язык берёт свое начало с середины XIX в., когда страна открыла границы, тем самым спровоцировав кардинальные изменения в языке. Важную роль в становлении корейского языка как национального в то время сыграли сторонники просветительно-патриотического движения «Кэхва ундон» и «Эгук кемон-ундон» (개화 운동 開化 運動, 애국 계몽 운동 愛國 啓蒙 運動), а также основоположник корейского научного языкознания Чу Си Гён, который в 1907 г., критикуя противников корейской письменности и смешанного письма, в статье «Необходимость национального языка и национальной письменности» призывал к активному изуче-

нию языка и предлагал создавать учебники, словари и литературные произведения для чтения на родном языке.

Период японского колониального режима оказал неоднозначное влияние на корейский язык и его развитие. В это время появилась плеяда выдающихся лингвистов (Ким Ду Бон, Ли Гю Ёнб Чхве Хён Бэ, Ким Юн Гён, Пэк Нам Гю, Со Джэ Пхиль и др.). Улавливая перемены, происходившие в языке и в обществе, эти лингвисты направили усилия на подготовку реформ, призванных унифицировать язык. Положительную роль в развитии и модернизации корейского языка сыграло корейское лингвистическое общество Хангыль-хакхве (изначальное название Чосоно ёнгухве). Лингвисты того времени правомерно полагали, что именно корейская национальная письменность *хангыль* сможет стать тем фактором, который повысит самосознание народа и подтолкнёт граждан к осознанию важности единого языка и письменности, его очищению от заимствований из китайского и японского языков.

Самым важным событием в корейской лексикографии стало издание в 1938 г. Мун Се Ёном «Словаря корейского языка» (조선어사전 [чосоно сачжон]). Также корейские лингвисты провели изучение основных корейских диалектов и пришли к мнению, что базовым диалектом национального литературного языка станет сеульский [Скорбатиук, 1996, с. 116].

Благоприятные условия для развития и совершенствования языка сложились после освобождения страны в 1945 г. Однако в результате раскола страны в 1948 г. усложнились не только социально-политическая обстановка на полуострове, но и языковая ситуация. С конца 40-х гг. XX в. в КНДР и РК предпринимались организованные попытки идти своим путем в развитии корейского языка. Оба государства получили выход на международную арену, однако они были к этому не готовы даже с языковой точки зрения, поэтому каждая из стран начала свою изолированную работу в этом направлении. Более того, картотеки единого «Словаря корейского языка» 1938 г. остались на Севере. Не успев окрепнуть, язык снова оказался в затруднительном положении [Похолкова, 2010, с. 83].

После освобождения от японской колонизации в 1957 г. «Обществом корейского языка» был создан «Большой словарь» (큰사전 [кхын саджон]) в 6 томах, самое полное и значимое лексикографическое издание Республики Корея. Этот толковый словарь включает в себя 164 125 слов. Наиболее заметными толковыми словарями нового времени являются «Большой словарь корейского языка» (국어대사전 [куго тэсаджон]) Ли Хи Сона 1982 г., а также «Новый большой словарь корейского языка» (새 우리말 큰사전 [сэ урималь кхын саджон]), составленный Син Ги Чолем, Син Ёнг Чолем в 1985 г.

В КНДР было принято решение всячески активизировать работу по внедрению единых нормативов в язык прессы, эта миссия возлагалась на «Научное общество корейской филологии» (조선어 학회 [чосон хакхве]). В рамках работы по ликвидации безграмотности в КНДР были отменены иероглифы, для просвещения масс с 1949 г. стали выходить специализированные журналы «Изучение корейского языка» и «Язык и письмо», в 1954 г. были опубликованы «Правила унифицированной орфографии корейского языка», по аналогии с правилами 1933 г., которые остались на Юге). В 1952 г. создана Академия наук КНДР, первым действительным членом и президентом которой стал председатель президиума Верховного народного собрания КНДР, известный лингвист Ким Ду Бон. Началом «языковой революции» в КНДР стали 1960-е гг. Так, например, 3 января 1964 г. вышли указания Ким Ир Сена «Положения о развитии корейского языка», 14 мая 1966 г. — «Как должным образом сохранить национальные особенности корейского языка», также в 1966 г. был опубликован «Сборник критериев корейского языка». В 60-е гг. и на Севере и на Юге активная работа по упорядочению лексики и выведению из пользования иероглифики стала ключевой частью государственной политики. Целенаправленная политика очищения языка не смогла лишить язык приверженности к наиболее продуктивным элементам корейского языка — иероглифическим.

В РК работа лингвистов по упорядочению лексики велась не менее активно, чем в КНДР. Ключевым направлением деятельности была работа по введению специальных нормативов транслитерации иноязычных заимствований. Правила корейской орфографии, разработанные «Корейским лингвистическим обществом» в 1933 г., дополнялись на Юге в 1948, 1980 и 1988 гг. Основные правила корейского языка, принятые в 1988 г., действуют и сейчас. В 1970-е гг. правительство Пак Чон Хи обнародовало программу вытеснения иероглифики «ради укрепления национальной основы в языке». Лишь в 1998 г. правительство Ким Дэджун принял указ о смешанном письме. Одной из значимых организаций в лингвистической деятельности РК помимо «Корейского лингвистического общества» является «Национальный институт корейского языка» (с 1990 г. 국립국어원 [куннип куговон]), который ведёт исследование процессов пополнения лексики, систематизации, упорядочения терминологии, иностранных заимствований, неологизмов, учёт межъязыковых контрастов и лексических вариантов корейского языка.

В лексикологии и профессиональных терминологиях, несмотря на все перипетии новейшей истории, для корейского языка харак-

терна устойчивая приверженность традиционным ценностям и установкам, сформированным конфуцианством, в частности, это выразилось в лексике иероглифического происхождения.

Рассмотрим подробно, в чём конкретно выражается контрастность двух языковых реальностей одного языка. Корейский полуостров — это территория, на которой используется один язык (корейский) и единая письменность (корейская), и, несмотря на вариативность языка Севера и Юга, отличия двух вариантов не столь значимы, чтобы поднимать вопрос о двух разных языках.

В КНДР с 1954 г. принято правило написания в начале слова графемы ㄷ, а на Юге действует так называемый закон начального звука, согласно которому невозможен согласный *p/l*, за исключением фонетических заимствований из западных языков. В Северной Корее написание *n* сохраняется всюду. Слова исконного и ханмунного происхождения, которые на Юге начинаются с непроносимой согласной, на Севере сохраняют своё историческое написание с ㄴ [*ниын*] и ㄷ [*риль*], однако, несмотря на написание, фонетические нормы, принятые в 1960 г., предписывают произнесение начальнослоговых *n* и *p*, исполняются гражданами не всегда, старшее поколение, рождённое до 60-х гг., в основном не произносит в начале слова *n* и *p*.

Северокорейские принципы правописания отражают желание сохранить этимологический облик морфемы [Ли, 2005, с. 48].

Например: **а) вариация** ㄴ/ㅇ: 녀동무 / 여동무¹ «подруга», 녀동생 / 여동생 сестра, 녀자 / 여자 женщина, 녀학교 / 여학교 школа для девочек, 년간 / 연간 в течение года, 녀려 / 염려 переживания; **б) вариация** ㄷ/ㄴ: 락심 / 낙심 разочарование, 락엽 / 낙엽 листопад, 락원 / 낙원 рай, 락천적 / 낙천적 оптимистичный, 로동 / 노동 труд, 로력 / 노력 усилия, 로인 / 노인 пожилой человек; **в) вариация** ㄷ/ㅇ: 령리하다 / 영리하다 «умный», 량심 / 양심 «совесть», 리용 / 이용 «использование», 령량 / 영량 «сила», 령권 / 여권 «паспорт», 령합 / 연합 «объединение», 령락 / 연락 «связь, контакт», 령쇄 / 연쇄 «цепь» [Чон, 2008, с. 48].

Ещё одной особенностью различий межкорейской вариативности в орфографии является использование межслоговой согласной ㅅ [сиот]. По правилам южнокорейской орфографии, если первый слог в словах-композициях заканчивается на гласную, а следующий начинается с взрывного согласного или сонорного, то в подслоге первого корня пишется буква, в отличие от Севера, где, несмотря на формальное отсутствие буквы, произношение остается таким же, как если бы буква была.

¹ 1-е слово — норма КНДР, 2-е — норма РК (везде по тексту, кроме случаев с особыми пометами).

Например: 기'발 / 깃발 «флаг», 나무잎 / 나뭇잎 «лист», 내물 / 냇물 «ручей», 뒤받침 / 뒷받침 «подслог», 메돼지 / 멧돼지 «кабан», 바다물 / 바닷물 «морская вода», 바다가 / 바닷가 «берег моря», 잔치날 / 잔칫날 «день торжества», 저가락 / 젓가락 «палочки для еды», 해빛 / 햇빛 «солнечный свет». Исключения составляют лишь два слова — 밧바람 «дождь с ветром» и 셋별 «новая звезда», которые в обоих вариантах корейского языка пишутся и произносятся одинаково [Чон, 2008, с. 52].

По-разному в КНДР и РК на письме используются в словах геминаты; фонетическая и семантическая структура в обоих вариантах языка остаётся прежней, а графическая — отличной, на Юге пишутся удвоенные согласные, на Севере — одинарные.

Например: 일꾼 / 일꾼 «работник», 색깔 / 색갈 «цвет», 눈썹 / 눈썹 «бровь», 잠깐 / 잠깐 «немного, недолго», 날자 / 날짜 «дата».

Особый интерес представляет слово 원쑤 (КНДР) — 원수怨讐 (РК) «враг»; вероятнее всего, на Севере сознательно было принято такое написание слова для того, чтобы не происходило смешение с омонимом 원수 元帥 «главнокомандующий».

Внутриязыковые отличия проявляются как в словах иероглифического происхождения, так и в иноязычных заимствованиях. В рамках программы очищения корейского языка от иноязычного влияния и гегемонии Китая и Запада, многим заимствованиям в КНДР были найдены или придуманы исконно корейские замены.

Например: 가사 (иерогл. РК) / 집안거두메 (исконное КНДР) «домашние дела», 가연성 / 불탈성 «воспламеняемый», 계좌 / 돈자리 «банковский счёт», 과거 / 어제날 «прошлое», 난류 / 더운흐름 «тёплое течение», 냉수욕 / 찬물미역 «холодная ванна», 녹차 / 푸른차 «зелёный чай», 돌풍 / 갑작바람 «сильный ветер», 산란기 / 알쓸이철 «нерест», 식도 / 밥길 «пищевод», 애연가 / 담배질꾼 «курильщик», 혼연 / 내굴쏘임 «задымление» [Чон, 2008, с. 54].

В силу того, что к концу XIX в. языковые нормы корейского языка не были приняты и усвоены повсеместно, существующие отличия в чтении одних и тех же иероглифических слов существуют до сих пор на Корейском полуострове.

Например: 五六月 — 오륙월 — 오뉴월 «май—июнь», 歪曲 — 외곡 — 왜곡 «искажение», 誤謬 — 오유 — 오류 «ошибка», 休憩所 — 휴게소 — 휴게소 «место отдыха», 肺炎 — 폐염 — 폐렴 «воспаление лёгких».

Можно привести и примеры полных или частичных несоответствий лексики и терминологии на Севере и на Юге, так как основными причинами отличий стало не сознательное очищение языка в рамках языковой политики, а спонтанное внутриязыковое формирование языковой единицы после разделения страны на две части.

Например: 건나다 / 건너다 «пересекать», 벚꽃 / 벚꽃 «сакура», 군관 / 장교 «офицер», 낫새 / 채소 «овощи», 탈가 / 가출 «побег из дома», 소고기 / 쇠고기 «говядина», 닦다 / 볶다 «жарить», 숙보다 / 깔보다 «презирать», 마루 / 바로 «именно, сразу».

Как уже говорилось, лексика — это наиболее гибкая, быстро реагирующая на социальные перемены языковая категория, которая отображает действительность, окружающую человека, картину мира языковой общности людей.

После разделения Кореи орфографические правила для заимствованных слов формировались отдельно в обеих частях полуострова. По ныне действующим в РК правилам транскрибирования заимствований, принятым в 1986 г., иностранные заимствования полагается записывать с использованием лишь 14 согласных и 10 гласных корейского алфавита, причём одна фонема должна записываться с помощью одной корейской графемы (буквы), для написания конечного согласного в подслоге могут использоваться только ㄱ, ㄴ, ㄷ, ㄹ, ㅁ, ㅂ, ㅅ, ㅇ, взрывные звуки обозначаются без помощи ㄱ, ㄴ, ㄷ, ㄹ, ㅁ, ㅂ, ㅅ, ㅇ. На Севере эти правила не действуют. Большинство заимствований пришло из русского языка, они имеют отличную фонетическую и графическую структуру. После языковых реформ 1984 г. в КНДР, а также благодаря постепенному стремлению к языковому единству, мы видим всё меньше отличий в заимствованных словах, однако они присутствуют.

Например: 고뿌 / 컵 «стакан», 그루뻬 / 그룹 «группа», 다이야 / 타이어 «шина», 탕크 / 탱크 «танк», 트락또르 / 트랙터 «трактор», 라지오 / 라디오 «радио», 마라손 / 마라톤 «марафон», 뽕프 / 펌프 «насос», 세멘트 / 시멘트 «цемент», 뽕스 / 버스 «автобус», 쏜세지 / 소시지 «сосиски», 딸라 / 달러 «доллар», 꺽 / 게임 «игра», 뉴안쓰 / 뉘앙스 «нюанс».

Сложность для работы переводчиков представляют географические названия, которые также имеют различное написание на Севере и Юге.

Например: 로싸야 / 러시아 «Россия», 씨비리 / 시베리아 «Сибирь», 도쿄 / 도쿄 «Токио», 불가리아 / 불가리아 «Болгария», 로므니아 / 루마니아 «Румыния», 웅그리아 / 헝가리 «Венгрия».

Каковы же перспективы взаимодействия двух вариантов корейского языка в XXI в.? Любая нация осознаёт, что язык является средством самоидентификации и консолидации нации, поэтому на Корейском полуострове ведётся ряд проектов по унификации лексики корейского языка, по анализу внутриязыковых контрастов.

В последние годы специалисты по корейскому языку активно предлагают способы для языкового объединения Кореи, так как корейский народ стал всё больше стремиться к объединению страны;

напротив, наш национальный язык всё больше различается. Рассмотрим, прежде всего, предлагаемые пути языкового объединения.

Южнокорейские лингвисты Пак Сон У [Пак, 1997], Пак Кап Су [Пак, 1997; Пак, 1994], Ан Су Чхан [Ан, 2005] в своих работах наиболее активно поддерживали точку зрения языкового объединения, а среди российских корееведов наиболее активную позицию необходимости языкового объединения занимал Л.Р. Концевич [Концевич, 1998, с. 10]. Для разрешения проблемы контрастности и вариативности в рамках одного языка необходим ряд мер, которые будут способствовать языковому сближению и объединению корейского языка.

1) Необходимо осознать то, что в настоящий момент важную роль в объединении корейских государств играет понимание необходимости языкового объединения. И хотя в данный момент Корея разделена на две части, это единая нация с единой культурой, традициями, которая должна говорить на едином языке.

2) Важным элементом языковой политики является не только выявление внутриязыковых отличий, но и поиск черт сходства в языке, только тогда возникнет чувство близости между единым народом, который был разделён политическими амбициями, но который стремится к объединению.

3) Важную роль в языковом объединении могут играть не только политические и дипломатические структуры, но и средства массовой информации, частные обмены между гражданами, членами разделённых семей, контакты между лингвистами.

4) Для языкового объединения потребуются постоянный контакт и совместные исследования лингвистов обеих стран и лингвистов-корееведов. Но для этого необходимо создание организации, где будут рассматриваться языковые проблемы и возможность объединения языка по соответствующим традициям правилам. И пиком совместной активности между учёными Севера и Юга может стать объединённый словарь корейского языка, выработка единых орфографических и орфоэпических правил.

Работа по составлению единого большого словаря корейского языка уже ведётся. Так, например, в изданном в РК «Большом стандартном словаре корейского языка» (1999) содержится около 70 000 новых слов из северокорейского варианта языка. Северокорейские слова, которые отсутствуют в южнокорейском варианте, имеют помету 북, обозначающую север, однако эти слова имеют только перевод на южный вариант языка, а описание значений отсутствует.

Один из наиболее значимых межкорейских лингвистических и культурологических проектов — это создание «Большого словаря корейского языка» (조선말대사전 [чосонмаль тэсаджон]). В со-

ставлении словаря принимают участие известные лингвисты и ученые КНДР и РК, проект курирует «Межкорейское общество по созданию большого словаря корейского языка» (겨레말 큰사전 남북공동편찬사업회 [кёремаль кхынсаджон намбук-конъдонъ-пхёнчхан-саопхве]), возглавляет которое известный поэт и филолог Ко Ын. Словарь будет содержать 300 тысяч слов. Словарь создаётся на основе южнокорейского «Большого словаря корейского стандартного языка» (표준국어대사전 [пхджун-куго тэсаджон] 509 тысяч слов) и северокорейского «Большого словаря корейского языка» (조선말대사전 [чосонмаль тэсаджон] 330 тысяч слов). На основе данных словарей в двух вариантах языка будет выявлено и зафиксированно 200 тысяч неперефирийных лексических единиц, а затем добавлено 100 тысяч региональных диалектизмов, наиболее характерных для языковой действительности Севера и Юга.

Список литературы

- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М., 1977. 264 с.
- Дмитриева В.Н. О проблемах развития литературного корейского языка // Филологические науки. МГИМО. № 10 (25). М., 2002. С. 33—45.
- Дмитриева В.Н. Политический фактор в истории корейского языка // Корея: новые горизонты. Доклады IX научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 148—157.
- Дмитриева В.Н. Национальный язык в политике и идеологии государств Корейского полуострова // Корейский полуостров и вызовы глобализации. Доклады X научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 268—276.
- Ким В.В. О языковых проблемах в Корее в условиях раскола страны // Вестн. МГЛУ. № 487. М., 2005. С. 15—23.
- Ли Иксон. Корейский язык / Пер. В.Д. Аткинина. М.: Изд-во «Первое марта», 2005. 484 с.
- Никольский Л.Б. Формирование национального литературного языка в Корее // Современные литературные языки стран Азии. М., 1965. С. 116—131.
- Никольский Л.Б. Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М., 1986. 196 с.
- Похолкова Е.А. Современная экономическая терминология в Республике Корея (лингвистический анализ): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.
- Похолкова Е.А., Ким Ире. 60 лет вместе или врозь? Внутризязыковые лакуны и контрасты корейского языка // Вестник российского корееведения. № 2. М., 2010. С. 79—95.
- Скорбатюк И.Д. Языковые проблемы расчленённой Кореи // Актуальные проблемы Корейского полуострова. М.: ИДВ РАН, 1996. С. 116—165.
- Скорбатюк И.Д. Тенденции развития лексики корейского литературного языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975. 24 с.

- Рожков Р.Р.* Измерение межъязыковых лексических контрастов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук М., 1998. 22 с.
- Kontsevich Lev.* 현대 남북 국어발전 이질화의 경향과 극복 방법에 대하여 // 강남대학교 개최 국제학술 대회 «남북한 언어 통일의 과제와 전망 (*Концевич Л.Р.* Проблемы современного корейского языка и решение // Международная научная конференция «Задачи и перспективы языкового объединения Кореи»). Сеул, 1998. С. 3—22.
- Sohn Ho-Min.* The Korean Language. Cambridge University Press (*Сон Хо Мин.* Корейский язык. Изд-во Кембридж. ун-та). 2001. 445 p.
- 김민수. 민족어의 통일 문제 // 강남대학교 개최 국제학술 대회 «남북한 언어 통일의 과제와 전망 (*Ким Мин Су.* Проблемы объединения корейского национального языка // Международная научная конференция «Задачи и перспективы языкового объединения Кореи»). Сеул, 1998. С. 45—59.
- 박갑수. 남북 맞춤법의 차이와 그 통일 문제. 한국어문연구회 (*Пак Ган Су.* Различия и объединение орфографических правил корейского языка. Институт языкознания Республики Корея). Сеул, 1994. 256 с.
- 박갑수. 남북한의 언어 차이. 교육부 (*Пак Ган Су.* Языковые различия Южной и Северной Кореи. Министерство образования Республики Корея). Сеул, 1997. С. 102—139.
- 박선우. 민족어 통일방안. 백의 (*Пак Сон У.* Пути объединения корейского национального языка. Изд-во «Пэкый»). Сеул, 1989. 346 с.
- 안수찬. 겨레말 큰사전- 남북공동연구의 전망 // 한겨레 신문 (*Ан Су Чан.* Большой словарь корейского национального языка — перспектив совместного исследования Южной и Северной Кореи) // «Хан Кёре»). Сеул, 2005. С. 54—75.
- 전수태. 통합 남북 언어 (*Чон Су Тхэ.* Единый корейский язык). Сеул, 2008. 440 p.
- 한민족 언어 정보화: 남북한 언어 비교 사전. 문화관광부 (Сравнительный словарь корейского языка Южной и Северной Кореи. Министерство культуры и туризма). Сеул, 1999. 362 с.

РЕЦЕНЗИИ

В.А. Татаринов,

доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм); e-mail: rossterm@mail.ru

ТЕРМИН “NICHTWISSEN” КАК ОБЪЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рецензируемый сборник содержит статьи, анализирующие эволюцию и современное употребление одного из центральных терминов гносеологии *Nichtwissen* «незнание», интерес к которому не уменьшается с момента опубликования труда Николая Кузанского (1401–1464) “*De docta ignorantia*” (1440) («Об учёном незнании»). Рецензент сосредоточил внимание на стремлении авторов статей дифференцировать употребление термина *Nichtwissen* в разных европейских культурах и научных парадигмах, а также на возможностях более полного анализа понятия с привлечением методик межкультурного исследования. В рецензии высказаны предложения о дальнейших путях актуализации анализа рассмотренного понятия.

Viktor A. Tatarinov,

Dr. Sc. (Philology), President of Russian Terminology Society, Russia; e-mail: rossterm@mail.ru

The Term “Nichtwissen” as Object of Intercultural and Interdisciplinary Investigation

Das rezensierte Buch ist als erster Band in der Buchserie Wissen — Kompetenz — Text erschienen¹. Beide Titel (des Sammelbandes und der Serie) sind offensichtlich zukunftsfruchtig und gnoseologisch aktuell, weil unter diesen Namen ambivalente und wissenschaftsrelevante Begriffe untersucht werden, die mit “unzureichendem” Wissen verbunden sind.

Die Thematik des Bandes reicht von den grundsätzlichen Klärungen der Begriffe “Nichtwissen” und “Nichtwissenskommunikation” durch die Untersuchung des Nichtwissens in verschiedenen Zweigen der Wissenschaft und Technik bis zu den ethischen Problemen des Nichtwissens und Stratifikation der Fachsprachen vom Standpunkt des Nichtwissens aus.

Im Vorwort findet der Leser einen tüchtigen und feinen Überblick über die Auslegungen der Autoren der Beiträge zu genannten Problemen. Mit Peter Janich behaupten die Herausgeber, dass es ein mehrschichtiges System des Nichtwissens gäbe; im Beitrag von Ingo H. Warnke werden traditionelle Topoi der Sprachwissenschaft unterstrichen: Funktionen der Sprache in Verbindung mit Wissen und Macht; Peter Wehling bringt das Problem der Entstehung der Nichtwissenskulturen auf den Begriff; Jan C. Schmidt

¹ Rec. ad op.: Nichtwissenskommunikation in den Wissenschaften. Interdisziplinäre Zugänge / Hrsg. Janich, Nina, Nordmann, Alfred, Schebek, Liselotte. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2012. 341 s.

schreibt über den technologischen Umgang mit dem Nichtwissen, dass die Technik selbst eine Quelle des technologischen Nichtwissens sei; Hans Poser verbindet die Existenz des Nichtwissens mit der Technikentwicklung; Andreas Lösch, Matthias Groß, Alena Bleicher und Stefan Bösch befassen sich mit der Frage des Nichtwissens im soziologischen und politischen Kontext; Gerhard Gamm und Kevin C. Elliott runden die Diskussion zu Aspekten des Nichtwissens mit Besprechung der Unbestimmtheit des Wissens selbst und mit dem Plädoyer für den “verantwortungsbewussteren wissenschaftlichen Sprachgebrauch” ab.

Dank den ausführlichen Auslegungen der Herausgeber im Vorwort zum Band haben wir Möglichkeit mehr Aufmerksamkeit den kritischen Bemerkungen zu schenken.

In der Einleitung versuchen die Herausgeber die Wege der Untersuchung des Grundbegriffs des Sammelbandes anzuvisieren und formulieren: “Nichtwissen ist das, was die Wissenschaft noch nicht weiß, aber gerne wissen will und wofür noch die nötigen Forschungsgelder ausgegeben werden müssen” (S. 7). Es soll eine Definition per *genus proximum et differentia specifica* kreiert werden, sonst epistemologisch gesehen, wurden diese Wege nicht am richtigen Ort gesucht und darum selbstverständlich nicht gefunden. Die angeführte Definition konnte für die Autoren nicht zur regulativen Idee werden. Der Leser sieht, dass die Herausgeber die Schwerpunkte der Artikel begründen und nicht umgekehrt — die Autoren des Sammelbandes sollen die Hauptidee des Buches diskutieren und den Grundbegriff entwickeln.

Man sollte eben mit dem Begriff “Nichtwissen” arbeiten und nicht mit den politischen, pragmatischen oder ökologischen Problemen der Menschheit, in dieser Serie auch vielleicht unter den Aspekten von Fachsprache, grob gesagt, wie wird der Begriff Nichtwissen versprachlicht und kommuniziert (unter diesen Aspekten werden auch die Sammelbände Kalverkämpfers herausgegeben). Dazu ist der Begriff Nichtwissen zu einem allgemeinwissenschaftlichen Begriff geworden. Das heißt, dass er einen epistemologischen inhaltlichen Kern entwickelt hat, und damit sollte in der Untersuchung begonnen werden und nicht mit den peripheren Nebenbedeutungen pragmatischer Prägung. Der Untertitel “interdisziplinäre Zugänge” hilft leider nicht. Interdisziplinär bedeutet, wenn wir ein Objekt in einer Disziplin untersuchen, aber wir verwenden die Errungenschaften anderer Disziplinen. In diesem Fall wurde nicht die Grunddisziplin gewählt, sondern ein Begriff (Nichtwissen), wie er von verschiedenen Spezialisten ausgeführt wird. Das ist meines Erachtens kein interdisziplinäres Herangehen. Ich als Linguist lese zwar, was die Techniker über die Sprache meinen, diese Meinungen sind für meine Ziele aber meistens nicht zu gebrauchen. Um ein adäquates Fazit ziehen zu können, muss man den entsprechenden Begriffsapparat (in diesem Falle z.B. den Begriffsapparat der Fachsprachenforschung oder den der Epistemologie) beherrschen, sonst sollten wir über interdisziplinäre Studien nicht sprechen.

Dann ist das “Nichtwissen” kein “Nicht-Wissen” oder “non-knowledge”. Das bedeutet, dass “Nichtwissen” ist nicht das, was wir noch nicht wissen,

sondern **eine Art Wissen**, beispielsweise ein transzendentes Wissen, d.h. Wissen, das wir beherrschen, aber nicht imstande sind, es sich zu vergegenwärtigen oder zu interpretieren. Wenn wir über die negativen Resultate unserer Tätigkeit sprechen, so ist das eine triviale Situation mit den unausgebildeten Leuten. Das ist Nichtwissen in alltäglicher Bedeutung und Gebrauch. Besonders gefährlich in dieser Relation sind die Sentenzen von großen Leuten: "Nichtwissen [ist] gleichsam die andere Seite des Wissens" (S. 94). Es liegt nahe, das es sich um eine irreführende Aussage handelt, weil sie wissenschaftlich nicht fundiert ist. Das betrifft auch den Gebrauch einzelner Wörter im wissenschaftlichen Diskurs. Wenn der Philosoph die Geschichte der Philosophie kennt, gebraucht er den Terminus Weisgerbers in der Form *inhaltbezogen*, und nicht **inhaltsbezogen* (S. 96).

Dazu ist das Wissen ein axiomatischer Begriff, das Nichtwissen ist seit Nicolaus Cusanus ("De docta ignorantia") ein philosophischer Begriff. Leider wird Cusanus im Sammelband überhaupt nicht erwähnt. Im englischsprachigen Raum wird gerade die Tradition gepflegt, die auf Cusanus zurückzuführen ist. Mehr noch, "Nichtwissen" gehört zu einer anderen Kategorienreihe. Es ist kein Antonym des Wortes "Wissen". Über die Transtendenz habe ich bereits Aussagen getroffen. Der gebildete Mensch "speichert" diese Begriffe in verschiedenen mentalen Sphären, weil dieser Prozess nur für die Laien den Fällen *gut* — *nicht gut* (Antonyme!) gleich ist; ein wissenschaftlicher Quasi-Weg ist es, "von der Morphologie des Wortes Nichtwissen auszugehen und von hier auf die Negation des Wissens im Nicht-Wissen hinzuweisen" (S. 52). Die Antonymie in der Wissenschaft ist ein stark verzweigtes und mehrschichtig hierarchisiertes System und hat manchmal nichts mit der allgemeinsprachlichen Antonymie zu tun.

Zweifelhaft sind die Ausführungen der Autoren zu negativer Modalität, negativen Charakteristika und Kategorien. Ständig werden z.B. die unglücklichen Metaphern in Wissenschaft und Technik erwähnt (seit langem aber ist es bewiesen, dass eine Metapher eine starke heuristische Funktion in der Wissenschaft erfüllt); die Ambivalenz der Sprache in der Wissenschaft wird kritisiert (aber nur dank der Ambivalenz erweitert sich der wissenschaftliche Begriff und wächst sein Inhalt).

Die Autoren versuchen den wissenschaftlichen Inhalt des "Nichtwissens" durch die allgemein gebräuchlichen Bedeutungen des Wortes zu deuten. Das ist jedoch eine verbotene Technik in der Logik. Durch die Synonyme (vgl. S. 52—53) ist es unmöglich, die wissenschaftlichen Inhalte aufzudecken. Im wissenschaftlichen Diskurs gibt es Synonyme, sie bilden aber nicht analoge, sondern eigenartige Synonymreihen, um spezifische Aspekte der Begriffe zu unterstreichen. Um die synonymischen Beziehungen des Terminus "Nichtwissen" festzustellen, sollten die philosophischen Texte untersucht werden und nicht die erklärenden Wörterbücher der deutschen Sprache.

Mit Ungeduld werden wir den nächsten Band in der Reihe erwarten. Hoffentlich verfolgt dieser eine klare regulative Idee und wieder eine diskutabile Folie.

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате ПДФ;

— *примечания* в виде подстраничных сносок. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты: vestnik22@mail.ru. Тел.: 8-495-939-33-48.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и ее соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.